

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
Факультет государственного управления

Лагно Анна Романовна

На правах рукописи

Ректор Московского университета
Вячеслав Петрович Волгин
(1879–1962)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор
Сидоров Александр Валентинович

Москва
2010

Содержание

Введение	2
Раздел I. Становление личности В.П. Волгина	41
Раздел II. У истоков зарождения советской высшей школы. В.П. Волгин – декан ФОНа.....	53
Раздел III. В.П. Волгин во главе Московского университета.....	88
Раздел IV. Деятельность В.П. Волгина на руководящих постах Академии наук	122
Раздел V. Вклад В.П. Волгина в историческую науку. Последние годы жизни.....	155
Заключение.....	174
Список источников и литературы.....	180
Приложения.....	198
Приложение № 1. Схема развития факультета общественных наук (1919–1925 гг.)	198
Приложение № 2. Схема управления МГУ в 1921–1925 гг.	199
Приложение № 3. Схема развития гуманитарных факультетов МГУ (1925–1930 гг.)	200
Приложение № 4. Библиография трудов В.П. Волгина	201
Приложение № 5. Список сокращений	221

Введение

В современном обществе высшее образование стало одной из основных ценностей. Как отметил ректор МГУ¹, академик В.А. Садовничий: «образование – важнейшее, определяющее условие успешного развития общества, залог его экономического процветания и политической стабильности»². Московский университет – старейший вуз в России, и за свою многолетнюю историю накопил большой опыт в области управления высшим образованием.

Ректор МГУ воспринимается обществом и властью как первое лицо в системе отечественной высшей школы. Опыт работы Вячеслава Петровича Волгина (1879–1962) как на посту ректора университета, так и на других руководящих должностях в сфере высшего образования и науки представляется весьма продуктивным. Он начал работать в МГУ с 1919 г. и был непосредственным участником, а порой инициатором проводимых в университете преобразований. Ему довелось руководить МГУ в один из наиболее сложных периодов его истории, когда происходила перестройка высшего образования, велись поиски наилучшего варианта структуры университета, пересматривались образовательные программы с целью подготовки специалистов для молодого социалистического государства. В условиях форсированной реконструкции народного хозяйства в 20-х–30-х гг. коренным образом изменилась сущность высшего образования, а также методы и темпы подготовки специалистов. Государство проявляло исключительно большое внимание к системе функционирования высшей

¹Аббревиатура МГУ используется для сокращения. Московский университет до Февральской революции именовался «Императорский Московский университет», между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. – «Московский университет». С октября 1917 г. по сентябрь 1930 г. – «I Московский государственный университет» (I МГУ).

² *Садовничий В.А.* Университет XXI века. Размышления об университетском образовании // Об образовании. Евразийское пространство: К 20-летию Евразийской ассоциации университетов. М., 2009.

школы и предъявляло определенные требования к административной деятельности ректора, а также к его личным качествам.

В последнее время возрос научный интерес к истории МГУ¹. Он был вызван как прошедшим в 2005 г. юбилеем университета, так и желанием исследователей осветить историю этого вуза с других методологических позиций, дополнить биографии выдающихся деятелей отечественной науки, переосмыслить и, может быть, по-новому оценить их преподавательскую, исследовательскую и административную деятельность.

Актуальность изучения деятельности В.П. Волгина обуславливается также современными процессами, происходящими в сфере высшего образования. Детальное и углубленное изучение истории высшей школы и Московского университета, в частности, позволит сделать анализ позитивных и негативных результатов реформирования высшей школы в рассматриваемый период, что будет полезно для дальнейшего изучения проблемы модернизации высшего образования, выработки правильной стратегии и тактики в этой области. Современные управленцы должны учитывать опыт, накопленный за два с половиной века поступательного строительства университета. При этом нельзя забывать о том, что в разные исторические периоды перед высшим образованием ставились задачи, вызванные потребностями развития общества того времени, поэтому сообразно с этими потребностями изменялись и направления академической политики в вузах.

Объектом исследования является система высшего образования и науки в советский период.

¹См., например: Профессора и доктора наук Московского государственного университета. Биографический словарь. М., 1997; *Ильченко Е.В.* Академик И.Г. Петровский – ректор Московского университета. М., 2001; Все о Московском Университете (1755–2001). Библиографический указатель. М., 2002; Историческая наука в Московском университете. 1755–2004 / Под ред. С.П. Карпова. М., 2004; Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: к 70-лет. юбилею ист. фак. / Сост. Л.С. Леонова. М., 2004; Летопись Московского университета. Т. I: 1755–1952 / Автор-состав. Е.В. Ильченко. М., 2004; Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Материалы международной конференции. М., 2004; Ученые Московского университета – действительные члены и члены-корреспонденты Российской Академии наук (1755–2004). Биографический словарь. М., 2004; Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004 и др.

Предмет исследования – деятельность В.П. Волгина как администратора, ученого, педагога и ректора Московского университета.

Хронологические рамки. Выбранный период определяется годами жизни В.П. Волгина: 1879 – 1962 гг. При этом особое внимание в диссертации уделено 1920-м–1930-м гг., как времени его наибольшей административной активности.

Степень изученности проблемы. В целом, можно выделить двух исследователей, которые занимались биографией и разбором научных работ В.П. Волгина: А.З. Манфред и В.А. Дунаевский. Альберт Захарович Манфред (1906–1976) был заместителем главного редактора¹ «Французского ежегодника», который начал выходить с 1958 г., а после смерти В.П. Волгина в 1962 г. стал главным редактором этого издания². Всего он написал о В.П. Волгине 4 статьи³. Владимир Аронович Дунаевский (1919–1998), крупный специалист в области истории нового времени и историографии, занимался как исследованием работ В.П. Волгина, так и разысканиями в области его биографии⁴. Анализ работ этих двух историков приведен ниже, т.к., на

¹В 1958–1962 гг. главным редактором «Французского ежегодника» был В.П. Волгин.

²См.: *Оболенская С.В.* Первая попытка истории «Французского ежегодника» // Французский ежегодник 2002. М., 2002.

³*Манфред А.З.* К восьмидесятилетию академика Вячеслава Петровича Волгина // Новая и новейшая история. 1959. № 4. С. 119–126; *Манфред А.З.* Ученый-революционер // Культура и жизнь. 1961. № 8. С. 46–47; *Манфред А.З.* Волгин В.П. // Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 3. М., 1961. Стб. 662–663; *Манфред А.З.* Волгин В.П. // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 5. 3-е изд. М., 1971. Стб. 871–873.

⁴*Дунаевский В.А.* Некоторые вопросы истории социалистических идей в освещении советской историографии (1917–1934 гг.): Памяти академика В.П. Волгина. Доклад // Первая научная сессия: Совет по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам ЦЧЭР. Воронеж, 1962. С. 122–123; *Дунаевский В.А., Поршнев Б.Ф.* Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917–1963) // История социалистических учений. Памяти академика В.П. Волгина. М., 1964. С. 3–91; *Дунаевский В.А.* Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941. М., 1974; *Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* К истории публикации исследования В.П. Волгина о Жане Мелье // История и историки: Историографический ежегодник. 1976. М., 1978; *Дунаевский В.А.* Переписка В.П. Волгина в годы Великой Отечественной войны: Письма Д.М. Петрушевскому и Ф.В. Потемкину // История социалистических учений. М., 1977. С. 269–274; *Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981; *Дунаевский В.А.* Научно-общественная деятельность академика В.П. Волгина в дооктябрьский период (по новым мате-

наш взгляд, более целесообразным будет показать развитие историографии о В.П. Волгине в хронологическом порядке.

Историографию всего комплекса работ, посвященного В.П. Волгину, представляется возможным разделить на два периода:

– 1920-е – 1980-е годы – появление разнообразных по жанру работ, в которых в основном дается положительная оценка деятельности В.П. Волгина;

– 1990-е – 2000-е годы – попытка переосмысления роли В.П. Волгина в истории высшего образования и науки на основе привлечения новых источников.

Первая биографическая заметка о В.П. Волгине появилась в 1928 г., в Большой советской энциклопедии¹ (в это время В.П. Волгину исполнилось 49 лет). Основной упор в ней сделан на освещение его революционной деятельности. Тексты следующих изданий Большой советской энциклопедии (2-го² и 3-го³) незначительно отличаются друг от друга, однако революционному прошлому В.П. Волгина посвящено уже значительно меньше места. Перечисляются должности, которые он занимал, его научные достижения, приводятся небольшие библиографические списки работ.

В 1931 г. Н.М. Лукиным была составлена записка об ученых трудах В.П. Волгина⁴. Он так характеризует деятельность своего коллеги: В.П. Волгин «является пионером в деле создания марксистской истории социализма как особой исторической дисциплины и лучшим в СССР специалистом по истории социалистических идей»⁵. Также он не преминул упомянуть о работе по реорганизации высшей школы, которую проделал

риалам) // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 219–226.

¹Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 12. М., 1928. Стб. 710–711.

²Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 8. 2-е изд. М., 1951. С. 613–614.

³*Манфред А.З.* Волгин В.П. // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 5. 3-е изд. М., 1971. Стб. 871–873.

⁴Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР, избранных 1 февраля 1931 года. Л., 1931. С. 5–8.

⁵Записки об ученых трудах... С. 5.

В.П. Волгин, и о его больших заслугах в деле подготовки молодых ученых-историков¹. Впоследствии такие формулировки будут встречаться во всех статьях, посвященных биографии В.П. Волгина. Н.М. Лукин положительно отзывается о последней на тот момент работе своего коллеги – «История социалистических идей» (до начала XIX в.). Так, он пишет, что «автор проводит принципиальное разграничение между социалистическими и эгалитарными теориями и тем самым вносит необходимую ясность в методологическую установку своей дисциплины»². Н.М. Лукин отмечает, что В.П. Волгин превосходно разбирается в источниках и литературе, касающихся истории социалистических идей, проводит тщательный и тонкий анализ материала, последовательно применяет марксистский метод, что его тексты отличаются точностью и строгой логичностью мысли, сжатостью и выпуклостью изложения³. Эти и другие подобные формулировки впоследствии будут встречаться в статьях А.З. Манфреда и других историков.

В 1942 г. в сборнике статей «Двадцать пять лет исторической науки СССР» академиком Е.В. Тарле⁴ была дана общая характеристика работ В.П. Волгина. Автор, в общем, положительно оценивает его научные исследования, что, в принципе, очевидно в силу юбилейного характера издания. Е.В. Тарле отметил, что наиболее удачными в творчестве В.П. Волгина получились главы о раннем христианстве, о таборитах, о первых утопистах⁵, «очень хороши страницы о Руссо и о Ретифе де-ла-Бретонн»⁶. Также он положительно отзывается о его методе работы.

В 1954 г. Академией наук СССР была издана книга о В.П. Волгине со вступительной статьей Ф.А. Ротштейна и библиографией, составленной

¹Записки об ученых трудах... С. 6.

²Там же.

³Там же.

⁴Тарле Е.В. Новая история в работах советских историков // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / Под ред. В.П. Волгина, Е.В. Тарле, А.М. Панкратовой. М.; Л., 1942. С. 236–248.

⁵ Имеются в виду главы книги «История социалистических идей» (М., 1928–1931).

⁶ Речь идет о главах в книге В.П. Волгина «Социальные и политические идеи во Франции 1748–1789 гг.» (М., 1940).

Н.М. Асафовой¹. В этом издании в основном проводится разбор сочинений В.П. Волгина по утопическому социализму, а также немного места уделено биографическим данным, становлению научных интересов, преподавательской и общественной деятельности.

В том же году журнал «Вестник древней истории» опубликовал заметку, приуроченную к 75-летию В.П. Волгина². В ней отмечалось, что он внес большой вклад в изучение античной идеологии: «Вы своим талантом ученого и организатора много содействуете развитию этой отрасли советской исторической науки»³. В следующем году был выпущен сборник статей, посвященный этому же событию⁴. В нем содержались приветственные речи в честь юбилея, воспоминания учеников и коллег В.П. Волгина.

К следующему юбилею В.П. Волгина (в 1959 г. ему исполнилось 80 лет), в трех исторических журналах («Новая и новейшая история», «Вопросы истории» и «Вестник древней истории») были изданы разного рода материалы о нем. Так, «Вестник древней истории» отметил, что В.П. Волгин «близок и дорог» историкам древнего мира как «исследователь зарождения социалистических идей в древности»⁵.

А.З. Манфред в статье⁶, вышедшей в журнале «Новая и новейшая история», отмечает успехи В.П. Волгина в деле создания советской высшей школы, организации советской науки, достаточно основательно описывает его профессиональную деятельность. Автор статьи подчеркивает, что В.П. Волгин, «вооруженный учением марксизма-ленинизма, отправляясь от идей и конкретных суждений Маркса, Энгельса, Ленина, впервые создал единую научную концепцию развития социалистических идей в домарксов

¹ Вячеслав Петрович Волгин. Серия истории. Вып. 4. М., 1954.

² К 75-летию академика В.П. Волгина // Вестник древней истории. 1954. № 4. С. 180.

³ Там же.

⁴ Из истории социально-политических идей. Сб. статей. К 75-летию акад. В.П. Волгина. М., 1955.

⁵ К юбилею академика В.П. Волгина: К 80-летию со дня рождения // Вестник древней истории. 1959. № 2. С. 219.

⁶ Манфред А.З. К восьмидесятилетию... С. 119–126.

период»¹, которая «стала стержневой для истории социалистической мысли как особого предмета исторической науки... она давно уже вошла в основной фонд достижений советской исторической науки и стала общепринятой»². Далее А.З. Манфред развивает тезисы, высказанные Н.М. Лукиным по поводу научной деятельности В.П. Волгина тридцатью годами ранее, в 1931 г.: «еще важнее для понимания социалистической мысли были разработка и научное обоснование В.П. Волгиным понятия эгалитаризм и применение этого понятия в конкретно-историческом анализе (взглядов Руссо, Ленге, Бриссо, якобинцев и др.)»³. В статье, вышедшей в журнале «Вопросы истории»⁴, можно выделить три части: биография В.П. Волгина, его исследовательская деятельность и поздравление с юбилеем.

Следующий комплекс статей о В.П. Волгине вышел в 1961 г. Поводом послужило награждение Ленинской премией за научную работу «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» и серию «Предшественники научного социализма»⁵. В основном в этих статьях перечисляются все те же заслуги В.П. Волгина, а также с особенным упором подчеркивается то, что ленинская мысль о том, что всем коммунистам и трудящимся следует черпать вдохновение для революционной борьбы и социалистического строительства в славной истории социалистических движений прошлого «направила научное творчество В.П. Волгина, помогла ему внести огромный вклад в изучение истории социалистических идей... все его труды посвящены, по существу, одной большой теме – показу идейно-исторической подготовки

¹Манфред А.З. К восьмидесятилетию... С. 124.

²Там же. С. 125.

³Там же.

⁴К восьмидесятилетию академика Вячеслава Петровича Волгина // Вопросы истории. 1959. № 9. С. 198–203.

⁵В.П. Волгин – лауреат Ленинской премии // Новая и новейшая история. 1961. № 3. С. 159; Академик В.П. Волгин – лауреат Ленинской премии // Вопросы истории. 1961. № 7. С. 3–5; Вручение Ленинской премии академику В.П. Волгину // Вестник АН СССР. 1961. № 9. С. 114; Выдающийся вклад в историческую науку: (К присуждению Ленинской премии акад. В.П. Волгину) // Преподавание истории в школе. 1961. № 4. С. 19–20; Манфред А.З. Ученый-революционер // Культура и жизнь. 1961. № 8. С. 46–47; Чествование академика В.П. Волгина 25 апреля 1961 г. в Институте истории АН СССР // Новая и новейшая история. 1961. № 4. С. 180.

возникновения марксизма-ленинизма»¹. И еще: «показывая вызревание коммунистических взглядов в процессе героической борьбы народных масс за социальное освобождение, Волгин своими трудами помогает полнее осознать величие идей, которыми руководствуется Коммунистическая партия и вдохновляется советский народ в борьбе за построение коммунистического общества»². Похожая мысль звучит и у А.З. Манфреда: история социалистической мысли домарковского периода, созданная В.П. Волгиным «вскрывает и показывает, как глубоки корни современного коммунистического учения, сколь многих славных предшественников имел научный коммунизм в развитии общественной мысли прошлых исторических эпох»³. Также отмечается, что книги В.П. Волгина по истории социалистических учений оказали сильное влияние на идейно-теоретический рост учителей истории и имели неопределимое значение к непосредственной подготовке учителей к урокам⁴.

В этом же году в Советской исторической энциклопедии была помещена статья о В.П. Волгине, написанная А.З. Манфредом⁵ (В.П. Волгин входил в члены главной редакции этого издания). А.З. Манфред обобщает научное творчество В.П. Волгина и выделяет два комплекса научных проблем, которыми занимался ученый: история социалистической мысли домарковского периода и развитие общественной мысли во Франции XVIII в. Заслугой В.П. Волгина в науке, как уже писал А.З. Манфред в предыдущих своих работах о нем, было создание им нового предмета – истории социалистических идей⁶.

Следующий всплеск публикаций появился в 1962–1965 гг., уже после смерти В.П. Волгина. В статье В.А. Дунаевского⁷ впервые появляется

¹Академик В.П. Волгин – лауреат Ленинской премии // Вопросы истории. 1961. № 7. С. 4.

²Академик В.П. Волгин – лауреат Ленинской премии. С. 5.

³Манфред А.З. Ученый-революционер. С. 47.

⁴Выдающийся вклад в историческую науку. С. 20.

⁵Манфред А.З. Волгин В.П. // Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 3. М., 1961. Стб. 662–663.

⁶Манфред А.З. Волгин В.П. // Советская историческая энциклопедия. Стб. 663.

⁷Дунаевский В.А. Некоторые вопросы истории социалистических идей в освещении советской историографии (1917–1934 гг.): Памяти академика В.П. Волгина. Доклад // Первая

критика (хотя и достаточно мягкая) некоторых выводов В.П. Волгина о том, что А. Сен-Симон, Ш. Фурье и М. Оуэн были «социалистами более чем сомнительными». Хотя, как указывает автор статьи, «сам В.П. Волгин в дальнейшем решительно изменил свою оценку этого вопроса»¹. В целом же, отзывы о его научной деятельности более чем положительные: «исследования Волгина явились крупным вкладом молодой советской исторической науки в область изучения истории общественной мысли нового времени... они оказали большое влияние на советских историков более молодого поколения, создавших к настоящему времени немало работ, продолжающих дело одного из тех выдающихся советских ученых, которые стояли у колыбели марксистско-ленинской науки новой истории с первых шагов ее существования»².

В сборнике статей, посвященном памяти В.П. Волгина, в публикации В.А. Дунаевского и Б.Ф. Поршнева «Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917–1963)»³ приводится биография В.П. Волгина, подробно характеризуются его работы и редакторская деятельность.

В 1975–1979 гг. вышло пять томов избранных трудов В.П. Волгина⁴. Как считает А.А. Искендеров, «это издание работ Волгина представляет собой золотой фонд нашей науки, это сама история советской исторической науки, отразившая важные этапы ее становления и развития»⁵. В 1-м⁶ и 5-м¹

научная сессия: Совет по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам ЦЧЭР. Воронеж, 1962. С. 122–123.

¹Там же. С. 123.

²Там же.

³*Дунаевский В.А., Поршнев Б.Ф.* Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917–1963) // История социалистических учений. Памяти академика В.П. Волгина. М., 1964. С. 3–91.

⁴Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М., 1975; Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М., 1976; Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1977; Французский утопический коммунизм. М., 1978; *Волгин В.П.* Статьи и выступления. М., 1979.

⁵*Искендеров А.А.* В.П. Волгин и проблемы всеобщей истории // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 12.

⁶*Поршнев Б.Ф.* В.П. Волгин // Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М., 1975. С. 3–8.

томе содержатся вступительные статьи об ученом. Б.Ф. Поршневу, описывая становление его научных интересов и первые шаги на этом поприще, признает, что Вячеслав Петрович сыграл большую роль в деле формирования истории социализма, как нового научного знания, но в то же время замечает, что в ряде случаев «соображения, высказанные Волгиным, не получили подтверждения в науке... ее дальнейшее развитие позволило уточнить многие факты, отказаться от неправильных выводов и оценок»². Однако, в то же время, Б.Ф. Поршневу не указывает какими именно были эти «соображения». В.А. Дунаевский в основном сосредотачивается на публицистической деятельности В.П. Волгина в начале XX в.: на его сотрудничестве в первой легальной социал-демократической большевистской газете «Новая жизнь», в газете «Русские ведомости», в ежемесячном литературном, научном и политическом журнале «Летопись», где он вел отдел «Иностранное обозрение», в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов», в научно-популярном и литературно-художественном журнале «Рабочий мир»³.

В статье «Изучение истории французского социализма (до 1914 г.) в советской науке» В.М. Далин⁴ проводит краткий обзор наиболее существенных работ советских историков, посвященных этой тематике. Конечно, такая статья не могла не содержать анализа трудов В.П. Волгина. Автор отмечает, что в 40–50-х гг. внимание ученого привлекла тема «необабувизма»⁵, и наиболее полную и аргументированную оценку идей Л.О. Бланки создал именно В.П. Волгин, опубликовав ее в вводной статье к «Избранным произведениям» Л.О. Бланки (1952 г.). В.М. Далин отмечает, что единственным из французских мыслителей XIX в., которому В.П. Волгин не посвятил специального исследования, был П.-Ж. Прудон. По мнению автора статьи, это

¹ Дунаевский В.А. Введение // Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 3–5.

² Поршневу Б.Ф. В.И. Волгин. С. 8.

³ Дунаевский В.А. Введение // Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 4.

⁴ Далин В.М. Изучение истории французского социализма (до 1914 г.) в советской науке // Новая и новейшая история. 1974. № 2. С. 147–157.

⁵ Там же. С. 152.

Необабувизм – революционное направление утопического коммунизма.

можно объяснить тем, что Вячеслав Петрович, видимо, не относил Прудона к числу социалистических мыслителей¹.

В монографии В.А. Дунаевского «Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941»² рассматривается становление и развитие советской историографии нового времени стран Запада за первую четверть века существования Советского государства. Есть в книге краткая биография В.П. Волгина и анализ его работ (С. 195–198). В очередной раз повторяется тезис о том, что главным теоретическим результатом исследований В.П. Волгина было то, что он «в высшей степени отчетливо и тонко сумел провести разграничение утопического социализма и эгалитаризма»³.

Появление следующего потока статей, посвященных В.П. Волгину, был вызван 100-летием со дня его рождения. 27 июня 1979 г. состоялась научная сессия Отделения истории АН СССР, Научного совета по проблеме «История исторической науки» и Института всеобщей истории АН СССР, посвященная 100-летию со дня рождения В.П. Волгина. По результатам этого собрания в печати появилось несколько публикаций в 6-м номере журнала «Новая и новейшая история»⁴, а также статья А.В. Кольцова в «Вестнике АН СССР»⁵. Последняя основана на архивных материалах и посвящена в основном деятельности В.П. Волгина в Академии. Автор акцентирует внимание на том, что в поле зрения В.П. Волгина находились все главнейшие вопросы ее деятельности и его роль в реформировании этого научного учреждения чрезвычайно высока.

¹Далин В.М. Изучение истории французского социализма... С. 153.

²Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941. М., 1974.

³Там же. С. 197.

⁴Жуков Е.М. В.П. Волгин – организатор советской исторической науки // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 3–5; Искендеров А.А. В.П. Волгин и проблемы всеобщей истории // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 6–12; Дурновцев В.И. 100 лет со дня рождения академика В.П. Волгина: Научная сессия отделения истории // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 211–212; Горбачева А.Н., Григорьева В.З. Юбилейная выставка книг // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 212–214.

⁵Кольцов А.В. Академик В.П. Волгин – организатор советской науки: К 100-летию со дня рождения // Вестник АН СССР. 1979. № 8. С. 105–111.

Академик Е.М. Жуков отметил, что «научное значение исследований В.П. Волгина исключительно велико»¹. Он был близко знаком с Вячеславом Петровичем с 1930 г.² Е.М. Жуков высказывает важный тезис о том, что необходимый опыт организационного руководства, который в полной мере проявился в деятельности В.П. Волгина в АН СССР, он почерпнул еще в 20-х годах, будучи ректором Московского университета.

А.А. Искендеров пишет, что «среди замечательной плеяды русских историков было немало ярких имен, но В.П. Волгина среди них выгодно отличало «умение глубоко понять и правильно оценить новые условия, созданные победой Великого Октября», он «осознал роль и место историка в борьбе народа, созидающего новую жизнь, и исходя из этой высокой гражданской и партийной позиции определял наиболее перспективные, отвечающие духу времени и потребностям революционной эпохи направления научных исследований»³. Как считает автор, В.П. Волгин оказал большое влияние на становление историографии как особой научной дисциплины, а также на постановку ряда методологических проблем всеобщей истории, четко оценил состояние «буржуазной исторической науки» в духе тогдашней идеологии («буржуазная историческая наука находится в состоянии жесточайшего кризиса»⁴).

А.А. Искендеров подытоживает: «многие положения и выводы, сформулированные Волгиным несколько десятилетий назад, не только не утратили своего научного и практического значения, но и сегодня звучат убедительно и актуально, вызывая повышенный интерес к узловым вопросам теории и методологии исторической науки»⁵ <...> «многие работы Волгина

¹Жуков Е.М. В.П. Волгин – организатор советской исторической науки. С. 3.

²Там же. С. 4.

³Искендеров А.А. В.П. Волгин и проблемы всеобщей истории. С. 6.

⁴Волгин В.П. Международный конгресс историков в Варшаве // Исторический сборник. Т. 1. Л., 1934. С. 23.

⁵Там же. С. 6.

имеют непреходящее значение, на них воспитывались и продолжают воспитываться поколения советских историков»¹.

В.И. Дурновцев в своей статье² описывает ход научной сессии отделения истории, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Волгина. Дает краткую характеристику докладов В.А. Дунаевского, Г.С. Кучеренко, воспоминаний о В.П. Волгине И.С. Галкина, встречавшегося с ним в годы Великой отечественной войны³, В.М. Далина, рассказавшего о его методах работы как исследователя. В честь памятной даты в Государственной публичной исторической библиотеке была открыта выставка публикаций В.П. Волгина, на которой был также представлен университетский курс его лекций по истории развития социалистических идей⁴.

В 1981 г. вышла книга В.А. Дунаевского и Г.С. Кучеренко, посвященная историографии западноевропейского утопического социализма в работах советских историков⁵. Помимо обзора работ, изданных в 1917–1979 гг., книга содержит весьма существенные замечания по общеметодологическим и специальным вопросам истории западноевропейского утопического социализма выдающихся советских ученых, а также очерки, раскрывающие на основе новых архивных данных некоторые стороны творчества В.П. Волгина в до-революционное время.

Первый очерк (С. 19–112) «Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917–1963 гг.)» основан на материалах статьи В.А. Дунаевского и Б.Ф. Поршнева, опубликованной в сборнике «История социалистических учений. Памяти акад. В.П. Волгина» (М., 1964). Четвертый очерк (С. 183–204) «К истории изучения ранних иссле-

¹ Волгин В.П. Международный конгресс историков в Варшаве. С. 12.

² Дурновцев В.И. 100 лет со дня рождения академика В.П. Волгина: Научная сессия отделения истории // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 211–212

³ Его воспоминания о В.П. Волгине см. также в книге: Галкин И.С. Записки ректора Московского университета. М., 2004.

⁴ Горбачева А.Н., Григорьева В.З. Юбилейная выставка книг // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 212–214.

⁵ Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981.

дований В.П. Волгина» посвящен изучению В.П. Волгиным творчества Ж. Мелье и основан на статье В.А. Дунаевского и Г.С. Кучеренко, вышедшей в 1978 г.¹ Материалы из четвертого очерка (только в несколько сжатом виде и с небольшими изменениями) также были выпущены отдельной статьей². Выступление на эту тему прозвучало еще в 1979 г. в докладе В.А. Дунаевского «Научно-общественная деятельность академика В.П. Волгина в дооктябрьский период (по новым материалам)»³, который был зачитан на научной сессии Отделения истории АН СССР, Научного совета по проблеме «История исторической науки» и Института всеобщей истории АН СССР, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Волгина.

В 1982 г. вышел третий выпуск библиографического словаря «Воспитанники Московского университета – большевики ленинского поколения». В словаре дается краткий биографический очерк с фотографией, список литературы о жизни и деятельности В.П. Волгина⁴.

В книгах этого периода, посвященных В.П. Волгину, прослеживаются несколько общих тем. Главным образом описываются его достижения в области истории и историографии, анализа же административно-управленческой деятельности нет. Работе Вячеслава Петровича в Московском университете вообще уделяется крайне мало внимания. Недостающую информацию о времени, в которое он жил, и организациях, в которых работал, мы можем почерпнуть из публикаций по истории МГУ и высшего образования. В 1920–1940-е гг. только начали формироваться подходы к изучению этих сюжетов, многие работы носили партийно-политический, публицистический и агитационный характер, часто в них

¹См.: Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. К истории публикации исследования В.П. Волгина о Жане Мелье // История и историки: Историографический ежегодник. 1976. М., 1978.

²Дунаевский В.А. Научно-общественная деятельность академика В.П. Волгина в дооктябрьский период (по новым материалам) // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.

³Дурновцев В.И. 100 лет со дня рождения академика В.П. Волгина: Научная сессия отделения истории // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 211–212.

⁴Вячеслав Петрович Волгин (1878–1962) // Воспитанники Московского университета – большевики ленинского поколения: Библиогр. словарь. М., 1982. С. 74–82.

идеализировалась политика советской власти¹. В основном авторы большинства этих публикаций пытались объяснить, что в условиях советского строя автономия для университетов не нужна. Реформа же высшей школы необходима для того, чтобы она могла включиться в новый порядок вещей и служить интересам рабочего класса.

Как отметила Е.И. Демидова, после революции 1917 г. изучению истории университетского образования и истории отдельных университетов не уделялось должного внимания, так как до начала 1930-х гг. они переживали тяжелый кризис². Задачей большинства книг о МГУ, выпускавшихся в этот период, была характеристика вуза сегодняшнего дня с небольшими экскурсами в сторону далекого и недалекого прошлого. Поэтому историография МГУ 1920-х–1930-х гг. в этот период еще не сложилась³.

Анализ литературы, вышедшей по проблемам высшей школы в СССР в 1920–1940-е гг., свидетельствует о том, что большевистская идеологическая концепция стала эталоном оценки всех событий, происходивших в вузах и аргументом в политических спорах.

Литература из другого «лагеря» менее оптимистично рисует картину университетских перемен тех лет. Эмигрировавшие профессора следили из-за рубежа за политикой советской власти в области высшего образования и

¹ См., напр.: *Державин Н.С.* Высшая школа и революция. М.; П-д., 1923; *Плюсин-Кронин Б.А.* Новый этап. Новая система народного образования в РСФСР и новые программы Государственного Ученого Совета. М., 1925; *Яковлева В.Н.* Общее положение профессионального образования в РСФСР. М., 1922; *Овсянников К.М.* Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. М., 1931; *Бейлин А.Е.* Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост. М., 1935; *Автухов И.Г., Огородников И.Т., Хаит И.А.* Организация и методика работы в высшей школе. М., 1934; *Кафтанов С.В.* Состояние и основные задачи советской высшей школы // *Высшая школа.* 1938. № 6–7. С. 6–36 и др.

² *Демидова Е.И.* Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930 гг.: автореф. дис. доктора исторических наук. Саратов, 2007. С. 19.

³ См., напр.: *Факультет общественных наук 1-го МГУ.* М., 1925; *Первый Московский государственный университет за первое советское десятилетие (1917–1927).* М., 1928; *Московский государственный университет к XX-летию Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1937; *Государственные университеты.* М., 1934; *Университеты и научные учреждения к XVII съезду ВКП(б).* М.; Л., 1934.

пытались ее анализировать¹. Очень интересны статьи бывшего ректора МГУ М.М. Новикова, он метко подмечает минусы советской реформы высшей школы, например: «задача высшей школы сводится к натаскиванию так называемых спецов для практической деятельности или для преподавания в учебных заведениях»². Он пытается четко и последовательно разобраться во всей сложной системе перестройки вузов.

В вышедшей литературе по теме высшего образования и истории МГУ за 1920–1940-е гг. не приводятся какие-либо оценки административной деятельности В.П. Волгина на посту декана ФОНа или ректора университета.

В 1950–1980-е гг. появляется много работ, в которых анализируются процессы реформирования высшего образования в 1920-е–1930-е гг. Вышло несколько публикаций, характеризующих деятельность советской высшей школы³. Так, в монографии Ш.Х. Чанбарисова раскрыта во многом противоречивая и непоследовательная политика советского государства по отношению к университетам, проанализированы особенности университетского образования, указаны основные моменты реорганизации преподавания общественных наук.

Различные аспекты проблемы формирования советской научно-педагогической интеллигенции, а в частности, историков, также нашли довольно широкое отражение в литературе этого периода⁴. В работах дается

¹См., например: *Новиков М.* Судьба российских университетов // Русская школа за рубежом. Кн. 5–6. Прага, 1923. С. 1–17; *Новиков М.* Правовой строй русской высшей школы // Русская школа за рубежом. Прага, 1924. С. 18–28; *Кизеветтер А.А.* Московский университет и его традиции. Роль Московского университета в культурной жизни России. Прага, 1927; *Новиков М.* Современное состояние высшей школы в России // Русская школа за рубежом. Кн. 19–20. Прага, 1926; С. 25–51 и др.

²*Новиков М.* Правовой строй русской высшей школы // Русская школа за рубежом. Прага, 1924. С. 22.

³*Бутягин А.С., Салтанов Ю.А.* Университетское образование в СССР. М., 1957; *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. М., 1988 и др.

⁴*Галкин К.Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров. М., 1958; *Синецкий А.Н.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы. М., 1950; *История и историки: Историографический ежегодник.* М., 1965; *Ульяновская В.А.* Формирование научной интеллигенции в СССР (1917–1937). М., 1966; *Кулыгина Л.С.* Институт истории при ФОН МГУ и его первые работы по истории СССР // Вестник Московского университета. 1971. № 1. С. 61–69; *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки. М., 1968;

анализ программ и методов подготовки историков-марксистов, описываются недостатки постановки исторического образования в 20-е гг.

Истории МГУ в этот период было посвящено также немало изданий. Двухтомная «История Московского университета» 1955 года¹ является одной из основных публикаций советской версии истории МГУ, однако она сильно идеологизирована. В сборнике статей «Из истории Московского университета»² исследователи анализируют различные аспекты жизни МГУ. Н.Л. Сафразьян проводит анализ первого советского устава высшей школы и метода управления вузами; Г.С. Ронина описывает процесс создания партийных ячеек в университете; И.Л. Маньковская и М.А. Верченко рассматривают проблемы подготовки кадров.

В книге «Московский университет за годы Советской власти»³ проводится четкая линия на десталинизацию истории МГУ, дается оценка влияния на университет культа личности. Впоследствии на основе материалов этой книги была подготовлена брошюра Л.В. Кошман и А.М. Сахарова⁴.

В 1979 г. впервые вышла «Летопись Московского Университета»⁵, издание было приурочено к 225-летию университета. В качестве источников использовались опубликованные материалы по истории университета, периодика Министерства народного просвещения, сборники правительственных постановлений и законодательных актов, материалы научных университетских обществ, университетские газеты и журналы, привлечены материалы ЦИАМ и Архива Московского университета. Однако в Летописи нет ни слова о том, что В.П. Волгин был деканом ряда факультетов и ректором МГУ.

Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). М., 1980;
Сафразьян Н.Л. Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917–1925 г.). М., 1987. и др.

¹История Московского университета. Т. 1–2. М., 1955.

²Из истории Московского университета. 1917–1941. Сб. ст. М., 1955.

³Московский университет за годы Советской власти. М., 1967.

⁴*Кошман Л.В., Сахаров А.М.* Московский университет в советское время. М., 1967.

⁵Летопись Московского университета. М., 1979.

Разработкой истории ФОНа МГУ в этот период занимались только два исследователя – Л.В. Иванова¹ и Н.Л. Сафразьян². Авторы пытались обосновать ведущую роль ФОНа в революционных преобразованиях университетской жизни начала 20-х гг. На основе разнообразных источников было показано, что факультет стал базой утверждения в университете социалистической идеологии. Он в широком масштабе готовил кадры для государственного аппарата Советской республики и имел наивысший среди всех вузов страны удельный вес коммунистов и комсомольцев. На большом, впервые систематизированном материале авторы продемонстрировали вклад марксистов-ленинцев в организацию науки, утверждение марксистской методологии. Однако деятельности В.П. Волгина в качестве декана ФОНа уделено незначительное внимание.

Таким образом, в этот период было опубликовано много работ, посвященных В.П. Волгину, некоторые исследователи провели биографические разыскания в архивах. Однако серьезная критическая характеристика его деятельности и комплексный анализ научных работ проведена не была.

Во второй период (1990-е–2000-е гг.) появилась едва ли не первая критика научного вклада В.П. Волгина в историю разработки проблем утопического социализма³. А.Э. Штекли подчеркивает, что многократно переиздававшиеся труды В.П. Волгина на долгие годы обеспечили себе исключительное положение в этой отрасли исторической науки и практически избежали всякой критики⁴.

В это время появляется ряд изданий по истории МГУ. Так, в 1996 г. вышла книга «Ректоры Московского университета», содержащая биографии 44-х ректоров⁵. Это первый опыт систематизированного и сведенного воеди-

¹Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). М., 1980.

²Сафразьян Н.Л. Из истории Московского университета в первые годы восстановительного периода (1921–1922 годы) // Из истории Московского университета. 1917–1941. Сб. ст. М., 1955. С. 81–123; Сафразьян Н.Л. Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917–1925 г.). М., 1987.

³См.: Штекли А.Э. Утопии и социализм. М., 1993.

⁴Там же. С. 169.

⁵Ректоры Московского университета. М., 1996.

но изложения основных биографических материалов о всех ректорах МГУ. Большинство биографических очерков были написаны заведующим кафедрой Института стран Азии и Африки МГУ В.В. Ремарчуком. Источниками послужили энциклопедии и словари общего характера, а также самые различные специальные публикации.

Все современные энциклопедии¹ содержат достаточно стандартные биографические статьи о В.П. Волгине с указанием его сочинений и литературы о нем. Во всех повторяется стандартная фраза, что В.П. Волгин является создателем новой отрасли исторической науки – истории социалистических и коммунистических идей домарковского периода, а также, что он ввел в научный оборот понятие «эгалитаризм»², применяя его в конкретно-историческом анализе.

Несколько страниц в объемной монографии Е.В. Ильченко о ректоре МГУ И.Г. Петровском³ посвящено В.П. Волгину (С. 58–61). Автор в основном сосредоточилась на забастовке профессоров физико-математического факультета зимой 1922 г. и реакции на это событие В.П. Волгина. Е.В. Ильченко считает, что главным смыслом его 4-летнего ректорства была окончательная победа над оппозиционной профессурой⁴.

В 2000-е гг. биографией В.П. Волгина заинтересовался А.В. Гладышев⁵. Автор характеризует его как «самого высокопоставленного профессионального историка в советской исторической науке, как личность

¹См., напр.: Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 77–78; Ученые Московского университета – действительные члены и члены-корреспонденты Российской Академии наук (1755–2004). Биографический словарь. М., 2004. С. 95; Волгин Вячеслав Петрович // Большая Энциклопедия в шестидесяти двух томах. Т. 10. М., 2006. С. 30; *Таньшина Н.П.* Волгин Вячеслав Петрович // Новая Российская энциклопедия. Том IV (1). М., 2007. С. 152–153 и др.

²*Эгалитаризм* – концепция, предлагающая создание общества с равными возможностями по управлению и доступу к материальным благам всем его членам.

³*Ильченко Е.В.* Академик И.Г. Петровский – ректор Московского университета. М., 2001.

⁴Там же. С. 59.

⁵*Гладышев А.В.* Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 4. М., 2004. С. 71–104; *Гладышев А.В.* Историк-руководящий: В. П. Волгин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 136–198; *Гладышев А.В.* Три советских историка французского утопического коммунизма: Волгин, Поршневу, Кучеренко // Французский ежегодник. М., 2007. С. 199–212.

безусловно незаурядную, но в отечественной историографии отчасти мифологизированную его учениками и коллегами»¹. Первая статья исследователя на эту тему – хорошая и обстоятельная биография В.П. Волгина. Во второй статье основной упор сделан на деятельности в 1930-е гг., т.е. его работе в АН СССР (особенно «Академическому делу»), используются архивные материалы Академии. Остальным сторонам деятельности В.П. Волгина уделено значительно меньше внимания. Третья статья посвящена научному вкладу ученого в историю разработки проблемы утопического коммунизма. Исходя из анализа его работ автор приходит к выводу, что «по большому счету Волгин занимался не столько изучением (хотя мы, конечно, понимаем, насколько изменчивы и условны критерии «научности»), сколько популяризацией социалистических идей прошлого»².

С 90-х гг. стали публиковаться работы, в которых отчетливо наблюдается стремление исследователей связать новые факты, новые подходы с взвешенным научным анализом проблем, связанных с развитием идеологии в области исторической науки и с судьбами отдельных историков³. Несколько

¹Гладышев А.В. Историк-руководящий... С. 136.

²Гладышев А.В. Три советских историка... С. 202.

³История и сталинизм. М., 1991; Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992; Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Д.Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996; История и историки высшей школы России: уроки, проблемы, идеи. Материалы девятой Всероссийской заочной научной конференции / Науч. ред. С.Н. Полторак. СПб., 1998; Историческая наука в XX веке. М., 1997; Брандербергер Д.Л. Посмертное убийство Покровского (Прелюдия к публичному «разоблачению» отца советской марксистской историографии, январь 1936 г.) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 1999. С. 61–71; Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000; Брачев В.С. Опасная профессия – историк. СПб., 2005; Брачев В.С. Крестный путь русского историка. Академик С.Ф. Платонов и его «дело». СПб., 2005; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005; Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006; Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008; Рокитянский Я.Г. Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б. Рязанов социал-демократ, правозащитник, ученый. М., 2009 и др.

интересных изданий подготовил авторский коллектив исторического факультета МГУ¹.

В 2004 г. была предпринята вторая попытка изложения истории МГУ в виде летописи². Главной задачей при написании и составлении книги было придание событийному ряду непрерывного и целостного характера. В «Летописи» подробно приводятся сведения о взаимоотношениях МГУ с государственной властью (изменения подчиненности ее органам), что является очень ценной чертой этого издания. При написании и составлении книги было использовано более 400 источников из различных архивов (Архив МГУ, ГАРФ, ЦИАМ, ЦАГМ и др.).

Публикации по истории высшей школы за этот период затрагивают разнообразные проблемы высшего образования в СССР³. Особо следует отметить монографию Е.И. Демидовой⁴, в которой исследуется процесс формирования концепции развития высшего образования в 1920-х–1930-х гг., рассматриваются вопросы теории и практики создания высшей школы советской властью. При этом основное внимание уделяется формам и методам преобразования высшего образования в инструмент реализации планов партии по форсированному строительству социализма, автор ставит интересные и нужные вопросы к источникам и дает на них исчерпывающие ответы. В книге проанализированы материалы правящей коммунистической партии, органов государственной власти и образования по формированию концепции политики в области высшего образования в 1920-е–1930-е гг. Как пишет сам автор,

¹ Историческая наука в Московском университете. 1755–2004 / Под ред. С.П. Карпова. М., 2004; История Московского университета. 1755–2004 гг. Материалы V научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева: Ломоносовские чтения 2004 г. М., 2004 и др.

² Летопись Московского университета. В 3-х томах. Том I: 1755–1952 / Автор-состав. Е.В. Ильченко. М., 2004.

³ См.: *Байгарина А.Е.* Высшая школа в условиях политической системы 1917–1927 гг.: дисс. канд. ист. наук. М., 1995; *Фролкин П.П.* Исторический опыт реформирования отечественной высшей школы. Саратов, 2001; *Аврус А.И.* История российских университетов: курс лекций. Саратов, 2005; *Соскин В.Л.* Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004; *Андреев Д.А.* «Красное студенчество» в начале 1920-х гг.: дисс. кандидата исторических наук. СПб., 2007 и др.

⁴ *Демидова Е.И.* Исторический опыт и проблемы реформирования советской высшей школы. Саратов, 2006.

главная цель работы – «попытаться осмыслить давнее прошлое и проанализировать и обобщить накопленный исторический опыт развития высшей школы с современных позиций, выявить долговременные позитивные и негативные тенденции в ее деятельности»¹.

В 90-е гг. начала разрабатываться история этнографического факультета МГУ (1925–1930 гг.)². По мнению Т.Д. Соловей с историографической точки зрения вторая половина 1920-х гг. была «судьбоносным временем» для этнологии, в то время как историография этого вопроса представляла собой научный пробел³. К сожалению, личность и деятельность декана этнологического факультета В.П. Волгина автором не только не рассматривается, но и вообще не упоминается.

Анализ показал, что в основном всплески публикаций о В.П. Волгине были вызваны какими-либо памятными датами (75-летием, 80-летием, 100-летием со дня рождения), а также вручением ему премий и наград. Необходимо отметить, что во всех подобных текстах, непременно отмечается, что В.П. Волгин был создателем новой научной отрасли – истории социалистических идей, а также отмечается его огромная роль в деле реорганизации высшей школы и в деятельности на руководящих постах в АН СССР. В советское время его практически никто не критиковал, сейчас же про него почти забыли. Это можно вполне логично объяснить: практически все биографические статьи о В.П. Волгине были написаны

¹ Демидова Е.И. Исторический опыт и проблемы реформирования... С. 12.

² См., напр.: Марков Г.Е., Соловей Т.Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 79–91; Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1939 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125; Соловей Т.Д. История отечественной этнологии 1917 – середина 1930-х гг. (Основные тенденции): дис. канд. ист. наук. М., 1994; Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История Отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998; Соловей Т.Д. Два кризиса отечественной этнологии: 20-е и 90-е годы XX века // История Московского университета. 1755–2004 гг. Материалы V научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева: Ломоносовские чтения 2004 г. М., 2004. С. 264–282 и др.

³ Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История Отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998. С. 6.

преимущественно его учениками, а потому просто по определению отличались некоторой субъективностью.

В то же время, ознакомившись с имеющейся литературой о В.П. Волгине, мы можем сделать вывод, что целый ряд проблем, касающихся его биографии и деятельности в различных научно-образовательных структурах, еще не был разработан исследователями. До сих пор достижения В.П. Волгина как декана ФОНа не изучены. Его ректорскую деятельность характеризуют только общие фразы о том, что В.П. Волгин за 4 года превратил МГУ в вуз советской формации и о его тактичном поведении со старой профессурой. Однако даже эти сюжеты изучены недостаточно глубоко, другие же вопросы, касающиеся его ректорской деятельности, в историографии пока еще поставлены не были. О работе Вячеслава Петровича на этнологическом факультете вообще нет каких-либо исследований. При анализе руководства В.П. Волгиным АН основное внимание исследователей сосредоточилось на выборах в Академию 1929 и 1930 г., а также на «Академическом деле». Его взаимоотношения с властью, жизнь и работа в условиях идеологического давления также не были изучены.

Целью исследования является изучение деятельности В.П. Волгина как ректора и администратора в области перестройки высшего образования и науки в СССР после 1917 г.

Поставленная цель предусматривает решение целого ряда **задач**:

- рассмотреть революционную и публицистическую деятельность В.П. Волгина, выявить основные факторы, повлиявшие на формирование его личности;
- исследовать деятельность В.П. Волгина в руководящих сферах Наркомпроса, охарактеризовать его вклад в развитие факультета общественных наук;
- изучить деятельность В.П. Волгина на постах ректора I МГУ и декана этнологического факультета;

- проанализировать функции В.П. Волгина на должности постоянного секретаря и вице-президента АН СССР;
- определить взаимосвязь научной и административной деятельности В.П. Волгина.

Обзор источников. Для решения поставленных задач в настоящей работе используются как опубликованные, так и неопубликованные источники. Всю источниковую базу можно разделить на несколько групп: биографические материалы; труды В.П. Волгина; документы руководящих партийных и государственных органов, касающиеся МГУ и его факультетов, АН СССР и других научных организаций; документы Правления, Совета и деканатов МГУ; материалы периодической печати; корреспонденция; воспоминания современников.

Как отметил Ю.П. Мадор, который в 1958–1962 гг. был референтом В.П. Волгина, а впоследствии разбирал его наследие, «биографические материалы о Волгине крайне скудны... о ранних годах его жизни письменных свидетельств не осталось совсем»¹. Также Ю.П. Мадор задается вопросом, почему же В.П. Волгин не оставил ничего, что походило бы на мемуары. И, по его мнению, написать о пережитом В.П. Волгину помешали два обстоятельства: «то, что у него всегда были обширные планы строго научной работы и... нежелание приукрашать и группировать факты, что почти неизбежно, если полагаешься на свою память»². Опубликовано две его автобиографии. Первая была издана в 1913 г. в сборнике статей, посвященном 50-летию газеты «Русские ведомости»³. В ней содержатся сведения о том, где учился В.П. Волгин, а также информация о его работе в «Русских Ведомостях». В 1911–1914 гг. он напечатал в иностранном отделе газеты несколько заметок о

¹ Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина // Французский ежегодник. 1979. М., 1981. С. 26.

² Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина. В.П. Волгин в последние годы жизни // Французский ежегодник. 1970. М., 1972. С. 238.

³ Волгин В.П. (Автобиографическая заметка) [Автобиографии и био-библиографические очерки, составленные А.Н. Максимовым] // Русские ведомости. 1863–1913: Сб. статей. М., 1913. Отдел. 2. С. 41.

положении Англии, США, Германии и стран Востока, а в отделе библиографии несколько рецензий о книгах по всеобщей истории. В 1927 г. вышла более пространный автобиография в энциклопедическом словаре братьев А. и И. Гранат¹. Этот источник очень ценный, в нем В.П. Волгин сообщает интересные сведения о своей молодости: учебе, революционной и публицистической деятельности. Немногочисленная информация о его учебе в Московском университете содержится и в ЦИАМ². Сохранился аттестат зрелости, копия свидетельства о рождении, одна фотокарточка, различные прошения на имя ректора и другие документы.

Другие биографические материалы в архивах – это сухая информация на личных карточках и в анкетах. В архиве МГУ сохранилась личная карточка В.П. Волгина³, однако она заполнена не полностью: нет даты окончания работы в университете, не указаны даты рождения жены и сына. Уникальную информацию этот документ не предоставляет, данные повторяются и подтверждаются также в других источниках подобного типа⁴. В архиве РАН находится личный фонд В.П. Волгина⁵, в котором хранятся материалы научного и служебного характера, отражающие его административную, общественную, исследовательскую и педагогическую деятельность. Этот фонд поступил от секретариата Президиума АН СССР в 1947–1958 гг. и от вдовы Е.В. Волгиной в 1963 г.

Фонд В.П. Волгина служит не только источником раскрытия мотивации его творческой деятельности, но и помогает восстановить основные и частные моменты биографии ученого. К сожалению, биографических данных очень мало, среди них краткая автобиография, биографические справки, личный листок по учету кадров, пропуска и удостоверения, приветственные ад-

¹Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедический словарь Русского библиографического института братьев А. и И. Гранат. 7-е изд. М., 1927. Т. 41. Ч. 1. Стб. 86–89. То же самое в: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. М., 1989. С. 389–391.

²ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Ед. хр. 162.

³Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л/с. Ед. хр. 13. Л. 136.

⁴См., напр.: АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Ед. хр. 197; Ф. 359. Оп. 3. Ед. хр. 5.

⁵АРАН. Ф. 514. Оп. 1–5.

реса, поздравительные письма и телеграммы по случаю юбилейных дат. Имеется несколько фотографий, однако самая ранняя из них относится к 1940 г. Фотографии В.П. Волгина различных лет присутствуют и в других фондах Архива РАН¹.

В фонде 411 архива РАН (Главное управление кадров Президиума Российской АН) находится личное дело академика В.П. Волгина. К сожалению, дела из этого наиболее интересного фонда на руки не выдаются, можно получить лишь справку по интересующим вопросам.

Идейно-политические позиции молодого В.П. Волгина отражены в его публикациях 1905–1919 гг.² Его точку зрения по поводу перестройки высшего образования можно найти в статье 1927 г.³ Она была написана на основе его речи, произнесенной на собрании студентов МГУ 26 октября 1927 г. В.П. Волгин описывал успехи, к которым пришла советская власть в области организации высшей школы за 10 лет своего существования, а также отмечал трудности (в частности, малочисленность студентов на его лекциях, профессорскую забастовку 1922 г.), с которыми ему, как ректору МГУ, пришлось столкнуться. Статья написана в общем духе тогдашней идеологии. Так, В.П. Волгин подчеркивает, что «марксизм есть величайшее идеологическое орудие революции и марксизм есть в то же время величайшее достиже-

¹ См., напр.: АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Ед. хр. 31; Ф. 1813. Оп. 1. Ед. хр. 169; Раздел IV. Оп. 4. Ед. хр. 51.

² См., напр.: Борьба за власть // Новая жизнь. 1905. 28 октября (10 ноября); Армия и народ // Новая жизнь. 1905. 12 (25) ноября; Интернационализм революций // Новая жизнь. 1905. 18 ноября (1 декабря); Восточный вопрос и русская политика // Новая жизнь. 1905. 2 (15) декабря; Балканские дела // Летопись. 1915. Декабрь. С. 197–207; Проблема мира в Западной Европе // Летопись. 1916. № 1. С. 309–324; Из иностранной хроники: (Конференция германской социал-демократии. Конгресс тред-юнионов. Кризис в Греции) // Летопись. 1916. № 10. С. 269–278; Русская революция и орган английской буржуазии // Известия МСРД. 1917. 29 апреля; Среди европейских захватчиков // Известия МСРД. 1917. 29 мая; Некоторые итоги 1916 г. // Летопись. 1917. С. 205–213; Американская добродетель (Американцы о целях войны) // Известия МСРД. 1917. 12 июня; Революционная диктатура // Известия. 1917. 12/25 июля; Германская революция // Рабочий мир. 1918. № 18. С. 17–19 и др.

³ См.: Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет // Научный работник. 1927. № 11. С. 17–25.

ние научной мысли XIX века»¹, а также, что «нет правительства, которое было бы заинтересовано в росте научного творчества в большей мере, чем правительство коммунистической партии»².

Точка зрения В.П. Волгина по поводу реформирования АН СССР представлена в целом ряде его публикаций в промежутки между 1930 и 1935 гг.³, когда он исполнял обязанности неперменного секретаря Академии. Эти работы будут проанализированы в соответствующем разделе диссертации. В личном фонде В.П. Волгина архива РАН также имеются его статьи и доклады о деятельности Академии наук и ее учреждений (1931–1952 гг.), речи и выступления общественно-политического характера (1937–1945 гг.), статьи о развитии научных и культурных связей (1933–1947 гг.). Ряд статей посвящен проблемам борьбы за мир и связан с участием В.П. Волгина в работе различных международных конгрессов (1949–1952 гг.)⁴.

Большую часть научного наследия В.П. Волгина составляют рукописи научных трудов и материалы к ним, которые хранятся в АРАН. Есть дипломная работа «Жан Мелье и его завещание» (1908 г.), конспекты по истории английской и французской буржуазной революции из иностранных источников (1911–1914 гг.), отчеты о работе (1942–1961 гг.). По этим архивным документам можно составить представление о стиле научной работы В.П. Волгина. Почти все его статьи и монографии изданы (см. приложение 4).

¹Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 17–18.

²Там же. С. 18.

³См.: Волгин В.П. Общий отчет о деятельности Академии Наук СССР за 1930 г. Речь в торжественном годовом собрании Академии Наук СССР 2 февраля 1931 г. Л., 1931; Волгин В.П. Реорганизация Академии Наук // Вестник АН СССР. 1931. № 1; Волгин В.П. Московская Сессия Академии Наук // Вестник АН СССР. 1931. № 5; Волгин В.П. Планирование научной работы и Академия Наук // Известия. 1931. № 95 от 9 июля; Волгин В.П. Крепнет союз науки и социалистического труда // Правда. 1932. № 32 от 2 февраля; Волгин В.П. Академия Наук в социалистическом строительстве Союза ССР // Советское строительство. 1933. № 1; Волгин В.П. Академия Наук СССР за четыре года. 1930 – 1933. Речи и статьи. Л., 1934; Волгин В.П. Труды и достижения Академии Наук // Вестник АН СССР. 1934. № 11–12; Волгин В.П. Союз науки и труда (Речь на VII Всесоюзном съезде Советов) // Известия. 1935. № 29 от 3 февраля; Волгин В.П. Академия наук на новом этапе // Вестник АН СССР. 1935. № 4 и др.

⁴Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. Л., 1971. Т. VI. С. 139–140.

Имеется также небольшое число документов (1946–1962 гг.) по научно-редакторской деятельности В.П. Волгина. Это в основном переписка с различными редакциями и издательствами о подготовке к изданию научных работ, планах выпуска статей и сборников.

Официальные документы Наркомпроса и его подразделений, касающиеся развития МГУ, в основном были опубликованы¹. Фонд М.Н. Покровского в АРАН (Ф. 1759) содержит официальные документы о работе ГУС; документы Главпрофобра; Комитета по заведыванию учеными и учебными заведениями; протоколы заседаний комиссии Совнаркома СССР по рассмотрению отчета о деятельности АН СССР за 1925–1926 гг. В ЦАГМ содержатся протоколы заседаний ректорского совещания по вопросам высшей школы при Главпрофобре. В.П. Волгин принимал участие в заседаниях и обсуждениях, вносил предложения и выступал с отчетами.

Официальные сведения о развитии МГУ, составе и успехах студентов, образовательных программах, статистические материалы и прочие данные были опубликованы в ежегодных отчетах и других изданиях².

Основной комплекс материалов по деятельности ФОН и этнологического факультета, на которых в 20-е гг. работал В.П. Волгин, представлен следующими группами документов: протоколы заседаний Президиума факультетов и его отделений; списки профессорско-преподавательского состава, штатное расписание личного состава факультетов; отчеты о научных занятиях и программы по различным дисциплинам; правила приема в университет; переписка Главпрофобра с факультетами по вопросам приема, разверстке мест зачисления учащихся;

¹ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л., 1929; Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л., 1968.

² Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского Государственного Университета за 1922 г. М., 1923; Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского Государственного Университета за 1923 г. М., 1924; Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского Государственного Университета за 1924 г. М., 1925; Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского Государственного Университета за 1925–1926 г. М., 1927; Деятельность Правления университета (с 18 мая 1925 года по 28 мая 1926 г.). М., 1927; Первый Московский государственный университет за первое советское десятилетие (1917–1927). М., 1928 и др.

списки совработников, командированных различными ведомствами. Все они содержатся в ЦАГМ (Ф. 1609. Оп. 6 включает в себя дела постоянного хранения за период с 1919 по 1930 гг. и личные дела студентов с 1911 по 1932 гг.) и помогают проанализировать работу В.П. Волгина в должности декана этих факультетов.

В 20-е гг. вышел сборник, посвященный ФОНу¹. Он был задуман по инициативе студенчества и Факульткома и представляет собой коллективный труд студенчества, профессоров и деканата ФОНа. Этот источник позволяет нам составить впечатление о каждодневной жизни студентов и преподавателей ФОНа, о трудностях, с которыми им приходилось сталкиваться. Также были опубликованы обзоры преподавания ФОНа и этнологического факультета².

Документальные материалы Института философии Коммунистической академии при ЦИК СССР, который был образован в 1921 г. при ФОН МГУ, содержатся в фонде 355 АРАН. В 1924 г. институт вошел в состав РАНИОН и в 1929 г. был ликвидирован. В фонде в основном содержится управленческая документация: протоколы и стенограммы пленумов, совета и коллегии института; протоколы общих собраний сотрудников и заседаний секций и комиссий института; учебные планы и программы; стенограммы научных совещаний, сессий, конференций и съездов; плановая и отчетная документация; штатные расписания и сметы расходов и проч. Среди документов есть выступления В.П. Волгина на заседаниях Президиума РАНИОН.

Документы Коммунистической академии при ЦИК СССР находятся в АРАН и составляют фонд 350. В.П. Волгин был членом этой академии, входил в ее Президиум. Представлена вся управленческая документация Комакадемии: уставы разных лет; протоколы и стенограммы пленумов, общих собраний и научных сессий Комакадемии (1922–1935 гг.); протоколы и стено-

¹Факультет общественных наук 1-го МГУ. М., 1925.

²Обзор преподавания факультета общественных наук 1-го МГУ на 1922/23 ак. год. М., 1923; Обзор преподавания этнологического факультета 1-го МГУ на 1925–26 акад. год. М., 1926; Учебный план, программы и пособия. Этнологический факультет I МГУ. М., 1929.

граммы заседаний Президиума (1922–1936 гг.); протоколы и стенограммы заседаний парткома Комакадемии и партийных организаций структурных подразделений (1924–1935 гг.); данные о руководящем составе и научных кадрах, о составе слушателей и аспирантов (1926–1935 гг.); учебные программы, планы, тематические отчеты, списки слушателей, статистические сводки. В фонде 359 (Институт истории Коммунистической академии при ЦИК СССР) содержатся протоколы заседаний, доклады В.П. Волгина относительно деятельности института.

Для анализа функций В.П. Волгина на посту неперменного секретаря АН СССР были использованы уставы Академии 1927 г., 1930 г., 1935 г.¹ и другие официальные материалы². Документы, проливающие свет на ход выборов в АН в 1929 г., 1930 г. и «Академическое дело» были опубликованы в целом ряде журналов и книг³.

В 2000 г. вышло в свет издание документов Политбюро ВКП(б), касающихся АН⁴. Книга была подготовлена по материалам РГАСПИ и Архива Президента РФ и представляет обширное собрание документов, в которое включены Постановления Политбюро ЦК об АН, ее членах и научных учреждениях за сталинский период, а также исходные материалы, послужившие основой для принятия решений. Как известно, постепенно в Политбюро сосредоточились все основные властные функции и полномочия⁵. В этом изда-

¹Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009.

²Академия наук к XVII партсъезду. I. Общий отчет. М., 1934.

³«Наше положение хуже каторжного»: Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. Вып. 3. С. 109–140; Юрьева Ю., Рейзлин Д. Н.М. Покровский. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 580–599; Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 163–235; Академическое дело 1929–1930 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1–2. СПб., 1998.

⁴Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991/1922–1952. / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000.

⁵Адибеков Г.М., Роговая Л.А., Кошелева Л.П. Протоколы Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) как исторический источник // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. I. 1919–1929. М., 2000. С. 5.

нии опубликованы важные документы, объясняющие причину отставки В.П. Волгина с поста постоянного секретаря АН.

В 2003 г. вышел сборник документов, посвященный истории организации историко-научных исследований в АН с 1921 по 1932 г.¹ Комиссия по истории знаний (далее – КИЗ) была основана 14 мая 1921 г. По документам можно проследить борьбу в среде академиков за существование этой комиссии в 1930 г. В.П. Волгин, исполнявший в то время обязанности постоянного секретаря, был против организации подобной работы: «Я признаю весьма значительной задачу разработки истории знаний, но я считаю в то же время, что эта задача в настоящее время, в настоящих условиях и при настоящем составе наших сил должным образом неразрешима»². Причины такого его отношения к этому вопросу будут проанализированы в 4-м разделе.

Протоколы и стенограммы заседаний Президиума и общих собраний АН СССР, протоколы заседаний комиссии по выработке устава АН 1930 г. (В.П. Волгин был председателем этой комиссии), стенограмма доклада Г.М. Кржижановского об организации работ Президиума АН СССР и распределении обязанностей среди его членов, телеграммы В.П. Волгина Г.М. Кржижановскому – все это содержится в архиве РАН (ф. 401 – секретариат вице-президента Академии наук СССР Г.М. Кржижановского). В Разделе IV архива РАН сохранился отчет о деятельности АН СССР за 1930 г., составленный В.П. Волгиным.

В личном фонде В.П. Волгина архива РАН имеются документальные материалы о научной и организационной деятельности АН СССР, ее баз и филиалов, о роли советской науки в борьбе народов за мир, о развитии культурных и научных связей с иностранными учеными и учреждениями. Документы, касающиеся работы Института истории Академии наук СССР содержатся в фонде 1577 АРАН – это протоколы заседаний групп и бригад, планы

¹Комиссия по истории знаний. 1921–1932. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Составители В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб., 2003.

²Там же. С. 329.

и отчеты; протоколы и стенограммы заседаний секций института по научным проблемам и по защите диссертаций; распоряжения по основной деятельности; планы научно-исследовательских работ и отчеты о деятельности; штатные расписания; сметы расходов и прочие документы.

Свое место среди источников заняла периодика. Периодическая печать, наравне с другими видами источников, содержит фактический материал, помогающий глубже понять эпоху. В журналах «Советское студенчество», «Красное студенчество», «Высшая школа», газетах и журналах МГУ «Университетская правда», «Первый университет», «За пролетарские кадры», «Вестник ФОНА»¹ и др. публиковались как важнейшие документы, касающиеся высшей школы, так и статьи руководителей партии и государства, преподавателей и студентов. Все они стремились донести свои взгляды, идеи, теоретические размышления, практические предложения относительно реформы высшего образования. Вместе с тем следует отметить, что определенная часть профессорско-преподавательского состава, а также некоторые студенты по определенным цензурным причинам не могли публично высказаться со своей точкой зрения по реформе высшей школы.

Переписка представлена в архиве РАН 160 единицами хранения и охватывает период с 1928 по 1962 гг. Корреспонденцию можно разделить на две части – очень небольшое количество писем В.П. Волгина и письма к нему. Переписка велась с В.Д. Бонч-Бруевичем, Э.В. Брицке, Палмом Датт, А.М. Дебориным, З.Р. Неedly, Е.А. Косминским, И.Ю. Крачковским, Джавахарлалом Неру, А.М. Панкратовой, Е.В. Тарле и др. Также в архиве сохранилась депутатская переписка В.П. Волгина² (запросы трудящихся и ответы на них) за 1948–1952 гг. Письма, телеграммы президентов АН СССР В.Л. Комарова³ и С.И. Вавилова⁴ к В.П. Волгину хранятся в соответствующих личных фондах.

¹Всего вышло два выпуска: в 1922 и 1923 г.

²См.: АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 61.

³АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Ед. хр. 38, 428; Оп. 6. Ед. хр. 15а.

⁴АРАН. Ф. 596. Оп. 3. Ед. хр. 15 и др.

Опубликовано было всего 8 писем В.П. Волгина. В сборнике статей «История социалистических учений», посвященном памяти Вячеслава Петровича, напечатаны три письма, написанные ему сотрудниками «Русского Богатства» в 1911–1912 гг. (В.А. Мякотина¹ от 25 октября 1911 г., Н.Ф. Анненского² от 10 декабря 1911 г. и В.Г. Короленко³ от 5 февраля 1912 г.)⁴. Эта переписка касалась проблем, связанных с изданием его статьи о Ж. Мелье. В.А. Дунаевский в 1977 г. опубликовал переписку В.П. Волгина в годы Великой Отечественной войны. С июля 1941 г. ученый был эвакуирован в Свердловск, где пробыл до мая 1943 г. Всего напечатано пять писем: два из них Д.М. Петрушевскому⁵ (от 2 октября 1941 г. и 18 марта 1942 г.), три – Ф.В. Потемкину⁶ (от ноября 1941 г., от 6 марта 1942 г., от 26 апреля 1942 г.)⁷. В.П. Волгин пишет о своей научной и общественной деятельности в эвакуации, о состоянии здоровья и своих переживаниях о сыне, пропавшем без вести.

В письмах В.И. Вернадского к жене⁸ есть несколько упоминаний о В.П. Волгине, но они не несут какую-либо личную его характеристику. Необходимо отметить, что в наиболее драматический момент истории АН, когда происходили выборы в Академию и В.П. Волгин стал неременным секретарем, переписка между В.И. Вернадским и его женой не велась, т.к. супруги не разлучались. Рассматривалась и изданная переписка его современников, но какой-либо интересной информации найдено не было.

¹*Мякотин Венедикт Александрович* (1867–1937) – историк и публицист, сотрудник «Русского Богатства».

²*Анненский Николай Фёдорович* (1843–1912) – статистик, публицист, деятель народнического движения 70-х гг., сотрудник редакции «Русского Богатства».

³*Короленко Владимир Галактионович* (1853–1921) – писатель, журналист, публицист, общественный деятель, заслуживший признание своей правозащитной деятельностью как в годы царского режима, так в период гражданской войны и советской власти.

⁴См.: История социалистических учений. Памяти академика В.П. Волгина. М., 1964. С. 488–489.

⁵*Петрушевский Дмитрий Моисеевич* (1863–1942) – историк-медиевист, академик АН СССР.

⁶*Потемкин Фёдор Васильевич* (1895–1973) – историк (занимался новой историей Франции), профессор, член-корреспондент АН СССР.

⁷История социалистических учений. М., 1977. С. 269–274.

⁸*Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской. 1909–1940 / Отв. ред. Б.В. Левшин. М., 2007.

Краткие упоминания о В.П. Волгине содержатся в мемуарах О. Пятницкого¹ «Записки большевика»², однако они малоинформативны. В одном случае О. Пятницкий пишет, что в апреле 1907 г. снимал комнату у своих друзей (среди которых значится В.П. Волгин) на Владимиро-Долгоруковской улице (теперь это улица Красина)³. Т.е. квартира эта была только лишь записана на имя В.П. Волгина, а снимала ее вся коммуна. Второе упоминание касается ареста части жителей этой квартиры в ночь с 27 на 28 апреля 1907 г. Причем О. Пятницкий подчеркивает, что В.П. Волгина арестовали по ошибке, т.к. хотя он и был социал-демократом, но в то время не работал в организации. «Для нас тогда этот арест был загадкой», – заключает автор⁴. Вот, собственно, и все сведения, которые сообщает О. Пятницкий о В.П. Волгине.

Любопытная характеристика В.П. Волгина представлена в дневнике Ю.В. Готьё⁵. Он начал его вести 8 июля 1917 г., а последнюю запись сделал 23 июля 1922 г. Ю.В. Готьё закончил исторический факультет МГУ, а затем стал там преподавать. После расформирования историко-филологического факультета он читал курс археологии на ФОНе. Перемены в университете и стране Ю.В. Готьё воспринимал крайне отрицательно, усматривая в них угрозу «с трудом накопленному, скромному культурному наследию

¹Пятницкий (наст. фам. – Таршис) Иосиф Аронович (1882–1938) – деятель российского и международного коммунистического движения. Член компартии с 1898 г. С 1901 г. агент «Искры», участвовал в ее транспортировке в Россию. В 1905 г. член Одесского комитета РСДРП. В 1906–1908 гг. заведовал созданием нелегальных типографий, изданием и распространением литературы Московского комитета РСДРП. С 1908 г. в Женеве, затем в Лейпциге руководил пересылкой литературы в Россию. В 1913–1914 гг. вел партийную работу в Вольске, Самаре. Во время октябрьских боев в Москве член Боевого партийного центра. С ноября 1917 г. на профсоюзной работе. В 1918–1922 гг. член Исполкома Моссовета и член ВЦИК, одновременно в 1919–1920 гг. председатель профсоюза железнодорожников. С 1921 г. работал в Исполкоме Коминтерна. С 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б) (Тихонова З.Н. Пятницкий // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 21. 3-е изд. М., 1975. С. 293.)

²Пятницкий О. Записки большевика. Л., 1925.

³Там же. С. 94.

⁴Там же. С. 95.

⁵Готьё Ю.В. Мои заметки. М., 1997.

страны»¹. Он разделял взгляд на русскую революцию как на кризис духовных и моральных ценностей. Дневник является весьма ценным документом по истории академических и культурных учреждений первых лет Советской власти, а также по истории умонастроений профессуры².

К большевикам автор дневника относился весьма критически. Для него они представляли собой конгломерат отрицательных свойств интеллигенции и черни, или «горилл», как он часто называл в дневнике толпу. Однако Ю.В. Готье не щадил и представителей старого режима: острые фразы направлены против старой бюрократии, эмигрировавшей профессуры и лично Николая II, которого он считал моральным и интеллектуальным ничтожеством³.

Отношение Ю.В. Готье к нововведениям в университете носило характер невмешательства: «я не сделал ничего, чтоб так или иначе заявить свое отношение к князьям мира, и буду продолжать их игнорировать до тех пор, пока меня или выгонят из университета, или я сам выберусь из Совдепии»⁴. К новым коммунистическим кадрам в университете он относился настороженно и несколько высокомерно: «наше будущее зависит от цвета социалистической академии, которая, видимо, не сумев ничего организовать из себя, желает внедриться в Московский университет силой; таков смысл всей реформы: озлобленные неудачники, ничтожества, преисполненные самообольщения, желают распоряжаться судьбами Московского университета»⁵. В.П. Волгину тоже досталось несколько весьма нелестных характеристик: «подлец», «выкормыш», Ю.В. Готье называет его *famulus*'ом [рабом] М.Н. Покровского⁶. Автор дневника считал, что новое руководство университета и ФОНа, а, в частности, и В.П. Волгин, совсем ничего в академических делах не понимают, но при этом и не желают прислушиваться к советам

¹Готье Ю.В. Мои заметки. С. 6.

²Там же.

³Там же. С. 7–8.

⁴Там же. С. 267.

⁵Там же.

⁶Там же. С. 314.

«старой профессуры»¹. Более того, именно В.П. Волгина он винит в разрушении МГУ². Такая характеристика расходится с последующими заключениями советской историографии о том, что В.П. Волгин был талантливым руководителем, а на месте старого Московского университета создал новое, прогрессивное советское высшее учебное заведение. Хотя в то же время у бывшего декана физико-математического факультета, пассажира «философского парохода» В.В. Стратонова сложилось отличное от Ю.В. Готье впечатление о ректоре-коммунисте: В.П. Волгин «обладал тактом, и это смягчало трения, возникавшие между назначенным ректором и еще остававшимися автономными факультетами»³. В его воспоминаниях нет негативных оценок В.П. Волгина и это несмотря на профессорскую забастовку, вспыхнувшую на физико-математическом факультете в 1922 г. У Ю.В. Готье были личные причины относиться негативно к действиям В.П. Волгина. В феврале 1921 г. В.П. Волгин, будучи деканом ФОНа, «повычеркнул множество курсов», в том числе курс Ю.В. Готье по историографии. Кроме того, у автора дневника был тяжелый период в жизни, не дававший ему повода позитивно смотреть на действительность: безвременная кончина жены, голод и лишения.

Сведения о переменах в МГУ мы можем почерпнуть из издания воспоминаний эмигрировавших профессоров⁴. Отношение к изменениям в университете после революции у них, что естественно, негативное, поэтому к сообщаемым ими сведениям надо подходить с большой долей осторожности. Наиболее полезны для исследования воспоминания бывшего ректора МГУ М.М. Новикова и профессора В.В. Стратонова.

¹Готье Ю.В. Мои заметки. С. 284.

²Там же. С. 476.

³Московский университет 1755–1930. Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского Комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета. Париж, 1930. С. 195.

⁴Московский университет 1755–1930. Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского Комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета. Париж, 1930.

Ректор МГУ И.С. Галкин в воспоминаниях¹ писал о своей учебе в Московском университете, о семинарах, которыми руководил В.П. Волгин, описал их беседу, состоявшуюся в 1942 г.

Наиболее полные воспоминания о В.П. Волгине были опубликованы через год после его смерти во «Французском ежегоднике»². Авторы – коллеги Вячеслава Петровича: М.В. Нечкина и И.М. Майский; его заместитель в руководстве группой по изучению истории Франции и по «Французскому ежегоднику» А.З. Манфред; коллега по «Французскому ежегоднику» В.М. Далин; его ученик Б.Ф. Поршневу; сотрудник по изданию книг серии «Предшественники научного социализма» Э.А. Желудовская, референт Ю.П. Мадор. Сам характер издания, как и авторский коллектив, подразумевают только положительные отзывы о В.П. Волгине. Этот номер журнала позволяет нам составить общее представление о личных качествах Вячеслава Петровича.

В 1972 г. вышла очень интересная статья Ю.П. Мадора, посвященная биографии В.П. Волгина³, а в 1981 г. к ней было опубликовано дополнение⁴. Работы Ю.П. Мадора интересны тем, что при их написании он использовал свои личные наблюдения и воспоминания о беседах с В.П. Волгиным. Поэтому в них нет стандартных и постоянно повторяющихся фраз, касающихся научных и общественных достижений В.П. Волгина, как это наблюдается в других работах его биографов. Ю.П. Мадор рассказывает читателям об интересах Вячеслава Петровича, о его любимой музыке и литературе.

Текст неизданной статьи И.И. Зильберфарба «Мои встречи с В.П. Волгиным» был найден в АРАН⁵, она впервые вводится в научный оборот. Автор лично знал Вячеслава Петровича еще с 1920-х гг., они вместе работали над переводом Ш. Фурье и научными статьями о социалистах-

¹Галкин И.С. Записки ректора Московского университета. М., 2004.

²Воспоминания о Вячеславе Петровиче Волгине // Французский ежегодник. 1962. М., 1963. С. 487–498.

³Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина. 1972. С. 231–243.

⁴Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина. 1981. С. 25–38.

⁵АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 80.

утопистах. Крайне ценны воспоминания и соображения И.И. Зильберфарба о послевоенном периоде деятельности В.П. Волгина, о развернувшейся кампании борьбы с космополитизмом в исторической науке, которая их обоих затронула. Есть также некоторые данные о В.П. Волгине в фонде его аспирантки М.Н. Захаровой¹.

Особое место в воспоминаниях о В.П. Волгине занимают некрологи². Они акцентируют внимание на основных достижениях ученого.

Таким образом, источниковая база включает разнообразный круг источников, различных по значимости, объему и содержанию, которые все в целом позволяют решить поставленные в работе задачи.

Методология исследования. В процессе работы над темой использовались многие теоретико-методологические принципы. Важной составляющей научной методологии диссертации стал принцип историзма. Он предусматривает выявление и описание максимально полного набора фактов, необходимых для решения конкретной исторической задачи, предполагает, что события и процессы причинно обусловлены, функционально связаны. Принцип историзма позволил рассмотреть развитие МГУ и его факультетов в динамике, дал возможность увидеть общие тенденции и своеобразие этого процесса. Он дал возможность характеризовать деятельность конкретных участников исторических событий, их роль в реорганизации высшей школы, понять ценности и степень заинтересованности в развитии всей системы высшего образования и Московского университета в отдельности.

Важным теоретическим принципом исследования стал принцип объективности, который позволил провести всесторонний анализ исторических фактов, событий и процессов.

В работе применялись также общенаучные методы: исторический, логический, проблемный, аналитический. В исследовании использован также

¹ АРАН. Ф. 1813. Оп. 1. Ед. хр. 96.

² В.П. Волгин: Некролог // Вестник АН СССР. 1962. № 8. С. 80–81; В.П. Волгин: Некролог // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 216–217; В.П. Волгин: Некролог // Новая и новейшая история. 1962. № 4. С. 197.

проблемно-хронологический метод, который позволил разделить тему на более узкие проблемы и рассмотреть их в хронологической последовательности.

Метод сравнительного анализа позволил выявить основные тенденции и противоречия в мероприятиях по реформированию системы высшего образования и определить вклад В.П. Волгина в реализацию задач, связанных с преобразованиями в науке и образовании.

Научная новизна диссертации. Представленная работа является первым обобщающим исследованием, анализирующим деятельность В.П. Волгина в области реорганизации высшего образования и науки. В диссертации показана степень личного участия ученого в принятии и исполнении управленческих решений.

В источниковедческом плане новизна исследования заключается в том, что в научный оборот впервые вводится ряд материалов АРАН и ЦАГМ. Новый пласт источников позволил более подробно показать научную, общественную и административную деятельность В.П. Волгина, оценить его вклад в развитие Московского университета.

В исследовании сделана попытка отойти от однозначных оценок преобразований в области высшего образования и науки, сделанных в XX в., дать по возможности независимое, объективное объяснение перестройки как Московского университета, возглавляемого В.П. Волгиным, так и АН СССР.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для комплексного изучения как истории МГУ, так и высшего образования в целом. Материалы и выводы работы могут заинтересовать государственные структуры, занимающиеся управлением в области образования в целях анализа исторического опыта руководства вузами. Представленный в диссертации материал будет полезен при создании обобщающих трудов по истории МГУ и высшего образования, для написания учебников и учебных пособий, при подготовке общих и специальных учебных курсов по отечественной истории.

Раздел I. Становление личности В.П. Волгина

Биографические материалы о В.П. Волгине весьма немногочисленны. Согласно сохранившейся копии свидетельства о рождении¹, он появился на свет 11 июня² по старому стилю (крещен был 13 числа по старому стилю) 1879 г. в деревне Борщевка Рыльского уезда Курской губернии³. Мать Екатерина Николаевна умерла через три недели после его появления на свет от родильной горячки, и его воспитывала бабушка Мария Николаевна у себя в помещицкой усадьбе⁴. Отец, Петр Николаевич, – дворянин, сын чиновника. Учился в Харьковской духовной семинарии, затем в Петровской земледельческой академии в Москве. В 1874 г. Петр Николаевич Волгин поступил на физико-математический факультет Харьковского университета. Он принимал участие в «хождении в народ» в Екатеринославской губернии, за что был арестован в апреле 1875 г. и содержался в Доме предварительного заключения, проходил по процессу «193-х». После прекращения дела П.Н. Волгин лишился права проживания в столицах империи и находился под гласным надзором полиции⁵.

В 1882 г. произошли волнения харьковских студентов. Отец Вячеслава Петровича пользовался в студенческой среде влиянием «по своей энергии, умственным способностям и образованности»⁶. 23 января на традиционном студенческом вечере, посвященном дню основания Харьковского университета, произошло столкновение группы студентов с сотрудником редакции газеты «Южный край» Ю.Н. Говорухой-Отроком, который отошел от революционного лагеря и открыто заявлял о своей приверженности реакции. В ре-

¹ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Ед. хр. 162. Л. 7.

²Однако во всех энциклопедиях указывается другая дата его рождения: 2 июня по старому стилю или 14 июня по новому.

³Сегодня это Хомутовский район Курской области.

⁴*Мадор Ю.П.* Материалы к биографии В.П. Волгина. 1981. С. 26.

⁵*Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* Западноевропейский утопический социализм... С. 184.

⁶*Щетинина Г.И.* Студенчество и революционное движение в России последняя четверть XIX в. М., 1987.

зультате конфликта двое студентов были исключены, а одному объявлен выговор. Суд и увольнение студентов повлекли за собой волнения, 29 января студенческая сходка приняла решение «выразить профессорской коллегии строгое порицание и негодование». Университет был закрыт, а полиция обнаружила 80 пакетов с листовками. За участие в студенческих беспорядках П.Н. Волгин был исключен из Харьковского университета, поэтому смог окончить его только в 1885 г.¹ Братья отца Иван Николаевич (1851 г.р.) и Владимир Николаевич (1862 г.р.) также принимали участие в революционной деятельности и подвергались арестам.

В дальнейшем П.Н. Волгин уже не участвовал в революционной деятельности и достаточно успешно продвигался по служебной лестнице в качестве чиновника по акцизным делам. Занимал различные (а с конца 90-х гг. достаточно высокие) ревизорские должности в Немирове, Кишиневе и Туле².

Вячеслав Петрович в своей автобиографии написал, что именно «под влиянием отца с ранних лет начал интересоваться вопросами революционного движения и социализма»³.

В.П. Волгин учился два года в Немировской гимназии, затем шесть лет – во 2-й Кишиневской⁴. Там он изучал древние (греческий и латынь) и современные (французский и немецкий) языки, Закон Божий, русский язык и словесность, логику, математику, математическую географию, физику, историю, географию⁵. Необходимо отметить, что конструкция гимназической учебной программы предопределялась установкой не столько на формирование знаний учеников, сколько «на развитие их ума» посредством «умственной гимнастики» (переводы с латыни и древнегреческого, решение математических задач)⁶.

¹ Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм... С. 184–185.

² Там же. С. 185.

³ Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 86.

⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Ед. хр. 162. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 24–25.

В 1897 г. В.П. Волгин с золотой медалью закончил 2-ю Кишиневскую гимназию¹. В отличие от прочих категорий средних учебных заведений, гимназии авансировали своих питомцев привилегией поступать во все вузы². Таким образом, проблема дефицита студенческих вакансий не распространялась на выпускников классических гимназий, которым гарантировались беспрепятственные места на любом факультете по их выбору³. Как отметил А.Е. Иванов, неравные возможности выпускников средней школы в получении высшего образования как форма сословного регулирования состава студенчества находились в резком противоречии с потребностями социально-экономического развития России⁴.

В своей автобиографии Вячеслав Петрович писал, что «в последних классах гимназии познакомился со старой революционно-народнической литературой». Но «при чрезвычайно суровом режиме окраинной гимназии (в Кишиневе вплоть до поступления в университет... не имел представления о борьбе, разделившей в середине 90-х гг. революционную интеллигенцию»⁵.

В 1897 г. В.П. Волгин поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского Университета⁶. «Лишь в Москве, – вспоминал Вячеслав Петрович в своей автобиографии, – прочел впервые произведения легального марксизма (книгу Струве, журнал “Новое Слово” и т.п.)»⁷. На 1-м курсе он жил на улице Малая Бронная, в этом же доме проживал видный впоследствии деятель большевистской партии, а тогда тоже студент физико-математического факультета В.И. Невский⁸. В донесении

¹ См. его аттестат зрелости в ЦИАМ: Ф. 418. Оп. 311. Ед. хр. 162. Л. 2–2 об.

² Иванов А.Е. Студенчество России... С. 27.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 86–87.

⁶ См. его прошение ректору в ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Ед. хр. 162. Л. 1, а также Алфавитный список студентов императорского Московского университета за 1897–1908 акад. годы. 1897/98 с. 74; 1898/99 с. 77; 1901/02 с. 43; 1906 с. 24; 1907/08 с. 73.

⁷ Волгин В.П. Автобиография. Стб. 87.

⁸ Невский Владимир Иванович (настоящая фамилия и имя – Кривобоков Феодосий Иванович) [2(14).5.1876 – 26.5.1937], советский государственный и партийный деятель, историк. Член Коммунистической партии с 1897. Родился в Ростове-на-Дону в семье купца. В ре-

начальника Московского губернского жандармского управления в связи с дознанием по делу о Московской группе РСДРП отмечен факт знакомства В.И. Невского с рядом студентов, в числе которых значился и В.П. Волгин¹.

В 1898 г. в Кишинев был сослан Д.Б. Рязанов. Там он создал социал-демократический кружок и привлек к марксизму способных молодых людей, в числе которых был и В.П. Волгин². Летом, будучи на каникулах в Кишиневе 18-летний Вячеслав Петрович познакомился и с другими революционерами различных оттенков: Н. Быховским, Е.О. Зеленским³ и др.⁴ Благодаря этим знакомствам и чтению соответствующих книг, у В.П. Волгина к концу 1898 г. окончательно сформировалось марксистское мирозерцание⁵.

волюционном движении с 1895. В 1897 – один из организаторов социал-демократического кружка в Ростове; затем учился на физико-математическом факультете Московского университета. В 1899 исключен за революционную деятельность. В 1900 вел работу в Москве, в 1901 выслан в Воронеж, где участвовал в создании искровской организации «Кассы борьбы». В 1904 уехал в Женеву, где встречался с В. И. Лениным. В 1905 агент Бюро комитетов большинства в России, в декабре – делегат 1-й конференции РСДРП в Таммерфорсе. 1906–1908 член Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП; делегат 4-го (Объединительного) съезда РСДРП. С 1910 работал в Ростове, Харькове, где окончил университет (1911); сотрудничал в «Звезде» и «Правде». В 1913 кооптирован кандидатом в члены ЦК РСДРП; вел партийную работу в Перми и Екатеринбурге. В 1917 – один из руководителей военной организации при Петербургском комитете и ЦК РСДРП(б), член редакций газеты «Солдатская правда», «Солдат», «Деревенская беднота» и др., член ВРК. После Октябрьской революции 1917 нарком путей сообщения. В 1919–1920 член Президиума и заместитель председателя ВЦИК, одновременно заведующий отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне; некоторое время примыкал к «рабочей оппозиции». В 1921 ректор Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. С 1922 заместитель заведующего Истпартом ЦК РКП(б). С 1924 директор библиотеки им. В.И. Ленина в Москве. Делегат 8, 9, 12-го съездов партии. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Автор многих работ по истории партии и революционного движения в России.

¹ Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм... С. 187.

² Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Д.Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996. С. 23.

³ Зеленский Е.О. (Л. Надеждин) (1877–1905) – политическую деятельность начал как народник, в 1889 г. вошел в саратовскую социал-демократическую организацию. В 1899 г. был арестован и выслан в Вологодскую губернию; в 1900 г. эмигрировал в Швейцарию, где организовал «революционно-социалистическую группу» «Свобода» (1901–1903). После II съезда РСДРП сотрудничал в меньшевистских изданиях (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 7. С. 573).

⁴ Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 87.

⁵ Там же.

В апреле – мае 1899 г. состоялась общероссийская студенческая забастовка. Одной из форм протеста был отказ от ответа на экзаменах¹. О поведении В.П. Волгина на экзамене по сравнительной анатомии, проходившего 6 апреля 1899 г., помощник инспектора А. Колечицкий рапортовал: «До прибытия экзаменаторов студент Волгин казался несколько взволнованным и шептался со студентом Белозерским. По прибытии экзаменаторов студент Волгин Вячеслав, вызванный к столу, демонстративно заявил о своем нежелании экзаменоваться и вышел в прихожую, откуда по моей просьбе ушел домой»². 30 апреля 1899 г. В.П. Волгин вследствие его прошения от 26 апреля был уволен из числа студентов³. После этого проживал с отцом в Туле⁴.

В начале 1899/1900 уч. г. В.П. Волгин подал прошение на имя ректора с просьбой разрешить ему вновь поступить в университет, но уже на историко-филологический факультет⁵. Ходатайство было удовлетворено, этот шаг определил весь его последующий путь карьерного, творческого и научного развития. Свое решение изменить специальность он впоследствии обосновывал тем, что «почувствовал неодолимое стремление ознакомиться с историей социалистических идей, изучить историю того процесса, который привел нашу страну к Великой Октябрьской социалистической революции»⁶.

Как отметил В.П. Волгин в своей автобиографии, «будучи марксистом с 1898 г., партийные поручения я получил впервые в 1901 г., каковой год и считаю годом моего вступления в РСДРП»⁷. 10 января 1901 г. в прессе публикуется сообщение «От Министерства народного просвещения» о сдаче в солдаты 183 студентов Киевского университета. 6 февраля та же участь постигла 27 учащихся Петербургского университета. В ответ на это 29 января и

¹ Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм... С. 186.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Ед. хр. 162. Л. 16.

³ Там же. Л. 18 и 19.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 23–23 об.

⁶ Чествование академика В.П. Волгина 25 апреля 1961 г. в Институте истории АН СССР // Новая и новейшая история. 1961. № 4. С. 180.

⁷ Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 87.

23 февраля 1901 г. состоялись выступления студентов. Они прошли в актовом зале и на улице около здания университета. Их результатом явились правительственные репрессии: исключение из университета, высылка по месту жительства родителей и др. Среди подвергшихся наказанию был и В.П. Волгин, высланный 9 марта 1901 г. из Москвы в Тулу. Через некоторое время ему удалось вернуться в Москву, где он вновь активно включился в студенческое движение, достигшее кульминации в феврале 1902 г. Созданный в Москве студенческий исполнительный комитет начал готовить политическую демонстрацию.

Однако правительству удалось быстро локализовать, а затем и разгромить движение студентов. Часть членов комитета в конце января и начале февраля была арестована. 27 февраля 1902 г. В.П. Волгин был исключен из университета без права поступления в другие высшие учебные заведения и с запрещением всякой педагогической деятельности¹. За подготовку политической демонстрации в Москве 9 и 17 февраля 1902 г. он был выслан в Нижнеудинск Иркутской губернии².

Спровоцированная этой акцией 2-я всероссийская забастовка студентов, развернувшаяся на фоне широкого общественного недовольства, заставила правительство отменить свое распоряжение. 5 июня 1902 г. студенты-солдаты были возвращены в университеты. После этого, как подытожил А.Е. Иванов, самодержавное правительство не отваживалось наказывать учащихся вузов солдатчиной³.

В июле 1903 г. В.П. Волгину разрешили выехать в Европейскую Россию. В сентябре он поселился в Ростове-на-Дону, где находился под надзором полиции до 1 марта 1904 г. Пребывание в этом городе было для него периодом дальнейшей активизации его революционной деятельности. В.П. Волгин вошел в состав I Донского комитета РСДРП, участвовал в транспортировке оружия, готовил прокламации. Из Ростова он переехал в

¹ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Ед. хр. 162. Л. 26.

²Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм... С. 189.

³Иванов А.Е. Студенчество России... С. 260.

Одессу, где также вел энергичную революционную деятельность, а в 1905 г. вернулся в Москву. Все это время (с 1902 г.), несмотря на запрет, давал частные уроки в Москве; Восточной Сибири и Ростове-на-Дону¹.

27 августа 1905 г. вышел царский указ об университетской автономии. Студенты получили возможность организовывать собрания в стенах учебных заведений. Но «куцая автономия» тут же дала право Советам профессоров закрывать университеты по своему усмотрению. Такими действиями царское правительство стремилось добиться двух целей: с одной стороны, бросив подачку либеральной вузовской интеллигенции, надеялось получить в ее лице союзника в борьбе с активной, революционно настроенной частью студентов, с другой – уступками студенчеству правительство хотело отделить его от поднявшегося на борьбу народа².

Спустя четыре года, в 1906 г., В.П. Волгин вновь поступил в университет³, где стал заниматься в семинарах Р.Ю. Виппера, П.Г. Виноградова и М.М. Богословского⁴. Именно Р.Ю. Виппер рекомендовал В.П. Волгину в качестве темы выпускной диссертации (до того он занимался социальными идеями И.Г. Фихте и социалистическими идеями в древнем мире) мировоззрение почти не изученного в ту пору идеолога французских низов XVIII в. – Жана Мелье⁵.

В ночь с 27 на 28 апреля 1907 г. В.П. Волгин был вновь арестован, на этот раз по делу подпольной типографии Московского комитета РСДРП⁶. О. Пятницкий в своих мемуарах «Записки большевика» пишет об этом случае. Он снимал комнату у своих друзей (среди которых значится и

¹ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 3 об.

² Грובהва Л.П., Котнова М.И. Отражение вопросов студенческого движения в большевистской периодической печати в 1905 году // Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия. Тамбов, 1981. С. 45.

³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 311. Ед. хр. 162. Л. 31.

⁴ Гладышев А.В. Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 4. М., 2004. С. 73.

⁵ Поршнев Б.Ф. В.П. Волгин. С. 3.

⁶ Типография размещалась в подвале дома 55 на Лесной улице под видом магазина «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе». Там печатались большевистская газета «Рабочий», революционные листовки. Типография создана по решению 3-го съезда РСДРП. Сегодня там музей «Подпольная типография ЦК РСДРП 1905–1906 годов».

В.П. Волгин) на Владимиро-Долгоруковской улице¹. О. Пятницкий подчеркивает, что В.П. Волгина тогда арестовали по ошибке, т.к. хотя он и был социал-демократом, но в то время не работал в организации. «Для нас тогда этот арест был загадкой», – заключает Пятницкий². Тем не менее В.П. Волгин отсидел два месяца.

В 1908 г. Вячеслав Петрович, спустя 11 лет после поступления, окончил университет, защитив дипломную работу «Жан Мелье и его “Завещание”», которая находится в АРАН³. Впоследствии он подчеркивал, что участие в революционном движении, аресты, ссылка в Сибирь не помешали его научной работе, а, напротив, явились для него источником опыта и пропагандистского вдохновения⁴. И свои вынужденные перерывы в научной деятельности В.П. Волгин не считает зря потраченным временем: «я глубоко сомневаюсь в том, чтобы из меня без этого “перерыва” получился научный работник. Для меня эта работа... всегда была служением тому же великому делу, работой революционной»⁵. Во многом благодаря пропагандистской и организационной деятельности в партии он почувствовал потребность в расширении своих исторических знаний, у него пробудился интерес к науке⁶. Научная работа, – говорил Вячеслав Петрович в ответной речи по случаю своего 75-летия, – «никогда не получила бы новые качества, окраску, которую она имеет, если бы моя деятельность не выходила за стены научного кабинета»⁷.

В.П. Волгин хотел опубликовать свою дипломную работу. В редакцию «Русского Богатства» она была послана в 1911 г. Статью о Ж. Мелье предполагалось напечатать еще в декабре 1911 г.⁸, но из-за цензурных соображений и постоянных судебных тяжб журнала, в свет она так и не вышла. В

¹Теперь это улица Красина.

²Пятницкий О. Записки большевика. Л., 1925. С. 95.

³АРАН. Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 2.

⁴Чествование академика В.П. Волгина 25 апреля 1961 г.... С. 180.

⁵АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 3–4.

⁶Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 87.

⁷АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 4. об.

⁸См.: Письмо Н.Ф. Анненского от 10 декабря 1911 г. // Там же.

архиве журнала «Русское богатство», находящемся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН, был обнаружен набор статьи В.П. Волгина¹. Документы показывают, что редакция дважды правила статью, но так и не решилась поместить ее на страницах «Русского богатства»².

Подготовка В.П. Волгина к защите магистерской диссертации была прервана началом Первой мировой войны. С 1914 г. В.П. Волгин стал преподавать в Народном университете им. А.Л. Шанявского, где вел семинары по истории английской революции, конституционной истории конца XVIII и начала XIX в., философско-историческим учениям, а также впервые читал курс лекций по истории социализма³. До 1917 г. он опубликовал несколько работ⁴, был рецензентом ряда книг⁵. Этим карьера историка у него на время ограничилась: магистерская диссертация защищена не была, что, конечно, не могло не влиять на его самооценку и самоопределение в жизни.

Идейно-политические принципы В.П. Волгина отражены в его публикациях 1905–1919 гг. Первые литературные попытки (статьи о классах и классовой борьбе) были напечатаны в «какой-то из эфемерных рабочих газет того времени»⁶. Он работал в первой легальной социал-демократической

¹Подробней см.: Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм... С. 195–196.

²Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм... С. 196.

³Вячеслав Петрович Волгин. Серия истории. Вып. 4. С. 9.

⁴Волгин В.П. Судьбы английского крестьянства. М., 1911; Волгин В.П. Общественные теории XVIII века во Франции // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1912. Т. 3. С. 179–217; Волгин В.П. Социально-экономический строй Франции при Наполеоне I // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 1. С. 103–118.

⁵Вейль Ж. История социального движения во Франции. 1852–1903 / Пер. с фр. Л. Борисовича с приложением очерка «Объединение французских социалистов». М., 1906; То же / Пер. М. Брагинского. СПб., 1906. // Библиографический сборник: Обзор литературы по новейшей истории Западной Европы. М., 1907. Вып. 1. Франция, Англия, Германия. № 2. С. 11; Галеви Д. Очерки по истории рабочего движения во Франции / Пер. с фр. под ред. Галяшкина. М., 1906. // Там же. С. 12; Жеффруа Г. Бланки, его жизнь и революционная деятельность / Пер. с фр. А. Серебряковой. М., 1906. - 311 с.; То же под заглавием: «Заключенный. Жизнь и революционная деятельность Огюста Бланки»: Пер. с фр. СПб., 1906. // Там же. С. 14; Луи П. Французские мыслители и деятели XIX века / Пер. с фр. Н-на. СПб., 1905. - 190 с. // Там же. С. 23; Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта / Пер. с фр. под ред. Рожкова. М., 1906. -126 с.; То же под заглавием: «Материалы к изучению истории Франции». СПб., 1905. // Там же. С. 24; Книга для чтения по древней истории. М., 1913. Ч. 1 // Вестник воспитания. 1913. № 2. С. 42–45.

⁶Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 87.

большевистской газете «Новая жизнь»¹, выходившей в Петербурге с 9 ноября (27 октября по ст. стилю) по 16 декабря (3 декабря по ст. стилю) 1905 г. Статьи и заметки В.П. Волгина помещены: в № 2 («Борьба за власть»), № 10 («Конгресс французской социал-демократической партии»), № 11 («Армия и народ»), № 16 («Интернационализм революций»), № 18 («Прения по поводу отделения церкви от государства во французском сенате»), № 21 («Падение консервативного министерства в Англии»), № 24 («Борьба буржуазии с рабочими синдикатами во Франции») и № 27 («Восточный вопрос и русская политика»). Большинство статей В.П. Волгина в этой газете посвящено актуальным вопросам европейской политики (в основном Франции и Англии), а также проблеме роли пролетариата в буржуазной революции. Полный текст 28 номеров газеты был издан в 1925–1926 гг. Истпартом под редакцией и с предисловием М.С. Ольминского².

В 1906 г. под редакцией В.П. Волгина вышли издания избранных отрывков из протоколов германской социал-демократической партии (2 выпуска: «Программа партии» и «Аграрный вопрос»).

С сентября 1911 г. по 1914 г. он работал в газете «Русские ведомости». В иностранном отделе этого издания написал ряд заметок о положении Англии, США, Германии и стран Востока, а в отделе библиографии несколько рецензий о книгах по всеобщей истории³.

С декабря 1915 г. статьи В.П. Волгина появляются в ежемесячном литературном, научном и политическом журнале «Летопись», основанном

¹«Новая жизнь» – первая легальная большевистская газета. Вышло 28 номеров. Газета издавалась под непосредственным руководством В.И. Ленина. Активное участие в «Н.ж.» принимали А.М. Горький, В.В. Воровский, М.С. Ольминский, А.В. Луначарский. «Н.ж.» являлась фактически центральным органом РСДРП. Газета пользовалась широкой популярностью среди рабочих и сыграла важную роль в сплочении сил пролетариата, его организации, политич. обучении и воспитании. Ее тираж доходил до 80 тыс. экземпляров. Газета подвергалась многочисленным репрессиям. Из 27 номеров 15 было конфисковано и уничтожено. После выхода 27-го номера была закрыта царским правительством. 28 номер вышел нелегально.

²См.: Новая жизнь. Вып. 1–2. Л., 1925; Вып. 3–4. Л., 1926.

³Волгин В.П. (Автобиографическая заметка) [Автобиографии и био-библиографические очерки, составленные А.Н. Максимовым] // Русские ведомости. 1863–1913: Сб. статей. М., 1913. Отдел. 2. С. 41.

А.М. Горьким в Петрограде и просуществовавшем до конца 1917 г. В этом журнале он вел отдел «Иностранное обозрение», где публиковал достаточно большие и развернутые статьи¹.

До 1914 г. В.П. Волгин относил себя к меньшевикам². Во время войны занял интернационалистическую позицию. По его словам, от меньшевизма его оттолкнула «пестрота и двусмысленность» отношения к войне различных меньшевистских групп³. После Февральской революции В.П. Волгин вошел в организацию социал-демократических интернационалистов, был участником съездов и конференций, членом МК и ЦК, одним из редакторов и сотрудников газеты «Пролетарий»⁴.

В апреле 1917 г. В.П. Волгин был приглашен И.И. Скворцовым вести иностранный отдел в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов» (он был членом ИК Моссовета), где опубликовал свыше 60 статей, посвященных вопросам международных отношений, внешней и внутренней политики России. В своих статьях он осуждал преследования большевиков со стороны Временного правительства. В мае стал редактором «Известий», каковым и оставался до октября. Вячеслав Петрович вел газету в последовательно интернационалистическом направлении, что, как он отметил в своей автобиографии, не раз приводило к конфликтам с меньшевистско-эсэровским

¹Волгин В.П. Балканские дела // Летопись. 1915. Декабрь. С. 197–207; Волгин В.П. Проблема мира в Западной Европе // Летопись. 1916. № 1. С. 309–324; Волгин В.П. Английские дела // Летопись. 1916. № 2. С. 324–336; Волгин В.П. Кризис в Китае // Летопись. 1916. № 3. С. 224–231; Волгин В.П. Война и Ближний Восток // Летопись. 1916. № 4. С. 246–254; Волгин В.П. Из иностранной хроники // Летопись. 1916. № 8. С. 249–254; Волгин В.П. Из иностранной хроники: (Выступление Румыния. Кризис в Греции. На Дальнем Востоке) // Летопись. 1916. № 9. С. 230–236; Волгин В.П. Из иностранной хроники: (Конференция германской социал-демократии. Конгресс тред-юнионов. Кризис в Греции) // Летопись. 1916. № 10. С. 269–278; Волгин В.П. Из иностранной хроники: (Убийство Штюрка. Выборы в Соединенных Штатах) // Летопись. 1916. № 11. С. 223–227; Волгин В.П. Некоторые итоги 1916 г. // Летопись. 1917. С. 205–213.

²Необходимо отметить, что информации о деятельности В.П. Волгина как меньшевика было найдено крайне мало. Также не удалось найти сведений о том, почему он решил стать большевиком только в 1921 г. Здесь мы можем лишь предположить, что упоминание о своих меньшевистских пристрастиях поначалу не приветствовалось, а впоследствии уже и наказывалось.

³Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 88.

⁴Там же.

президиумом Совета¹. В 1917 г. он участвовал в Демократическом совещании, на котором высказался за передачу власти Советам². В.П. Волгин был одним из организаторов и руководителей «объединенных интернационалистов», выступивших в октябре 1917 г. с критикой мартовцев за то, что те не порвали тогда с оборонцами³.

После революции В.П. Волгин сотрудничал в научно-популярном и литературно-художественном журнале «Рабочий мир» – органе Московского Центрального рабочего кооператива, выходившем в 1918–1919 гг.⁴

На основании исследованных источников мы можем сделать вывод, что В.П. Волгин получил классическое начальное и среднее образование, фундаментальное университетское (хотя и с перерывами). Дворянско-чиновничье происхождение позволило ему поступить и учиться в Московском университете. Большое значение на формирование его политического мировоззрения оказал отец, а также знакомство с Б.Д. Рязановым, В.И. Невским и другими революционерами. Пропагандистская и организационная работа в РСДРП оказала влияние на его научные взгляды и предпочтения. Впоследствии он неоднократно подчеркивал, что революционная деятельность помогла ему выбрать область научных интересов и всегда подогревала желание заниматься историей социалистических идей. Его мировоззрение в это время не было большевистским, но близким к нему. В.П. Волгин сформировался как человек науки, с четким, последовательным аналитическим мышлением. Революцию 1917 г. он встретил уже вполне сложившимся человеком – ему исполнилось 38 лет.

¹ Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 88.

² Там же.

³ Большевики в большевистской России. 1918–1924. Большевики в 1922–1924. М., 2004. С. 38.

⁴ Дунаевский В.А. Введение // Волгин В.П. Статьи и выступления. М., 1979. С. 4.

Раздел II. У истоков зарождения советской высшей школы.

В.П. Волгин – декан ФОНа

Значение и смысл деятельности В.П. Волгина, а также его роль в преобразовании высшей школы и, в частности, университета, можно понять и проанализировать только в связи с системой функционирования и развития высшего образования в целом.

Политической и организационной основой деятельности РКП(б) в сфере образования после Октябрьской революции стал Декрет Совнаркома от 11 декабря 1917 г. о передаче всех учебных заведений, в том числе высших, в ведение Народного комиссариата просвещения¹. Однако в первые месяцы после взятия власти большевиками жизнь в университетах не сильно изменилась: функционировали прежние Советы и Правления, преподавание велось по старым учебным планам, руководили ими те же ректоры. Но уже весной 1918 г. В.И. Ленин в «Очередных задачах Советской власти» указал, что «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен»², в соответствии с этим университеты предполагалось перестроить и подчинить интересам строительства нового общества. Начинает активно формироваться нормативно-правовая база, которая должна была обеспечить первоочередное право рабочих, беднейшего крестьянства и нерусских народов на получение высшего образования³.

В январе 1918 г. А.В. Луначарский на заседании просветительной секции III Всероссийского Съезда Советов поставил вопрос о реформе высшей школы, а сама разработка реформы началась весной 1918 г. В Наркомпросе существовало несколько точек зрения на будущее университетов. А.В. Луначарский был на первых порах сторонником полной их ликвидации.

¹СУ. 1918. № 39. Ст. 507.

²Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1962. С. 178.

³Демидова Е.И. Исторический опыт и проблемы реформирования советской высшей школы. Саратов, 2006. С. 15.

Заведующий же отделом вузов Наркомпроса П.К. Штернберг предлагал разделить университеты на две секции: научную и практическую. В первой готовить только научных работников, во второй – практических работников для экономики и культуры¹. Вскоре появилась еще одна точка зрения, автором которой был М.Н. Покровский. Согласно его проекту, предусматривалось бесплатное обучение в университетах, отмена документов при поступлении и окончании, уничтожение ученых степеней, обязательный открытый конкурс для всех преподавателей, выборность профессуры на краткий срок (не более 5 лет), коллегиальность управления университетами, обязательное участие в распространении знаний среди масс, создание ФОНов, преобразование учебных планов других факультетов, широкий обмен учеными и преподавательскими силами между вузами, автономия университетов. В.И. Ленин и Политбюро одобрили эти тезисы, за исключением пункта об университетской автономии². На их основе специальной комиссией Наркомпроса в составе профессоров М.Н. Покровского, П.К. Штернберга, В.А. Артемьева, И.М. Рейснера и др. был подготовлен проект «Положения о Российских университетах». После обсуждения и утверждения он должен был стать уставом высших учебных заведений страны³. Для рассмотрения проекта «Положения о Российских университетах» 8 июля 1918 г. было созвано Всероссийское совещание деятелей высшей школы. В его работе участвовали около 400 представителей профессоров, преподавателей, студентов, а также губернских отделов народного образования, имевших высшие учебные заведения⁴. По проекту разгорелись жаркие споры. Ректор ИМГУ М.А. Мензбир упорно настаивал на требовании университетской автономии. Исследователь Ш.Х. Чанбарисов отметил в связи с этим, что в усло-

¹Аврус А.И. История российских университетов: Курс лекций. Саратов, 2005. С. 100.

²Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 62.

³Там же. С. 63.

⁴Там же. С. 66.

виях Советской власти признание автономных начал за университетами было направлено на ограждение их от перевода на советскую платформу¹.

Итогом совещания явилось избрание комиссии во главе с М.Н. Покровским для выработки нового проекта «Положения о Российских университетах» с учетом принятых решений и рекомендаций. Комиссия работала с 15 по 23 июля 1918 г.² Пока шло обсуждение, Совнарком принял постановление «О приеме в вузы РСФСР» и декрет «О правилах приема в вузы». Эти документы не во всем соответствовали компромиссным решениям, и поэтому ряд профессоров предложил бойкотировать второе Всероссийское совещание по реформе высшей школы, которое должно было состояться 4–8 сентября 1918 г. Чтобы обеспечить одобрение проекта Наркомпрос увеличил представительство от студенчества: теперь число делегатов от студентов равнялось уже общему числу представителей от профессоров и преподавателей. Однако это не возымело действия. Часть профессуры стала отстаивать требование университетской автономии, добивалась отказа от системы конкурсных выборов профессоров и преподавателей. Правительство признало невозможным сразу провести единую реформу высшей школы и решило действовать путем издания отдельных декретов и нормативных актов³.

Декрет Совнаркома от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» открывал двери высших учебных заведений для всех граждан Советской республики, достигших 16 лет, без предъявления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней школы, отменял плату за обучение, а также всякие ограничения для женщин при поступлении в высшие учебные заведения. Результат этого декрета сказался сразу, например, до 2 августа в МГУ было подано 2632 заявления на 2350 мест, после — еще 5892 заявления⁴. Декан физико-математического факультета В.В. Стратонов вспоминал: «В университет хлынул поток нового студенче-

¹Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. С. 63.

²Там же. С. 69.

³Аврус А.И. История российских университетов. С. 101.

⁴Летопись Московского Университета. 2004. С. 274.

ства. Каждый, кто достиг 16 лет, мог, на основании декрета, зачисляться студентом. И зачислялись. Наш факультет был особенно запружен этим студенчеством. На факультете числилось 13,5 тысяч студентов. Вероятно, это мировая рекордная цифра студентов для одного факультета... Аудитории так переполнились, что иные лекции приходилось читать по два и даже по три раза. Сидеть в аудиториях студенты не могли; теснились, как в церкви на пасхальную заутреню. Устраивались даже на столах для демонстраций, стесняя самые движения профессора. В течение лекции выносили по несколько раз терявших от духоты сознание»¹.

В том же году были отменены экзамены в вузах, т.е. формально исключался любой контроль за знаниями студентов. Для уравнивания профессорско-преподавательского состава 1 октября 1918 г. отменили ученые степени доктора, магистра, адъюнкта. Устанавливалось единое звание профессора для всех ведущих самостоятельную преподавательскую работу в вузах, для остальных – звание преподавателя. Для профессорско-преподавательского состава вводились периодические конкурсы².

Руководство Наркомпроса создало систему административного контроля за деятельностью вузов. 21 октября 1918 г. был учрежден институт правительственных комиссаров, который обладал правом накладывать вето или приостанавливать решения заседаний факультетов, если они противоречили политике советской власти и Наркомпроса.

Для проведения реформы высшей школы в жизнь во всем ее объеме 4 февраля 1919 г. в Наркомпросе был создан Государственный ученый совет (далее – ГУС) под председательством М.Н. Покровского. В.П. Волгин состоял членом этого совета, был заместителем председателя его Научно-политической секции. В первые годы существования ГУС был занят разработкой и осуществлением университетской реформы. Под его руководством

¹Московский университет 1755–1930... С. 201.

²Кошман Л.В., Сахаров А.М. Московский университет... С. 31–32.

произошли первые серьезные структурные изменения в университетах¹. М.Н. Покровский вспоминал в октябре 1924 г., что В.И. Ленин хотел видеть в ГУСе «Госплан Наркомпроса», вырабатывающий основы политики. Принципом организации ГУСа стало соединение в общей работе партийных работников и видных специалистов. В деятельности ГУСа, по признанию М.П. Покровского, было 3 периода: 1919 г. – когда он мог только «законодательствовать», 1920–1923 гг. – период активной реорганизации высшей школы, с 1924 г. – он становится «верховным регулятором научной и научно-учебной жизни»².

Осуществление требований программы Компартии, принятой в 1919 г. VIII съездом РКП(б), о превращении высшей школы из орудия классового господства буржуазии в орудие диктатуры пролетариата вызвало необходимость перестройки учебного процесса в университете, изменения идейного направления в преподавании и воспитательной работе³. Руководители отлично понимали значение высшего образования при подготовке будущих кадров. В непрочных политических условиях советской власти необходимо было воспитывать сотрудников, которые не просто были бы законопослушными и лояльными новому режиму, но и стали бы активными его проповедниками. Высшая школа должна была стать помощником Советской власти в укреплении нового социалистического строя, в подавлении сопротивления буржуазии. Следовательно, она не могла строить свою работу по старым учебным планам и программам, содержание которых определялось интересами «буржуазного» общества; для нее становились обязательными определение новых принципов и методов работы, разработка новых учебных планов и программ, создание новых учебников по ряду предметов⁴. Вузы необходимо было включить в «систему нового порядка ве-

¹Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. С. 80.

²Бюллетень научно-технической секции ГУС. 1925. № 7. С. 1–3.

³Из программы Всесоюзной Коммунистической партии (Принята на VIII Съезде РКП (б) в марте 1919 г.) // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л., 1929. С. 5.

⁴История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 51.

щей, а ее основной задачей являлось воспитание в подрастающих поколениях в процессе научного образования их классового сознания»¹.

Однако пролетарское студенчество было не готово к обучению в университетах, их привилегии при поступлении не подкреплялись знаниями. Выходом из этой ситуации явилось создание рабочих факультетов с целью организации подготовки кадров рабоче-крестьянского студенчества, в интересах быстрой количественной и качественной пролетаризации вузов. 11 сентября 1919 г. вышло постановление Наркомпроса «Об организации рабочих факультетов при университетах», согласно которому все вузы страны должны были не позднее 1 ноября 1919 г. открыть рабочие факультеты². Создание рабфаков стало еще одним шагом к революционному слоому старой системы высшего образования.

В последний день 1920 года, 31 декабря, открылось первое партийное совещание по вопросам народного образования и осуществления реформы высшей школы, созванное по инициативе В.И. Ленина. На нем присутствовало 134 делегата с решающим и 29 – с совещательным голосом. Совещались в течение пяти дней³. В резолюции совещания были сформулированы основные задачи в этой области. Во-первых, указывалось на необходимость сближения высшего образования с практической жизнью: «Основная ложь старой высшей школы заключалась в претензии давать “строго-научное” образование при полном игнорировании того, что огромное большинство студентов выходило из школы не в научную, а в ту или иную практическую работу. Благодаря полному отрыву от жизни при этом и сама наука превратилась в мертвую схоластику»⁴. В.П. Волгин поддерживал этот тезис: «наука, чистая наука, не связанная с миром трудящихся, может явиться орудием в чьих угодно руках, в руках какого угодно класса, может служить целям истребления человечества вместо того, чтобы служить средством его торжества над

¹Державин Н.С. Высшая школа и революция. М.; П-д., 1923. С. 34.

²См.: СУ. 1919. № 45. Ст. 443.

³Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 100.

⁴Там же. С. 96.

природой»¹. В условиях тех лет страна остро нуждалась в практиках. «В идеальном государстве, где мы не будем сдавлены нуждой, – пишет Б.А. Плюснин-Кронин, – где каждый работник, каждый день, каждый ресурс не будут на таком строгом нищенском учете, мы сможем позволить себе роскошь всем здоровым детским интересам, независимо от их нужности государству, развиваться одинаково. Но теперь это нельзя. У нас нет ни средств, ни времени, чтоб развивать то, что не нужно в государственных целях. Мы вынуждены по возможности сжать программы, по возможности понизить общеобразовательный минимум»².

Поэтому было решено отделить подготовку массового работника-специалиста от подготовки научного работника-исследователя: «Высшая школа должна прежде всего давать массовую подготовку в точном соответствии с требованиями современной жизни. Для этого она должна делиться на функциональные факультеты (например, «педагогический» факультет, а не «математический» и т.п.), курс которых... должен быть подобран исключительно с точки зрения подготовки к данной функции и сокращен елико возможно (почти для всех факультетов до 3-х лет)»³. Для тех же студентов, которые хотели бы заниматься наукой, предполагалось создать при высших учебных заведениях особые исследовательские курсы, продолжительностью 2–4 года, разбитые уже по отраслям науки. Однако все студенты должны были сначала проходить общий практический курс. По мнению авторов резолюции тем самым достигалась связь будущих научных работников с практикой, а также предоставлялась возможность в течение прохождения основного курса произвести отбор лиц, одаренных в научном отношении и предпочитающих науку непосредственной практической деятельности. Решения резолюции звучат очень актуально, по сути было предложено разделение на бакалавриат и магистратуру в современном понимании.

¹ Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 25.

² Плюснин-Кронин Б.А. Новый этап. Новая система народного образования в РСФСР и новые программы Государственного Ученого Совета. М., 1925. С. 7.

³ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 96.

Следующей важной задачей, намеченной в резолюции, было политическое завоевание высшей школы. А это означало:

- 1) обеспечение революционного направления работы вузов,
- 2) политическое воспитание всех проходящих через школу студентов,
- 3) использование вуза для создания возможно большего количества специалистов, вышедших из пролетариата и, в особенности, партийных.

Для решения этих задач было решено «поручить местным организациям откомандировать возможно большее число партийных товарищей для получения высшего образования», «продолжать строительство рабочих факультетов, принимая на них исключительно пролетариев и, в первую очередь, коммунистов», «ввести во всех школах преподавание основных политических дисциплин (политграмоты) и особый курс советской политики и советского строительства в конкретной области, к которой готовит данное учебное заведение. Эти предметы признать обязательными с проверкой знаний студентов по ним»¹. Весьма важный тезис: «Назначить (курсив мой – Л.А.) крупных партийных товарищей-организаторов, знающих высшую школу, ректорами вузов»².

В-третьих, необходимо было завершить борьбу со старой профессурой: «немедленно приступить к изъятию из рук профессуры старого типа всех курсов по общественным наукам (истории, политэкономии, праву и т.д.), носящих не узкоспециальный характер и не общий характер и формирующих в силу этого идеологию слушающей эти курсы молодежи»³.

В-четвертых, резолюция призывала максимально быстро формировать кадры новых профессоров-марксистов: «немедленно приступить к организации ускоренных курсов красной профессуры из партийной молодежи, обладающей соответствующей подготовкой, хотя бы и не вполне законченной, т.к. общее умственное развитие в этом случае имеет больше значения, нежели формальные знания, которые могут быть усвоены достаточно развитым

¹Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 97.

²Там же.

³Там же. С. 98.

интеллигентом в гораздо более краткий срок, нежели это требуется большинству общественно-бессознательного студенчества»¹.

Таким образом, резолюция партийного совещания определила основные направления перестройки высшего образования. Мы можем сделать промежуточный вывод, что 1917–1920 гг. ознаменовались серьезными переменами в университетской жизни. Резко возросло количество студентов, изменился их социальный и половой состав, велось наступление на университетскую автономию, вытеснялась старая профессура. Но полностью осуществить реорганизацию университетов и подчинить их новой власти пока что не удалось. «В период гражданской войны, – писал В.П. Волгин в своей статье, – у нас не хватало сил для того, чтобы взять в свои руки научно-исследовательскую работу и работу высших учебных заведений во всем охвате, чтобы приблизить ее к новым потребностям советского социалистического строительства... только с 1921 г. советская власть вплотную берется за задачу преобразования высших учебных заведений согласно с новым классовым строением нашего общества и согласно с новыми государственными задачами»².

Теперь проследим, как реализовывались задачи, выработанные на партийном совещании по вопросам народного образования. Интересно отметить, что спустя месяц после окончания партийного совещания В.П. Волгин был назначен деканом факультета общественных наук. Ему предстояло претворить в жизнь выработанную резолюцию. Работать в I МГУ он начал еще с 23 апреля 1919 г. в должности профессора по кафедре истории социализма на ФОНе³. Историю этого факультета следует рассмотреть более подробно. Социалистическая академия общественных наук (далее – САОН) приняла активное участие в организации ФОНа при I МГУ и в подборе будущего педагогического персонала этого факультета⁴. Именно из САОН в МГУ была

¹Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 98.

²Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 21.

³Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л/с. Ед. хр. 13. Л. 136.

⁴В.П. Волгин принимал участие в организации САОН и преподавал в ней в 1918–1919 гг.

направлена для преподавания и руководства группа ученых-марксистов, в том числе и В.П. Волгин. Главную задачу новые профессора видели в применении марксистского метода исторического материализма ко всем отраслям общественного знания, ко всем гуманитарным дисциплинам¹. Как отметил В.Л. Соскин, появление САОН относилось к разряду наиболее радикальных мер партии, имевших целью изменить существо гуманитарного знания, пронизать его классовым мышлением и сделать инструментом осуществления партийных планов². Постепенно САОН стала своего рода генеральным штабом кампании по подчинению исторической науки марксистской идеологии. И свое внедрение в ИМГУ ей было проще начать с создания нового гуманитарного факультета.

ФОН был создан 14 апреля 1919 г., после того, как Наркомпрос принял решение о ликвидации всех юридических факультетов³. Считалось, что преподавание юридических и экономических дисциплин, а также философии, богословия и истории было «насквозь пропитано ядом враждебной пролетариату идеологии»⁴. На ФОН возлагалась задача стать школой подготовки специалистов для советского государственного аппарата, учреждений культуры и различных отраслей народного хозяйства. В разработке программ и планов преподавания на факультете принимали участие профессора: В.П. Волгин, М.Н. Покровский, М.А. Рейснер⁵. Отсутствие в эти годы советского устава высшей школы давало представителям «старой» профессуры возможность по-прежнему занимать ключевые позиции в руководстве ее научно-учебной деятельностью и строить внутренний распорядок всех ее подразделений так, как они привыкли это делать ранее, что не устраивало новую власть. Контроль Наркомпроса над университетами носил общий ха-

¹ Сафразьян Н.Л. Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917–1925 г.). М., 1987. С. 24.

² Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. С. 290.

³ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 226.

⁴ Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. М., 1968. С. 11.

⁵ Летопись Московского Университета. 2004. С. 280.

ракти и не мог серьезно изменить его жизнь. В ином положении оказался ФОН. С первых дней своего существования факультет, опираясь на введенных в его состав коммунистов, стремился определять содержание и характер его учебной деятельности¹.

ФОН просуществовал в составе Московского университета всего шесть лет (1919–1925 гг.). В целом, историю развития этого факультета можно разделить на несколько этапов:

- становление: 1919–1921 гг.;
- расцвет: 1921–1923 гг.;
- закат: 1924–1925 гг.

Первым руководителем факультета (председателем) на заседании Президиума ФОНа 31 июля 1919 г. был избран профессор А.М. Винавер, товарищем председателя – профессор Г.В. Сергиевский². 30 января 1921 г. был назначен Временный деканат ФОНа в составе: профессора В.П. Волгина, профессора И.Д. Удадьцова и Г.К. Махарадзе³. 9 июня 1921 г. деканом ФОНа утвержден профессор Н.М. Лукин⁴. Последним деканом с 6 сентября 1923 г. был избран профессор В.К. Сержников⁵.

28 апреля 1919 г. состоялось организационное заседание ФОНа, на котором председательствовал заместитель народного комиссара по Просвещению М.Н. Покровский⁶. На этом заседании был избран временный президиум из пяти человек (3 от преподавательского состава и 2 от студенчества). Обучение начиналось с переходного летнего триместра, который длился 2 месяца (12 мая–12 июля 1919 г.) Факультет открылся в составе трех отделений: экономического (руководитель – профессор Я.Ф. Генин), юридико-политического (руководитель – профессор А.М. Винавер), исторического

¹ Сафразьян Н.Л. Становление... С. 26.

² ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 4

³ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 24. С 3 февраля 1921 г. Временный деканат стал действовать на постоянной основе (ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 2).

⁴ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 18.

⁵ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 71, 116.

⁶ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 3. Л. 3–4.

(руководитель – профессор А.Д. Удальцов) (см. приложение № 1). Преподавание вели: В.П. Волгин, С.В. Бахрушин, М.Н. Гернет, Ю.В. Готье, А.А. Грушка, Л.Б. Кафенгауз, Е.А. Косминский, М.К. Любавский, И.Б. Новицкий, Н.И. Радциг, В.М. Хвостов¹. Новому факультету было отдано помещение в доме 23 на Никитской улице.

С целью сближения факультетского преподавания с жизнью, в октябре 1920 г. Наркомпрос занялся пересмотром учебных планов ФОНа по всем его отделениям. Так, 10 октября 1920 г. на заседании исторического отделения ФОНа В.П. Волгин, опираясь на предложения Наркомпроса, доложил, что «основным циклом исторического отделения должен быть историко-педагогический цикл и лишь надстройкой к нему явится научно-исторический институт, где будут заниматься научно-исследовательской работой студенты, рекомендуемые профессорами»². Для реализации этой задачи декретом Совнаркома РСФСР «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» при Наркомпросе была образована комиссия для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах республики. В постановлении правительства отмечалась крайняя устарелость учебных планов, программ и методов преподавания общественных наук в высшей школе, а также совершенная непригодность этого преподавания к основным потребностям советского строительства. Комиссии было необходимо не позднее 15 января 1921 г. представить на утверждение Совнаркома новые учебные планы факультетов и отделений по преподаванию общественных наук, а также списки лиц, которым может быть поручено их преподавание. В состав комиссии были избраны профессора ФОН I МГУ: В.П. Волгин, Д.П. Боголепов, Н.И. Бухарин, А.Г. Гойхбарг, М.А. Ларин, Н.М. Лукин, М.Н. Покровский, В.М. Фриче³.

В начале февраля 1921 г. работа комиссии была закончена. В дальнейшем ее преобразовали в научно-политическую секцию ГУСа Наркомпро-

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 8.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 7. Л. 37.

³АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 313.

са (В.П. Волгин был заместителем председателя). Важнейшим итогом ее деятельности стала подготовка трех декретов Совнаркома РСФСР, определивших основные направления реорганизации преподавания общественных наук в вузах:

1. «Об учреждении институтов Красной профессуры» (11 февраля 1921 г.);
2. «О плане организации ФОН российских университетов» (4 марта 1921 г.);
3. «Об установлении общего научного минимума» (4 марта 1921 г.)¹.

30 января 1921 г. по решению Наркомпроса на ФОНе был образован временный Президиум факультета во главе с коммунистами. Он был назначен с целью «повести факультет по новым путям социалистической идеологии», ему предлагалось в ближайшее время пересмотреть учебные планы факультета, согласно постановлению комиссии по реорганизации ФОНа. Временный деканат, возглавляемый В.П. Волгиным, начал энергично действовать (заседание постановили созывать не менее одного раза в неделю, днем заседаний считать субботу, час дня)². На этом заседании было решено изъять из учебного плана ряд курсов и семинаров по истории, праву и экономике, которые вели представители старой профессуры³. 15 февраля 1921 г. декан представил доклад на заседании временного Президиума университета о новых учебных планах факультета. Они должны были помочь превратить студентов ФОНа в кадры «научно-подготовленных практических работников социалистического строительства»⁴. Докладчик отмечал, что отмена более 40 курсов и практических занятий главным образом по древней и средневековой истории, частному праву, идеалистической методологии общественных наук была вызвана необходимостью сосредоточить силы и время на изучении актуальных проблем советской экономики, современного государственного и

¹Летопись Московского Университета. 2004. С. 288.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 24. Л. 2.

³Там же. Л. 1–1 об.

⁴ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 1.

культурного строительства, новейшей истории, марксистской философии и политической экономии.

Основываясь на докладе В.П. Волгина, 17 февраля деканат ФОНа определил курсы, являющиеся обязательными для всех студентов факультета:

- логика и общая методология,
- история мировоззрений,
- исторический материализм,
- учение о происхождении и развитии общественных форм,
- политэкономия,
- экономика переходного времени,
- хозяйство и право в их историческом взаимоотношении,
- государственное право РСФСР,
- теория статистики,
- история социализма,
- история России XIX–XX вв.,
- история Западной Европы XIX–XX вв.

Необходимо отметить, что Наркомпрос непосредственно занимался разработкой и утверждением учебных планов ФОНа. Все копии протоколов заседаний ГУСа направлялись в ФОН I МГУ для сведения и исполнения¹. Поэтому мы с уверенностью можем заключить, что В.П. Волгин, будучи заместителем председателя научно-политической секции ГУСа, постоянно держал руку на пульсе преобразований, происходящих в высшей школе.

В.П. Волгин в целях приближения высшего образования к практическим задачам предлагал ввести в программу следующие педагогические предметы:

- физиология детского возраста,
- педагогическая психология,
- педагогика,

¹См., напр.: ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 8, 15.

- история народного образования,
- политика народного образования,
- теория художественного образования,
- практические занятия художественным образованием,
- теория технико-хозяйственного образования¹.

В марте 1921 г. последовала реорганизация ФОНа. Историческое отделение было преобразовано в общественно-педагогическое, а политико-юридическое – в правовое. Открыты новые отделения – внешних сношений и статистическое. Историко-филологический факультет был влит в ФОН (в мае 1921 г. вышло постановление об упразднении историко-филологических факультетов к 1 июня 1921 г.), в котором на его основе созданы литературно-художественное и этнолого-лингвистическое отделения² (см. приложение № 1). Такое преобразование факультета объяснялось необходимостью связать его с практикой социалистического строительства. Как отмечалось в «Вестнике ФОНа», на факультете «не должно быть таких кафедр или занятий, которые не давали бы определенный плюс к будущей практике»³.

4 марта 1921 г. вышел декрет «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР», по которому в планы включались следующие дисциплины:

- развитие общественных форм,
- исторический материализм,
- пролетарская революция,
- политический строй РСФСР,
- организация производства и распределения в РСФСР,
- курс по плану электрификации.

Одновременно вводился минимум обязательных естественных наук: физика и космическая физика, включая геофизику, биология, химия⁴. По

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 7. Л. 37 об.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 1.

³Вестник ФОНа. 1923. № 2. С. 7.

⁴Кошман Л.В., Сахаров А.М. Московский университет в советское время. С. 51.

инициативе В.П. Волгина деканат принял решение организовать изучение предметов обязательного научного минимума по общественным наукам уже в летнем триместре 1921 г.¹

Как отмечалось в «Вестнике ФОНа», основные минусы прежней высшей школы состояли в том, что, во-первых, все факультеты этой школы выпускали в жизнь людей в большинстве своем абсолютно политически неграмотных, во-вторых, все знания давались так, что в худшем случае делали обладателя «чиновником для поручений», в лучшем случае спецом, а передавать свои знания другим он не умел². Обновленный ФОН как раз был призван изменить это положение. Можно заключить, что главной задачей факультета являлась подготовка агитаторов для того, чтобы «организовывать взрослую аудиторию внешне и внутренне, учитывать интересы этой аудитории, подбирать материал, который был бы и понятен и полезен взрослым слушателям, излагать уже имеющийся материал в доступной форме, искать и находить моменты и приемы, оживляющие работу в массовой аудитории»³.

Таким образом, в 1921–1922 гг. произошел перелом в учебной работе гуманитарных факультетов. Введение в план преподавания дисциплин, формирующих у студентов марксистско-ленинский подход к явлениям общественной жизни способствовало укреплению позиций марксизма в общественных науках⁴. Структурно ФОН изменился в сторону усиления практического уклона в преподавании, теперь он состоял из семи отделений: общественно-педагогического, правового, экономического, внешних сношений, статистического, литературно-художественного и этнолого-лингвистического⁵ (см. приложение № 1).

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 24. Л. 6.

²Вестник ФОНа. 1923. № 2. С. 8.

³Там же. С. 9.

⁴Кошман Л.В., Сахаров А.М. Московский университет в советское время. С. 51–52 .

⁵Позже (осенью 1922 г.) к ФОНу было добавлено еще и археологическое отделение. Оно было создано в связи с тем, что по распоряжению Главпрофобра ликвидировался Московский археологический институт.

Исходя из того, что нужды советского государственного и хозяйственного строительства требовали максимально ускоренного создания новых кадров, срок обучения на всех отделениях ФОНа составлял три года. В соответствии с Положением о ФОНе, все студенты факультета независимо от специализации в течение первых двух лет должны были изучать цикл общих предметов с целью получения общего социологического образования. С третьего года обучения начиналась специализация на отделениях факультета¹. Для серьезной разработки различных отраслей общественных наук и подготовки научных работников постановление Совнаркома предлагало образовывать научные институты. Обсуждение этого проекта происходило на заседаниях различных отделений ФОНа с осени 1920 г. Решением ГУСа 1 августа 1921 г. было создано 7 научно-исследовательских институтов². В них должны были проводиться научные исследования теоретических проблем и важных государственных вопросов. Также институты должны были осуществлять подготовку исследовательских и преподавательских кадров. Все они подчинялись в научной деятельности академическому центру, а в подготовке кадров – Главпрофобру³.

В.П. Волгин руководил факультетом недолго – всего 4 месяца (он провел и был председателем на 19 заседаниях деканата), но за это время ФОН претерпел серьезные изменения. Благодаря своей работе в ГУСе и I МГУ Вячеслав Петрович участвовал как в разработке, так и в претворении в жизнь созданных при его участии декретов и постановлений. 26 мая 1921 г. В.П. Волгин был назначен ректором I МГУ⁴. Мы можем с большей долей вероятности предположить, что его кандидатура на пост ректора определила успешная работа на ФОНе, в САОН, в ГУСе. Однако некоторые сомнения у руководства партии вызывало его меньшевистское политическое прошлое,

¹Летопись Московского Университета. 2004. С. 280.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 493; Оп. 5 л/с. Ед. хр. 77.

³Кулыгина Л.С. Институт истории при ФОН МГУ и его первые работы по истории СССР // Вестник Московского университета. 1971. № 1. С. 62.

⁴ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 379. Л. 6.

ведь большевиком В.П. Волгин стал только в 1920 г.¹ Он был одним из организаторов и руководителей объединенных социал-демократических интернационалистов. С января 1918 г. значился среди учредителей РСДРП(и), которая просуществовала немногим менее двух лет – до конца 1919 г., когда на IV-м съезде приняла решение о вхождении в РКП(б)². О настороженном отношении к оппозиционерам свидетельствует и записка В.И. Ленина М.Н. Покровскому от 4 апреля 1921 г. с просьбой совета относительно профессорских талантов В.Ф. Горина³: «Дайте два слова отзыва. Автор – старый (с 1903) большевик, но вполне ли годен как профессор, не знаю. Думаю, что все же годен. Мало искренних, а он таков. NB: его отзыв о Волгине?»⁴ Записка сделана на письме В.Ф. Горина, который сообщал В.И. Ленину, что декан В.П. Волгин не дает ему возможности читать систематический курс лекций по философии. Он писал также, что в университете сильно влияние бывших меньшевиков и кадетов, которые проповедуют буржуазные взгляды⁵. Ответ М.Н. Покровского найти не удалось, но скорее всего он подтвердил политическую благонадежность своего соратника В.П. Волгина.

К 1922 г. ФОН достиг апогея своего развития. Факультет стал управляться на основании особого положения, утвержденного Совнаркомом и опубликованного в «Известиях ВЦИК» от 25 августа 1922 г. за № 190: декан ФОНа и его помощник назначались Главпрофобротом; декан имел право представлять кандидатов на должность профессоров в ГУС и на должность пре-

¹Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедия института братьев А. и И. Гранат. Стб. 87–88.

²Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1919–1920. С. 38.

³Горин (Галкин) В.Ф. (Николай Николаевич Сиротинин) (1863–1925) – профессиональный революционер, большевик. В первой половине 80-х гг. входил в народовольческие кружки Симферополя, затем Харькова, Могилева, Одессы. В октябре 1887 г. был арестован по делу «Южной народвольческой организации» и сослан в Якутию; в середине 90-х гг. примкнул к социал-демократам. По окончании срока ссылки (1900) жил в Верхоянске, а затем в Иркутске, участвовал в организации Сибирского социал-демократического союза. В 1902 г. работал в саратовской социал-демократической организации, от которой был делегирован на II съезд РСДРП. Участвовал в подготовке Октябрьского вооруженного восстания. В 1918–1920 гг. находился на политической работе в Красной армии. С 1920 г. работал во Всеобуче; позднее – на научно-педагогической работе (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 7. С. 550).

⁴Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 126.

⁵Там же.

подавателей на утверждение Главпрофобра. За всю работу факультета он нес единоличную ответственность перед Главпрофобром; ректор университета мог обжаловать действия декана, не приостанавливая их исполнения. В Правлении университета по всем вопросам, касающимся ФОНа, декан имел право решающего голоса¹. В бюджетном отношении ФОН также находился в особом положении. При отпуске кредитов вузам Главпрофобр выделял суммы, предназначенные на нужды ФОНа, закрепляя их за таковыми².

Таким образом, ФОН в 1922–1923 гг. занял ведущее положение среди остальных университетских факультетов. Он призван был сыграть ведущую роль в деле политического воспитания и марксистской закалки студенчества всего Московского университета, т.к. именно его кадры обеспечивали преподавание дисциплин общественного минимума на всех факультетах университета. ФОН должен был выпускать «новые интеллектуально-технические личности социалистического пошиба», молодую трудящуюся интеллигенцию, идущую впереди революционных рабоче-крестьянских масс, которая в ближайшем будущем должна была вступить в руководство «коммунистической стройкой жизни»³.

В реальной жизни дела факультета представлялись далеко не так, как это было намечено в официальных документах. В первую очередь проблемы возникали с учебными планами. После первого переходного летнего триместра в 1919/20 уч. г. начало занятий в осеннем триместре было отсрочено до 15 сентября⁴. Позже начало учебных занятий еще раз отложили до 1 октября 1919 г. ввиду того, что работа по согласованию учебных планов объединяемых гуманитарных факультетов в Московских вузах была не закончена. А также ввиду того, что «более 10 членов факультета было арестовано, некоторые выпущены, другие еще не выпущены и эти лица

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 35. Л. 1.

²Факультет общественных наук 1-го МГУ. С. 19.

³Вестник ФОНа. 1923. № 2. С. 18.

⁴ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 1. Л. 78.

лишены возможности приступить теперь к чтению лекций»¹. Например, учебный план правового отделения на 1921/22 уч. г. был разработан Наркомпросом, а отделение со своей стороны внесло в него лишь некоторые дополнения. Вся организационная работа отделения по проведению в жизнь нового учебного плана была закончена в начале летнего триместра. Но уже в осеннем триместре практика показала, что только что установленный учебный план страдает излишней дробностью предметов, вследствие чего в Главпрофобре и ГУСе начались работы по пересмотру плана, которые завершились новой реформой отделения, выполненной уже по истечении учебного года, т.е. к лету 1922 г.²

В 1923 г. возникли проблемы с программами на отделении археологии, которое было образовано год назад. В итоге решили начать занятия не дожидаясь окончательной разработки программ³.

В 1925 г. на заседании преподавателей иностранных языков указывалось, что программа обучения не была своевременно выработана и поэтому определенного метода преподаватели не придерживаются, кроме того, возникали постоянные проблемы с учебниками⁴.

Словом, за все шесть лет существования ФОНа так и не удалось уладить дела с учебными планами практически на всех его отделениях.

Кроме того, постоянно возникали проблемы с аудиториями, что не могло не влиять на ход и своевременное начало занятий. После первого летнего триместра студенты начали заниматься лишь 1 октября 1919 г. Однако, отзанимавшись два месяца, вынуждены были прервать свое обучение до весны 1920 г. (т.е. на четыре месяца) ввиду отсутствия топлива для аудиторных помещений и других причин, препятствующих нормальному ходу учебных занятий⁵.

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 1. Л. 83.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед.хр. 22. Л. 1.

³ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 69. Л. 40 об.

⁴ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 101. Л. 3 об.

⁵ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 3. Л. 70.

Учитывая ситуацию 1919–1920 уч. г., решили уладить проблемы отопления аудиторий в следующем году заранее. Так, на заседании исторического отделения ФОНа от 4 июня 1920 г. было предложено «образовать из профессоров и студентов небольшую, но работоспособную комиссию по обеспечению помещений факультетов топливом, во избежание необходимости, по примеру прошлого года, устраивать длительные перерывы в занятиях в зимнее время»¹. Однако это не принесло результатов, осенью 1920 г. аудитории исторического отделения ФОН не убирались и не отапливались. В следствии чего лекции и практические занятия пришлось отменить².

Помимо трудностей с отоплением возникали проблемы и с самими аудиториями. Так, 23 апреля 1920 г. на заседании ФОН был поставлен вопрос о недостатке помещений для чтения лекций и ведения практических занятий на факультете: декан А.М. Винавер сообщил, что «в настоящее время факультет совершенно не обеспечен даже минимальным числом аудиторий, необходимых для учебных занятий; в его распоряжении имеются лишь пять аудиторий, помещающихся притом в разных зданиях как университета, так и бывших курсов учрежденных В.А. Полторацкой. Это обстоятельство явилось следствием самовольного захвата рабочим факультетом всего помещения ФОНа и факультета историко-филологического»³. Это собрание декан А.М. Винавер и профессор В.П. Волгин подытожили выводом, что политика Наркомпроса по отношению к ФОНу исполнена противоречий и колебаний: ответственные лица Наркомпроса то заявляли о государственной важности факультета, то о возможности его закрытия. Такое отношение к ФОНу ставило профессоров в крайне тяжелое положение, им трудно было преподавать и заниматься научной работой при постоянном сознании, что учреждение, где она протекает, находится под угрозой внезапной ликвидации⁴. Жалобы на такую ситуацию М.Н. Покровскому не увенчались

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 7. Л. 27.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 27.

³Там же. Л. 4–4 об.

⁴Там же. Л. 4 об–5.

успехом¹. Президиум факультета обращался также и к народному комиссару по просвещению А.В. Луначарскому с ходатайством о восстановлении прав ФОНа на противозаконно отнятое у него помещение в новом здании университета. Также жаловались на рабочий факультет, находящийся в привилегированном положении, требовали, чтобы последний был подчинен общеуниверситетской администрации, наравне с другими факультетами². Однако это тоже не принесло успеха.

В связи с возникновением в 1921 г. новых отделений ФОНа, вопрос еще более усугубился. Например, из-за отсутствия помещений, а также полной или почти полной необорудованности некоторых имевшихся, этнолого-лингвистическое отделение не могло нормально функционировать и занятия начались только 31 октября и то в неполном объеме³.

Как это ни странно, но несмотря на государственную поддержку факультета, к 1923 г. ситуация не изменилась. В резолюции по докладу декана ФОНа Н.М. Лукина указывается на «хронический кризис с помещениями», дезорганизующий всю академическую работу⁴. 20 августа 1923 г. на заседании президиума ФОНа обсуждали распоряжение Наркомпроса за № 451 о предоставлении ФОНу помещений вечернего рабфака к 1 сентября 1923 г.⁵ Но это не принесло никаких результатов, т.к. «ввиду невыясненности жилищного положения ФОНа» в сентябре на заседании деканата было решено отложить начало занятий на 1 курсе до 24 сентября, а на остальных курсах – до 1 ноября 1923 г.⁶ (зато, видимо, как-то наладилось отопление: перерыв в зимних занятиях продолжался всего месяц – с 20 декабря по 20 января)⁷.

С учебно-вспомогательными учреждениями дело обстояло не лучше. Так, в 1921–1922 уч. г. помещение библиотеки и кабинета частного права не

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 4–4 об.

²Там же. Л. 6.–Л. 6 об.

³ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 3.

⁴ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 69. Л. 15 а.

⁵Там же. Л. 26.

⁶Там же. Л. 40.

⁷Там же. Л. 102.

было включено в число отапливаемых, нормальная работа в библиотеке шла лишь с мая по октябрь, а в остальные месяцы она открывалась лишь на 2–3 часа в день¹.

Помимо хронических проблем с помещениями, хаос царил и с расписанием занятий в тех немногих аудиториях, которые были закреплены за факультетом. Распределение нагрузки также не было упорядочено. Студенты жаловались, что некоторые дни совершенно свободны от занятий, другие же переполнены и согласно расписанию в одни и те же часы, но в разных аудиториях, читаются по три, четыре обязательных предмета². Вот, например, письмо в редакцию студента ФОНа под заголовком «Пора упорядочить»: «уже два месяца, как начались занятия, а работа на отделениях еще не налажена. До сих пор нет постоянного расписания лекций с правильным указанием аудиторий, профессора, начинающие чтение лекций не объявляют о таковых. Бегают студенты, ищут профессоров, аудитории... Крик, галдеж, давка, духота мешают слышать профессора, а табачный дым и густой тяжелый воздух – видеть. И ясно, ничего не получает тот, кто хотел бы послушать. Дверь не перестает хлопать... Огромное большинство студентов приходит на первые лекции только для того, чтобы занять место на следующие и естественно не интересуясь, о чем говорится, заводят довольно громкие беседы или преспокойно читают газеты... Можно действительно использовать совет, слышанный в возмущенной кучке студентов: “ввести еще один университетский курс пр. Бухарина – “Норма поведения””»³.

Что касалось уровня подготовки студентов, а также качества получаемого ими образования, то в архиве по этому поводу встречаются далеко не лестные характеристики. Прием на факультет поначалу проводился без вступительных испытаний и на протяжении всего года. В 1921 г. были определены новые правила приема студентов на ФОН. Эти правила разрабатывались в агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б)

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 22. Л. 9.

²Вестник ФОНа. 1923. № 2. С. 57.

³Вестник ФОНа. 1922. № 1. С. 41.

совместно с Главпрофобром Наркомпроса¹. На ФОН принимались в первую очередь окончившие рабфаки², делегируемые Наркоматами и ВЦСПС, а также ЦК профсоюзов работников просвещения, работников искусств, члены РКП и Комсомола по рекомендации своих организаций. Лица, не подходящие ни под одну из выше установленных категорий, в случае наличия свободных мест, принимались по личному заявлению (причем предпочтение оказывалось тем из них, которые имели рекомендации партийных организаций и губернских профессиональных объединений)³. Причем сроки окончания приема в 1921 г. постоянно сдвигались, например, от Комиссариата юстиции поступила просьба «продлить прием заявлений от лиц, направляемых НКЮ до 1 октября». Более того, по отношению к этим абитуриентам формальные требования при поступлении были доведены до минимума⁴.

Значительные трудности возникали из-за невысокой общеобразовательной подготовки нового студенчества, вышедшего в основном из малообеспеченных слоев трудящихся. Как справедливо отметил последний декан ФОНа В.К. Сережников, ни школы 2-й ступени, ни даже рабфаки не давали достаточно подготовленного для высшей школы контингента лиц. У рабфакцев общеобразовательная подготовка была недостаточной и сплошь и рядом отсутствовала самая элементарная грамотность в русском языке⁵. Если еще учесть тот факт, что общая численность учащихся в 1922–1923 гг. составляла более 6 000 человек, то становится очевидным, что организация учебного процесса превращалась в проблему достаточно сложную и в полном объеме реально неразрешимую.

Слабый уровень студентов можно объяснить и тем, что в большинстве своем они были, прежде всего, советскими работниками с большим или

¹Сафразьян Н.Л. Становление... С. 67.

²Об условиях приема выпускников рабочих факультетов см.: ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 20. Л. 75.

³ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 20. Л. 1.

⁴ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 20. Л. 74.

⁵Факультет общественных наук 1-го МГУ. С. 15–16.

меньшим стажем общественной работы. Поступив в университет, они тяготели к общественной работе и в вузе, подчас забывая совсем про учебу и занимаясь ей только на ходу, в промежутках между службой, заседаниями, собраниями и проч.¹ Следует учитывать и то, что большинство учащихся находилось в тяжелом материальном положении и было вынуждено совмещать учебу со службой, а это не могло не сказаться отрицательно на учебных занятиях. Сами студенты подчеркивали, что совмещение службы с учением недопустимо, и что этот вопрос надо разрешить в ближайшее время².

Кроме того, студенты, попав на 1 курс университета, не знали сами, да и никто и не думал, что им надо объяснять, как надо учиться, как надо читать научную книгу, как ее конспектировать, усваивать и проч., студенты не знали самой техники и метода учебы на дому³. Поэтому и возник вопрос о нецелесообразности лекционной системы. Новый состав студенчества, вышедший из трудовых слоев населения был гораздо менее изощрен в книжном восприятии, менее подготовлен к самостоятельному чтению книг⁴.

Немаловажным фактором также было то, что студенты физически не могли усвоить программу. Занятия на ФОНе велись по вечерам, после трудового дня у слушателей притуплялась внимательность, времени на домашнюю работу не хватало, соответственно, интенсивность и успешность таких занятий была низкой⁵.

Конечно же на обучении сказывалась и общая тяжелая обстановка в стране, разоренной многолетней войной, терзаемой голодом и эпидемиями⁶. Быт студента-фоновца в 1918–1920 гг. был незавиден. Вот, что пишет студент Л. Бамдас об общежитии. «Моя комната – подzemелье первобытного человека, пещера отшельника, можно сказать – что угодно, только не комната в современном смысле слова. Продолговатый ящик с щелями и отверстиями

¹Факультет общественных наук 1-го МГУ. С. 54.

²Вестник ФОНа. 1923. № 2. С. 25.

³Факультет общественных наук 1-го МГУ. С. 55.

⁴Там же. С. 68.

⁵Там же. С. 69.

⁶Сафразьян Н.Л. Становление... С. 88.

«для вентиляции» со всех сторон, низкий черный потолок, грязные, со следами обоев, потеющие от сырости стены. Лампа – новейшее изобретение, чудо двадцатого столетия. Ее конструкция до гениальности проста и примитивна – маленькая бутылочка с узким горлышком, в горлышке фитиль – вот и все. И дешево и удобно... Голод был общим явлением. Обычно питались одним хлебом с кипятком или картошкой»¹.

Хотя в царское время условия жизни студентов были не лучше. Вот, например, зарисовка из воспоминаний В. Курбского: «Комната маленькая, темная, отделенная от соседнего помещения тонкой дощатой перегородкой, за которой жили четыре плотника и одна женщина. В кухне ютилась семья квартирохозяина, состоящая из мужа, служившего на почте разносчиком телеграмм, его жены и трехмесячного ребенка. Из кухни постоянно раздавался детский плач, и все, что делалось у плотников, мне было слышно. Днем еще можно было заниматься, но вечером, когда мои соседи, усталые от работы, снимали с себя сапоги и мокрые рубашки, чтобы чувствовать себя несколько свободнее, положение мое было незавидным»². А вот описание общежития в то время, данное П. Ивановым: «Сорные полы (их моют 1 раз в месяц). Убогие кровати. Грязные одеяла... Жестяная маленькая лампа тускло освещает унылую комнату. Ее свет усиливает мрачный, тяжелый колорит жилища людей, ищущих света и знания. Удушливый запах носится в воздухе. Все здесь засалено, загрязнено до невероятия, начиная с потолка и кончая подоконником. Грязь словно впиталась в стены»³. Впоследствии жилищные условия студентов ФОНа и других факультетов несколько улучшились, но все равно еще оставались тяжелыми. Бóльшая часть студентов жила в больших комнатах на 8–10–15 человек. Понятно, что при такой населенности заниматься

¹Вестник ФОНа. 1923. № 2. С. 53–54.

²Курбский В. Очерки студенческой жизни (Из дневника бывшего студента). М., 1912. С. 127.

³Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. 3-е изд. М., 1918. С. 63–64.

там было совершенно невозможно. Поэтому и успехи в академической работе этих студентов были ничтожны¹.

Об уровне подготовки принятых на ФОН студентов можно судить, например, по отзыву преподавателя французского языка К.А. Ганшиной. Она отмечает абсолютное незнание студентами грамматики вообще. Понятное дело, что объяснять грамматику иностранного языка крайне сложно, если обучающийся не разбирается в грамматике своего родного языка². Позднее, чтобы повысить уровень знаний студентов и отсеять неуспевающих, в мае 1922 г. вышло «Положение о перерегистрации студентов»³. Отчислялись студенты и по иным причинам. Декан Н.М. Лукин считал, что ФОН призван быть одним из «рассадников коммунистического просвещения»⁴. Поэтому на факультете было предложено провести «пересмотр студенчества, в смысле очищения ФОНа от антисоветских элементов»⁵. Также он жаловался на недостаток «в профессорах и преподавателях-марксистах». Поэтому в резолюции потребовал, чтобы за ФОНом закрепили достаточное число ответственных коммунистов для чтения курсов и ведения практических занятий. Также было предложено расширить штаты факультета в первую очередь для того, чтобы принять внештатных профессоров-марксистов⁶. Впрочем, чистка преподавательского состава началась еще ранее. Так, согласно протоколу заседания научно-политической секции ГУСа от 5 августа 1921 г. некоторые преподаватели университета были отстранены от работы⁷. 26 августа 1921 г. на заседании научно-политической секции ГУСа прозвучал доклад А.Г. Гойбаха о пересмотре списка профессоров и преподавателей по праву в вузах республики. Были указаны отдельные фамилии по Московскому, Петроградскому, Иркутскому, Воронежскому, Донскому, Пермскому, Ярославскому, Томско-

¹Вестник ФОНа. 1923. № 2. С. 55.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 101. Л. 4.

³ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 35. Л. 3.

⁴Резолюция от 11 мая 1923 г. ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 69. Л. 15 а.

⁵ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 69. Л. 15 а.

⁶Там же.

⁷ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 2, 2 об.

му, Северо-Двинскому, Смоленскому, Саратовскому и другим университетам¹.

Не только преподаватели были недовольны уровнем знаний студентов, но и от самих студентов неоднократно поступали жалобы на качество преподавания в университете. Летом 1920 г. на заседании исторического отделения ФОНа студенты внесли предложение дополнить учебный план². На следующий день после заседания в канцелярию поступила докладная записка студента А.И. Митта³. Из нее мы узнаем, что многие предметы, которые значились в учебном плане, не читались вообще (древний Восток, историческая география, история литературы, история искусств и ряд вспомогательных дисциплин). Также студенты-историки были недовольны тем, что поскольку занятия проходили на Моховой улице и Никитских воротах, они не успевали к началу занятий и поэтому слушали только обрывки лекций⁴.

К окончанию существования ФОНа ситуация с преподаванием не сильно изменилась. По-прежнему в архиве встречаются жалобы студентов на учебный процесс. Так, студенты статистического отделения ФОНа были недовольны тем, что «фактически занятия на цикле сельскохозяйственной статистики начались с половины ноября, т.е. не больше, чем за месяц до рождественских каникул, и то только на 40 %»⁵.

Осенью 1923 г. и весной 1924 г. была проведена академическая проверка, в результате которой произошло некоторое сокращение студенческого состава. Было обращено более серьезное внимание на прием вновь поступающих: установлен строго классовый прием, с одной стороны, а с другой – вообще ограничено количество поступающих⁶.

Однако партия была постоянно недовольна развитием факультета. Ей не хватало терпения для того, чтобы оставить ФОН на какое-то время в покое

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 5–7 об.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 7. Л. 29.

³Там же. Л. 34–35 об.

⁴Там же. Л. 35.

⁵ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 118. Л. 17.

⁶Факультет общественных наук 1-го МГУ. С. 13.

и подождать, когда учебный процесс войдет в нормальное русло. В июле 1923 г. был поставлен вопрос о целесообразности дальнейшего существования ФОНа и было решено для обсуждения этого вопроса организовать особую комиссию. Декан В.К. Сержников отметил, что как раз тогда, когда ФОН начал «усиленным образом перестраиваться, реформироваться, ставить и выполнять новые задачи, ему было предопределено биться в лихорадочных судорогах ликвидационного периода»¹.

В 1924 г. комиссия Оргбюро ЦК партии, в которую вошли М.Н. Покровский, А.С. Бубнов, К.А. Попов и другие, обобщив опыт работы ФОНа, признала его дальнейшее существование нецелесообразным. Было решено прекратить прием на ФОНы с 1924/1925 уч.г. и в течение двух лет завершить их ликвидацию².

Одной из основных причин закрытия ФОНа было то, что некоторые отделения по своим задачам преподавания стали дублировать педагогические институты. Отделения были мало специализированы по отраслям общественных наук, факультет отличался пристрастием к постановке социологических курсов с определенным уклоном в проблематику социально-экономического развития и классовой борьбы³. Эта тенденция диктовалась временем, она была прописана во всех резолюциях и прокламациях. К середине 1920-х гг. ситуация в стране изменилась, потребовались уже не только активные пропагандисты марксизма, но и хорошо обученные специалисты.

В области исторического образования недостаток конкретных знаний по истории отрицательно сказывался на творческом усвоении марксистской теории и методологии истории. В этом заключался, как считает Л.В. Иванова, основной недостаток постановки исторического образования в 1921–1924 гг. Целевая установка ФОНа – подготовить педагогов-обществоведов – на первый взгляд не требовала от студентов знания всего исторического процесса. Однако подлинная причина отмены общих исторических курсов

¹Факультет общественных наук 1-го МГУ. С. 20.

²Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. М., 1968. С. 35.

³Там же. С. 30–31.

состояла в том, что ранее они читались буржуазными учеными. К тому времени старые курсы истории были отменены, а создать в короткие сроки новые учебники на марксистской основе по истории было почти невозможно. Поэтому и было решено пойти по более простому пути – ликвидировать курс истории и заменить его обществоведением. Как справедливо отметил А.В. Чудинов, подготовка преподавателей обществоведения «или, называя вещи своими именами, пропагандистов марксизма, разумеется, могла осуществляться гораздо быстрее, чем подготовка квалифицированных историков, поскольку фактически сводилась к идеологическому натаскиванию»¹. Хотя при ФОНе в 1921 г. и был образован Институт истории, целью которого являлось проведение научных исследований важных теоретических проблем, но за время его существования не было издано ни одной монографии или сборника². Постановка исторического образования на принципах марксизма осложнялась почти полным отсутствием в начале 20-х гг. учебной литературы по основным общественно-экономическим и историческим дисциплинам. Из-за объективных трудностей в течение 1921–1924 гг. вышли в свет лишь единицы из запланированных изданий, например, «Очерки по истории социализма» В.П. Волгина³. Историческое образование как таковое вообще исчезло из университета.

В фонде М.Н. Покровского АРАН содержится очень интересная записка, адресованная Г.Е. Зиновьеву, относительно судьбы ФОНа. Автор (скорее всего это последний декан ФОНа В.К. Сержников) выражает мнение меньшинства комиссии Оргбюро ЦК партии, считающей решение о закрытии ФОНа неправильным. Доводы в пользу сохранения ФОНа суть следующие:

¹ Чудинов А.В. Историк-воюющий: Н. М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 214.

² Кулыгина Л.С. Институт истории при ФОН МГУ и его первые работы по истории СССР // Вестник Московского университета. 1971. № 1. С. 64.

³ Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. С. 31.

1) «В текущем учебном году на ФОН было принято 72,5 % членов РКП и РКСМ. На 2-х курсах членов до 50 %. С будущего уч. г. беспартийные на ФОНе составляли бы незначительную величину.

2) Из профессоров и преподавателей (за исключением отделения языка и археологического) – 71 % коммунистов и марксистов и только 29 % беспартийных.

3) В прошлом году на ФОНе было развернуто для практических занятий всего 79 групп, а в текущем – мы имеем 231 группу. Семинарские занятия остаются основным методом преподавания. Лекционная система остается постольку, поскольку мы не в силах от нее отказаться по независящим от нас условиям.

4) Задача, возложенная на ФОН учебными планами и всей постановкой дела, не преследуется ни одним вузом республики: ФОН не только готовит специалистов в тех или иных областях Советского строительства, он создает идеологию Советского строя. Беспартийная масса студенчества, прошедшая через ФОН, должна выдвинуть не только специалистов, но и сознательных, активных, преданных пролетарскому делу работников. Как при старом строе факультеты давали не только чиновников, но и слуг царя, так и ФОН должен дать слуг Пролетарской революции.

5) Практическая цель ФОНа сочетается с академической задачей его по подготовке ученых деятелей в разных областях науки: профессоров, преподавателей, журналистов, газетных работников и т.д. При ФОНе имеется для этого Ассоциация НИИ, научно-вспомогательные учреждения, библиотеки и проч. В настоящее время на разных отделениях ФОНа имеются десятки студентов, определенно наметивших для себя ученую карьеру. Это будут наши ученые коммунисты.

6) ФОН является весьма важным политическим фактором в составе И МГУ наряду с такими факультетами, как физико-математический или медицинский, от которых на пушечный выстрел несет средневековьем.

7) Большинство комиссий мотивировало ликвидацию ФОНа необходимостью уничтожения параллелизма между его отделениями и другими учебными заведениями. По существу разговор о параллелизме касался лишь одного отделения – экономического, которое дублирует с экономическим факультетом Института Народного хозяйства им. К. Маркса <...> Я не думаю утверждать, что на ФОНе все благополучно. Он находится в стадии реорганизации, и новые учебные планы, например, вводятся на нем всего лишь с текущего учебного года. ФОН еще развивающееся Высшее Учебное Заведение с присущими ему только целями и задачами. Ни один другой вуз в республике таких задач себе не ставит. Уничтожение ФОН причинит вред нашему государству»¹.

По мнению В.К. Серезникова, ФОН был «специально организован для насаждения и распространения пролетарской идеологии»². И эту свою роль он старался выполнять, однако отстоять факультет все же не удалось. Большинство голосов комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) сочла нецелесообразным сохранить ФОНы.

Упразднение ФОНа и организация вместо него двух новых факультетов тоже была не лишена недоразумений. Скоропалительность и непродуманность таких действий просматривается в протоколах заседаний советов отделений ФОНа: по мнению профессорско-преподавательского состава расформирование факультета приведет «к потере для государства двухлетней работы 272 человек слушателей второго курса экономического отделения»³. Также возникли проблемы с выработкой учебной программы для нового факультета: «а) ввиду обширности учебного плана факультета, б) ввиду необходимости сообразоваться при выработке указанных программ по тому или иному курсу или семинару с различными уклонами, сообщаемыми им на разных отделениях и циклах факультета, в) ввиду ограниченности времени до конца учебного года и г) ввиду недостатка специальных сил у отделения,

¹ АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 83–85.

² Факультет общественных наук 1-го МГУ. С. 14.

³ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 118. Л. 4.

работавшего до сих пор в масштабе значительно более узком, чем тот, на который рассчитан факультет советского права»¹.

ФОН был своего рода экспериментом в деле быстрой подготовки специалистов для нужд советского государственного аппарата. Задачи факультета были четко определены с самого начала: стать базой утверждения теории и методологии марксизма в изучении общественных наук и осуществлять подготовку необходимых для советского строительства кадров специалистов. Этот эксперимент имел как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, необходимость в контроле над процессом преподавания в высших учебных заведениях, а также перестройка гуманитарного образования на основе марксизма, диктовала советской власти определенные механизмы организации как факультета, так и университета в целом. Ведь преподаватели имели определенное влияние на студентов, а тем самым несли особую политическую функцию. Поэтому советскому обществоведению уделялось такое пристальное внимание. Необходимо было как можно быстрее закрепить марксистскую идеологию как в самой науке, так и во всем обществе. Основной идеей являлся тезис о том, что прогресс науки XX в. возможен только на основе утверждения во всех ее областях материализма и диалектики, диалектических методов познания процесса общественного развития².

Как отметил А.В. Гордон, в 20-х–30-х гг. основной целью был разгром «буржуазной идеологии» как препятствия социалистическому строительству. Но еще более важным для руководства было «утвердить дисциплину единомыслия, выучить научные кадры советской формации мыслить по-партийному»³. «Выпускники должны были быть не просто законопослушными членами общества, у них должно было быть воспитано чувство сопричастности с властью, вера в ее высшее предназначение, убеждение в безупречности властных актов и ее главных носителей».

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 118. Л. 34 об.

²Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика. (20–30-е гг.) // Историческая наука в XX веке. М., 1997. С. 90.

³Гордон А.В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005. С. 73.

Студенты должны были ощущать себя «”бойцами партии”, ее “рядовыми”, т.е. занимающими место в выстроенных ею рядах и безмерно опасаящимся оказаться, даже мысленно, вне их»¹.

Необходимость быстрой подготовки специалистов в области общественных наук, скоропалительность принимаемых решений, тяжелые условия жизни студентов привели к тому, что со своей второй задачей – подготовкой специалистов – ФОН справился весьма слабо. Впоследствии сами участники преобразований в сфере гуманитарных наук негативно оценивали опыт тех лет. Винили во всем М.Н. Покровского и его «школу». Например, на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) 22 июня 1944 г. Е.В. Тарле упомянул «анекдотический случай с людьми, кончившими юридический факультет»: «человек приходит экзаменоваться в дипломатическую школу и говорит, что Екатерина была перед нашествием татар. Он не виноват в этом – его так учили. Вернее, его совсем не учили. Он был на факультете в эпоху торжества “школы Покровского”»².

На основании проанализированного материала мы можем заключить, что Вячеслав Петрович был назначен на один из ключевых постов в университете, так как на ФОН возлагались в период исполнения им обязанностей декана, большие надежды. С 1921 г. он занял едва ли не центральное место среди остальных факультетов университета. Подобно рабфаку, ФОН замыслился как опорная база для дальнейшего включения университета в общую систему советских организаций и учреждений, он должен был способствовать распространению марксистского мировоззрения. В.П. Волгин был своего рода связующим звеном между ФОНом и вышестоящими институтами, докладывал на заседаниях деканата о решениях ГУСа и Главпрофобра, а также способствовал претворению в жизнь этих решений. За свое весьма не продолжительное пребывание на посту декана ФОНа он успел многое сделать для факультета и повлиять на его дальнейшее развитие. В.П. Волгин

¹Гордон А.В. Власть и революция... С. 226.

²Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 83.

участвовал в разработке планов и программ для отделений факультета, представлял их на утверждение в вышестоящие органы, контролировал их проведение в жизнь, решал вопросы организационного характера. Кроме того, он читал лекции и вел семинары по истории социализма, семинары по французскому социализму в начале XIX в., истории домарксова социализма, чем также способствовал формированию у студенчества советского общественного сознания.

В.П. Волгин заложил основу для дальнейшего развития факультета, вдохнул в него новую жизнь. Пожалуй, это и стало главной его заслугой на должности декана. Дальнейшая реализация планов В.П. Волгина относительно функционирования ФОНа легла уже на плечи его последователей. Деятельность Вячеслава Петровича была высоко оценена РКП(б) – ему доверили возглавить I МГУ.

Раздел III. В.П. Волгин во главе Московского университета

После четырехмесячного пребывания на посту декана ФОНа, В.П. Волгин занял более высокую и ответственную должность ректора университета. До ноября 1920 г. во главе I МГУ находился скептически относившийся к советской власти М.М. Новиков, который, естественно, не устраивал Наркомпрос. Поэтому Совет был распущен и создан Временный президиум как высший орган университета. Он состоял из 11 представителей профессорско-преподавательского состава, студентов, служащих, слушателей рабфака и Наркомпроса. Пять членов президиума назначались Наркомпросом. Председателем стал коммунист Д.П. Боголепов¹. Однако действия его привели к конфликтам с профессурой, что создало ему имидж разрушителя науки. Поэтому Наркомпрос заменил временный президиум I МГУ Правлением из 5 человек, назначенных Главпрофобротом. Два члена Правления были преподавателями, один – студентом, второй – рабфаковцем, а третий являлся представителем Главпрофобра². В мае 1921 г. ректором был назначен более тактичный В.П. Волгин³ (в частности, бывший декан физико-математического факультета, пассажир «философского парохода» В.В. Стратонов в 1930 г. вспоминал, что В.П. Волгин «обладал тактом, и это смягчало трения, возникавшие между назначенным ректором и еще остававшимися автономными факультетами»⁴).

2 февраля 1921 г. все вузы были переданы в ведение Главпрофобра. В начале 1921 г. комиссия под руководством профессора О.Ю. Шмидта подготовила «Положение об управлении вузами РСФСР», принятое Наркомпросом. Положение встретило неодобрительные отзывы в вузах, особенно со стороны профессоров. В связи с этим власти решили действие положения приостановить и приступить к выработке нового. Специальная комиссия в

¹Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. С. 114.

²Там же. С. 115.

³Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л/с. Ед. хр. 13. Л. 136.

⁴Московский университет 1755–1930. С. 195.

составе А.В. Луначарского, М.Н. Покровского, В.П. Волгина и других доработала проект и внесла его на обсуждение конференции деятелей высшей школы, проходившей 27 июня – 2 июля 1921 г.¹

2 сентября 1921 г. «Положение о высших учебных заведениях» было принято Совнаркомом и подписано В.И. Лениным. Это был первый советский устав вуза, согласно которому университеты окончательно включались в общую систему советских организаций и учреждений, а ректоры стали ответственными советскими работниками. Полностью упраздняясь административная автономия университетов, ничего не говорилось о необходимости ведения в них научной работы. Таким образом, «Положение» окончательно покончило с обособленностью вузов, включило их в общую систему советских организаций и учреждений².

В уставе определялись основные цели и задачи вузов: «создавать кадры специалистов по различным отраслям практической деятельности, готовить научных работников для обслуживания научных, научно-технических и производственных учреждений республики, в частности – для самих высших учебных заведений, распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане»³.

Согласно уставу научно-преподавательские кадры были разделены на три категории: профессора, которые вели самостоятельные курсы и избирались ГУСом; преподаватели, которым поручались вспомогательные курсы, занятия или научная работа под руководством профессоров; научные сотрудники, помогающие профессорам и преподавателям, а также готовящиеся к самостоятельной учебной или учебно-научной деятельности. Научными работниками вузов могли быть лица, обладавшие достаточной научной подготовкой, определяемой (независимо от наличия ученой степени или звания) на основании имеющихся работ и отзывов научных учреждений и отдельных

¹Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. С. 118.

²Там же. С. 119.

³СУ. 1921. № 65. Ст. 486.

ученых. Профессора избирались по всероссийскому конкурсу. Штатные профессора переизбирались по истечении 10 лет, штатные преподаватели – 7 лет, сверхштатные профессора и преподаватели – 5 лет со времени определения в должности или очередного переизбрания. Научные сотрудники утверждались на 3 года и могли быть переизбраны лишь в особо важных случаях дополнительно на год. В штате вуза можно было состоять до 65-летнего возраста, после чего разрешалось продолжать ведение курса на правах сверхштатного профессора¹.

Делами вузов ведали: Совет, направлявший и координировавший всю работу вуза в соответствии с установками вышестоящих органов, и Правление, осуществлявшее руководство всей научно-учебной и административно-хозяйственной жизнью под общим наблюдением и контролем Главпрофобра². Руководили вузами Правления, состоящие из 3 человек. В отдельных случаях Главпрофобр мог увеличить число членов Правления до 5, назначив второго преподавателя и второго студента. Члены Правления избирались коллективом профессоров, сотрудников, студентов и только потом утверждались Наркомпросом (см. приложение № 2).

Вуз делился на факультеты, на которых также были выборные президиумы во главе с деканами. Президиумы факультетов подчинялись Правлению вуза. Главпрофобр имел право определять организацию и содержание учебно-воспитательной работы, контролировать контингент вузов. Правление назначало преподавателей и научных сотрудников и представляло Наркомпросу кандидатов для утверждения на должность профессора. Таким образом, ректор, Правление, руководящие органы факультетов назначались сверху. Ликвидировалась монополия профессоров на представительство в вузовских коллегиальных органах управления.

Общее руководство вузом возлагалось на его Совет, куда входили члены Правления – по пять представителей от профессоров, преподавателей,

¹Синецкий А.Н. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы... С. 49.

²Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР: историко-правовое исследование (1917–1936). М., 1985. С. 249–250.

научных сотрудников и студентов, а также лица, выделенные заинтересованными профсоюзными и государственными учреждениями. Такое внутреннее устройство Совета преследовало цель обеспечить выдержанную советскую линию в деятельности вуза, охватить все насущные проблемы, изживая замкнутость и обособленность профессорских коллегий. Ведение заседания Правления и Совета поручалось ректору¹.

Главным структурным нововведением для вузов стали предметные комиссии, которые мыслились как основные организационные ячейки учебно-научной и методической работы. Предметную комиссию составляли все научные работники, объединенные родственными дисциплинами, а также представители от студентов². Целью их было привлечение преподавателей и широких масс пролетарского студенчества к организации учебной и научной жизни на новой основе, а также ослабление влияния оппозиционной профессуры. Как подытоживает Н.Л. Сафразьян, принцип централизации управления сочетался с широким привлечением профессорско-преподавательского состава, студенчества и общественных организаций к участию во всей научно-учебной деятельности вуза, к выдвижению кандидатов в члены Правления и президиумы факультетов³.

Таким образом, была создана совершенно новая система управления высшей школой, характерными чертами которой стали административно-командные методы и строгий централизм⁴. Как отметил В.Л. Соскин, центральный пункт «Положения» состоял в передаче полноты власти в вузах от Правлений, избранных профессорами, к Правлениям, назначенных Наркомпросом⁵. «Суть партийного руководства вузами состояла в овладении основными сторонами их жизни – от решения организационных и хозяйственных вопросов до идеологической работы, и до вмешательства в

¹Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. С. 120.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 1.

³Сафразьян Н.Л. Из истории Московского университета... С. 92.

⁴Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 22.

⁵Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.). С. 291.

процесс самого обучения. Шаг за шагом формировалась централизованная система неформального управления» – сделал заключение В.Л. Соскин¹.

В 1922 г. Главпрофобр принял решение организовать регулярные совещания ректоров вузов, созывая их ежемесячно для предварительного обсуждения общих вопросов, касающихся всех вузов и по мере надобности в составе представителей учебных заведений определенных специальностей². В.П. Волгин был председателем этих совещаний³. На них обсуждались текущие вопросы и перспективы развития высшей школы в целом и отдельных вузов в частности. В.П. Волгин был убежден, что совместная работа профессуры и Главпрофобра в деле урегулирования жизни высшей школы крайне важна⁴. Ректорские совещания использовались государством для осуществления контроля за деятельностью руководства вузов, давали возможность внимательно следить за настроениями в профессорской среде. На совещаниях ректоры получали необходимую методическую литературу, регламентирующую документацию, политические установки⁵.

3 июля 1922 г. было издано новое «Положение о Высших Учебных Заведениях РСФСР», утвержденное Совнаркомом. Усиливалось значение деканата, учрежденного вместо президиума факультета. За предметными комиссиями были оставлены только две функции: детальная разработка программ и методов преподавания, обсуждение результатов их применения; предложение кандидатов на вакантные должности профессоров, преподавателей и научных сотрудников, а также отзывы о них. Были расширены права студенческих организаций-профсекций (контроль за рациональным использованием денежных средств и материальных ресурсов вузов)⁶. В 1922 г. было введено платное обучение. Оплата взималась в основном с представителей

¹ Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.). С. 294

² ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 529. Л. 9.

³ См.: ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 529.

⁴ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 529. Л. 9.

⁵ Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 24.

⁶ Ронина Г.С. Из истории МГУ (1922–1925 годы) // Из истории Московского университета. 1917–1941. Сб. ст. М., 1955. С. 131.

обеспеченных слоев населения «с твердой гарантией льготных условий платности, а также бесплатности для менее обеспеченных слоев трудящихся и инвалидов войны»¹. В.П. Волгин на совещании ректоров по вопросам высшей школы при Главпрофобре в связи с этим отметил, что проблема введения платы за обучение в вузах была поднята в самый тяжелый период, переживаемый высшей школой².

Во время ректорства В.П. Волгина университет состоял из следующих факультетов: физико-математического, медицинского, ФОНа и рабочего факультета. Как вспоминал В.В. Стратонов, своим ближайшим помощником и заместителем В.П. Волгин сделал профессора А.В. Кубицкого, который «стал проявлять свойственную только ренегатам озлобленность и против профессуры вообще и против прежнего университетского строя. Совмещая несколько должностей, В.П. Волгин бывал в университете не часто. На ректорское кресло сел Кубицкий и цепко держал все в руках, распоряжаясь “за ректора”»³. В то время это было обычным явлением, все управленцы-марксисты совмещали несколько должностей. Так, В.П. Волгин в этот период был членом ГУСа; председателем Совета по делам высшей школы Наркомпроса; председателем ректорских совещаний; руководителем комиссии по образованию Белорусского университета; членом президиума Коммунистической академии; заместителем директора Гуманитарного педагогического института при Наркомпросе; членом коллегии и заместителем председателя Главпрофобра; профессором, руководителем семинаров по истории социализма ИКП; действительным членом и заместителем директора ИИ РАНИОН⁴. Поэтому не удивительно, что он часто пропускал заседания и занятия из-за сильной перегруженности. Однако параллельная работа в Наркомпросе в то же время дала ему возможность наблюдать и понимать сущность, масштабы и ход реформы университета. В.П. Волгин имел возможность участвовать в

¹ Народное просвещение. № 2. 1923. С. 31.

² ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 529. Л. 5.

³ Стратонов В. Потеря Московским университетом свободы. С. 195.

⁴ Ученые Московского университета – действительные члены и члены-корреспонденты Российской Академии наук (1755–2004). Биографический словарь. М., 2004. С. 95.

этом процессе на всех уровнях: от обсуждения проектов в различных органах Наркомпроса до реализации постановлений через Правление университета.

Какие же цели ставило Советское государство перед новым ректором? Как писал А.З. Манфред, «В.П. Волгину надо было решать трудную и важную задачу: привлекая на сторону советской власти ценные старые научные кадры, давая отпор тогда еще далеко не сломленным реакционным силам, выдвигая новое пополнение из советской молодежи, опираясь на пришедшее с фронтов гражданской войны, из рабфаков пролетарское студенчество, осуществить полную перестройку бывшего императорского университета, создать на его месте новое, советское высшее учебное заведение»¹. По сути, к моменту вступления В.П. Волгина в должность основные задачи в области высшего образования и методы их достижения уже были выработаны на партийном совещании по вопросам высшего образования (31.12.1920–04.01.1921 гг.). Повторим основные его решения:

- 1) Советизация, или политическое завоевание высшей школы;
- 2) Пролетаризация вузов;
- 3) Ограничение влияния «старой» профессуры;
- 3) Быстрое создание нового, идеологически подкованного кадрового состава;
- 4) Практицизм в подготовке специалистов².

Советизация означала установление над вузами полного контроля со стороны новой государственной власти³. Деятельность Правления университета охватывала все отрасли университетского управления по научно-учебной и административно-хозяйственной части. В первую очередь новое Правление во главе с В.П. Волгиным должно было ввести в жизнь «Положение о высших учебных заведениях». На заседании 28 января 1922 г. Правление приступило к обсуждению вопроса о реорганизации университетских органов управления и, в первую очередь, организации

¹Манфред А.З. К восьмидесятилетию... С. 120–121.

²См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л., 1929. С. 97–98.

³Ильченко Е.В. Академик И.Г. Петровский... С. 55.

предметных комиссий, Советов и президиумов факультетов. Также был организован ряд комиссий: административно-хозяйственная, финансовая и комиссия по студенческим делам¹.

Необходимо отметить, что во время ректорства В.П. Волгина материальное положение I МГУ было катастрофическим. Для разрешения этой проблемы Правление организовало ряд мероприятий: было решено разработать проект о введении платы с клинических больных (что и было сделано с 17 августа 1922 г.); ввести квартирную плату со служащих, пользующихся квартирами в зданиях университета; ходатайствовать перед Моссоветом о снятии с университета расходов по оплате коммунальных услуг и проч.² Но эти меры помогали лишь частично. Правлению удавалось хоть как-то поддерживать университет лишь благодаря огромной помощи, которую ему оказывали некоторые государственные учреждения. Так, Моссовет регулярно слагал накопившиеся за университетом недоимки, освобождая его в то же время от платежей за водоснабжение. I МГУ получил значительную помощь в 1923 г. от Государственного Банка, принявшего на себя шефство и предоставившего дотацию в размере 65 000 р.³ Наладить ситуацию с финансами удалось лишь к 1925/26 уч. г., когда бюджет университета с учетом поправочного коэффициента на валюту, достиг уровня 1913 г.⁴

Любая задержка в открытии кредита угрожала полной невозможностью дальнейшего функционирования I МГУ, исключалась возможность удовлетворения ряда насущных потребностей⁵. Большинству университетских зданий угрожало частичное разрушение, пришли в негодность водопроводная и канализационная сети, отопительная и осветительная системы⁶. Правление во главе с В.П. Волгиным в 1921–1925 гг. безуспешно пыталось наладить проведение хотя бы минимального количества ремонтных работ,

¹Отчет 1922 г. С. 4.

²Там же. С. 5.

³Отчет 1925–1926 г. С. 4.

⁴Там же.

⁵См.: ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 427.

⁶Отчет 1925–1926 г. С. 8.

улучшить состояние студенческих общежитий и отреставрировать разрушающийся фасад старого здания¹.

Пролетаризация означала открытие вузов для представителей беднейших слоев населения, всех тех, кто в условиях самодержавия был по имущественным, сословным, религиозным и прочим причинам законодательно или фактически лишен возможности учиться в высшей школе². Д.А. Андреев в своей диссертации отметил, что впервые термин «пролетаризация» высшей школы как обозначение целенаправленной политики большевиков появляется как раз в 1921 г.³ В общих чертах она была завершена к 1924 г. Так, в приеме 1924 г. выходцы из рабочих и крестьян составляли уже 70 % всех принятых⁴. Но в то же время В.П. Волгин старался упорядочить процесс приема: вновь ввел проверочные испытания для абитуриентов в объеме программ соответствующих отделений рабфаков, чтобы тем самым пресечь массовые отчисления студентов за неуспеваемость⁵. Ректор также настоял на том, чтобы с 1922/23 уч. г. в основу приема был положен точный расчет количества студентов, которые могли бы учиться на каждом конкретном факультете⁶. В том же году по инициативе В.П. Волгина ввели проверочные испытания (зачеты) и установили процедуру защиты дипломов для студентов, оканчивающих университет⁷.

Проблема «перевоспитания» дореволюционной профессуры представляла в то время наибольшую сложность. Для обеспечения успешной подготовки новых специалистов необходимо было оградить студентов от воздействия идеологии и мировоззрения «старых» педагогических кадров⁸. В.П. Волгин отмечал, что «рассчитывать на то, что марксистская мысль про-

¹См.: Отчеты за 1921–1926 гг.

²Ильченко Е.В. Академик И.Г. Петровский... С. 55.

³Андреев Д.А. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг.: дисс. кандидата исторических наук. СПб., 2007. С. 24.

⁴История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 102.

⁵ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 6; см. также Оп. 6. Ед. хр. 20. Л. 30.

⁶См.: ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 16.

⁷ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 35. Л. 6.

⁸Галин С.А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917–1925). М., 1990. С. 67.

никнет в высшую школу эволюционным путем не приходилось... революционное обновление кадров преподавательского состава было исторической необходимостью»¹. В.И. Ленин всегда подчеркивал, что важным во всякой школе является идейно-политическое направление преподавания, а направление преподавания определяется исключительно составом преподавателей. В этот период с особой остротой встала необходимость подготовки преподавателей для вузов, владеющих марксистско-ленинской методологией. Только при этих условиях можно было обеспечить выполнение задач, поставленных новым уставом.

ХII-я Всероссийская конференция РКП(б) (4–7 августа 1922 г.) указывала на огромную опасность, заключающуюся в том, что антисоветские партии и течения систематически пытаются превратить «кафедру высших учебных заведений – в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды...»².

В резолюции по вопросам пропаганды, печати и агитации ХII-го съезда партии, который проходил годом позднее (17–25 апреля 1923 г.) отмечалось, что «работа среди учащейся молодежи должна быть выдвинута на первый план и признана одной из важнейших задач в области партийного и массового просвещения»³. Было признано необходимым усилить влияние партии на руководящие органы вузов, укрепить студенческие организации, развить политико-просветительную работу среди пролетарского студенчества, вовлечь студенчество в обслуживание текущей работы партии и профсоюзов. Еще раз подчеркивался тезис о противодействии влиянию на учащуюся молодежь со стороны буржуазной и ревизионистски настроенной профессуры»⁴.

1922 г. считался переломным в борьбе с оппозиционной профессурой⁵. Хотя В.И. Ленин и неоднократно указывал на необходимость умелого

¹Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 22.

²КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. Изд. 7-е. М., 1953. С. 671.

³Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 710.

⁴Там же.

⁵См.: Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе... С. 23–25.

использования старых кадров специалистов, говорил о чутком и внимательном отношении к ним, доказывая невозможность построения социализма без использования прежней культуры, интеллигенции, которые своими знаниями и работой могут быть полезны социалистическому строительству, но не стеснялся использовать по отношению к ним репрессивные методы.

Чертой, положившей конец полюбовному сосуществованию советской власти с оппозиционной профессурой явилась забастовка в ИМГУ 1922 г. В январе руководством физико-математического факультета было проведено общее собрание факультета, на котором приняли резолюцию о прекращении занятий. В.П. Волгин так выразил свое отношение к этому событию: «Я хорошо помню собрание, посвященное объявлению забастовки в И Московском университете, – я имел сомнительное счастье в этот период состоять ректором»¹.

Причину забастовки декан физико-математического факультета В.В. Стратонов объяснял тем, что профессорско-преподавательский состав более не мог вести преподавание, поскольку крайней нуждой и жизнью впроголодь доведен был до жалкого существования: «Среднее содержание профессора составляет ныне около двадцати пяти рублей в месяц»². Причем он подчеркнул, что в «забастовке политический момент исключен»³. А.В. Квакин приводит интересное сопоставление зарплаты профессуры с ценами на товары первой необходимости. «Работники вузов и научных учреждений – профессора, преподаватели и технические служащие – стоят по своей заработной плате на самом последнем месте: они получают, исходя из 6 р. 15 к. по первому тарифному разряду, что по 17-му разряду по 5-разрядной сетке составляет 30 р. 75 к.», что не выносило даже 10% довоенного оклада. В 1924 г. месячная зарплата профессора за шесть обязательных академических часов в неделю не превышала 30 рублей, в 1925 г. она повы-

¹ Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 25.

² Московский университет 1755–1930. С. 221.

³ Там же.

силась до 80 рублей¹. Для сравнения А.В. Квакин приводит розничные цены по данным газеты «Экономическая жизнь» за 9 мая 1924 г. (за фунт, т.е. 0,41 кг.): ржаной кислый хлеб – 4,5–6 коп., масло подсолнечное – 23 коп., картофель – 6 коп., сельди астраханские – 25 коп., сахар – 27 коп., сливочное масло – 75 коп., молоко – 24 коп. за литр, яйца – 33 коп. за десяток. Если подсчитать, то становится очевидным, что семьи интеллигенции в 20-е гг. владели нищенское существование².

Ректор В.П. Волгин убеждал «обратиться с ходатайством по начальству», а не устраивать забастовку. Правление во главе с В.П. Волгиным приняло ряд мер к улучшению материального положения профессорско-преподавательского состава университета, а именно: «возбудило ходатайство а) об увеличении количества тарифных единиц и о повышении их квалификации, б) об изменении порядка исчисления хозяйственных расходов, в) поручило президиумам факультетов представить соображения о материальных нуждах факультетов»³. Вскоре правительство резко повысило профессорскую зарплату. Однако спустя полгода инициаторы выступления были арестованы и заключены в тюрьму ГПУ на Лубянке. Все они обвинялись в контрреволюционной деятельности⁴. В.П. Волгин считал, что хотя забастовка и имела материальную основу, но «чрезвычайно характерно, что тяжелое материальное положение привело к подобному эксцессу в 1922 г., а не в 1919 и 1920, когда положение было отнюдь не лучше»⁵. Он рассматривал это событие «как результат общих, сложившихся за ряд лет, взаимоотношений между советской властью и научными работниками, с одной стороны, но, с другой стороны, также как своеобразную реакцию мира научных работников на откровенное провозглашение принципа классового подбора учащихся и революционного обнов-

¹Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа. 1921–1927. Саратов, 1991. С. 88.

²Там же. С. 89.

³Отчет 1922 г. С. 4.

⁴ЦМАМ. Ф. 1609. Оп. 4. Ед. хр. 2а. Л. 7.

⁵Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 23.

ления преподавательских кадров»¹. Профессура считала, что высшая школа должна быть аполитичной и внеклассовой, а, следовательно, и прием в высшую школу должен быть внеклассовым. В.П. Волгин полагал, что такие умозаключения утопичны: «в классовом обществе – а наше общество <...> несмотря на победу пролетариата, еще классовое общество, – в классовом обществе немислим внеклассовый подбор учащихся. Представим себе на мгновение, что мы отказались от наших принципов классового приема, прием в высшую школу будет все равно классовый, но только классовый с другой окраской. Это совершенно ясно: если бы мы отменили систему рабфаков, систему преимуществ для рабочих и крестьян, неизбежно при приеме получился бы другой классовый подбор – основные кадры вербовались бы не из рядов пролетариата и крестьянства, а из рядов нэпманов и кулачества. Рабочие и крестьяне попадали бы в высшую школу лишь в виде исключения. Это было бы совершенно неизбежно в силу разных условий существования и подготовки детей интеллигенции и детей рабочих»².

Необходимо отметить, что у В.П. Волгина не было открытой неприязни к «старой» профессуре, он требовал выяснения обстоятельств арестов своих коллег в 1922 г. и просил Наркомпрос оказать содействие в освобождении, ибо отсутствие преподавателей в университете в середине учебного процесса могло весьма неблагоприятно отразиться на ходе университетского преподавания³. 31 августа 1922 г. на это отношение последовала телефонограмма, согласно которой следовало, что «арестованным вменяется в вину то, что за 5 лет существования Советской власти они не примирились с Советским режимом и продолжали контрреволюционную деятельность даже в момент внешней опасности. Всем обвиняемым в вышеуказанном предложено выехать за границу и все, давшие в этом подписку, уже освобождены. Не желавшие выехать за границу на собственный счет, будут высланы туда в бли-

¹ Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 23.

² Там же.

³ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 4. Ед. хр. 2а. Л. 1–1 об.

жайшее время за счет ГПУ»¹. Судя по всему для В.П. Волгина это было неожиданностью, смысла в подобных действиях он не видел². Ректор послал ходатайство заместителю председателя Совнаркома Л.Б. Каменеву (11 декабря 1922 г.), в котором просил отменить высылку профессора Н.П. Огановского за границу: «проф. Огановский ведет в Унивеситете ряд основных курсов и, являясь в настоящее время вполне лояльным по отношению к Советской власти, выполняет ряд ответственных поручений и в других Советских организациях»³. Просьба, кстати, возымела действие: коллегия ГПУ сперва постановила выслать Н.П. Огановского за границу на три года, но по ходатайству I МГУ и Наркомзема он был освобождён.

«В общем, – с оптимизмом заключает В.П. Волгин, – начиная с 1922 г., между советской властью и миром научных работников идет непрерывный процесс сближений, установления взаимного понимания, установления контакта в практической повседневной работе»⁴. Он верил, что организация профессорско-преподавательского состава в секцию научных работников⁵, а тем самым автоматическое включение в ячейки советской общественности, положительно повлияет на смену их мировоззрения: «Научные работники в этой товарищеской среде профессионального движения, несомненно, перерабатывают незаметно для самих себя свою идеологию, и будущая исто-

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 4. Ед. хр. 2а. Л. 7.

²См., напр.: ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 4. Ед. хр. 2а. Л. 9–9 об.

³ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 4. Ед. хр. 2 а. Л. 15.

⁴Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 24.

⁵В.П. Волгин руководил в качестве заместителя председателя первым профсоюзным объединением научных работников – Секцией научных работников. Она стала складываться на местах в начале 1923 г. I всесоюзный съезд научных работников прошел в ноябре 1923 г. С 1923 по 1925 гг. В.П. Волгин – член Центрального бюро Секции, затем председатель Совета. Свою работу в профсоюзе он рассматривал как средство привлечения старой профессуры на сторону советской власти, в том числе и через материальные интересы (за селедочный паек). Секция научных работников устраивала диспуты, (например, «Культурная революция и научные работники» и др.), обследовала научно-исследовательские педагогические институты, в тесном контакте с Центральной комиссией по улучшению быта ученых (Цекубу) рассматривала вопросы жилищного строительства для научных работников в Москве, вопросы о льготах для детей научных работников при поступлении в вузы, о присвоении званий заслуженных деятелей науки и т.д. (Гладышев А.В. Историк-руководящий: В. П. Волгин. С. 145).

рия деятельности союза работников просвещения, конечно, оценит работу в этом направлении весьма высоко»¹.

Однако деятельность, направленная на ограничение влияния «старой» профессуры еще какое-то время продолжалась. Например, в декабре 1922 г. ЦК обращается с письмом «О работе парторганизаций в вузах и рабфаках», в котором говорилось: «Значение высшей школы на боевом в настоящее время культурном фронте огромно. Ее задача дать стране в кратчайшее время красных специалистов по всем отраслям государственного строительства. Собрать в высшей школе кадры пролетарского и коммунистического студенчества, партия ныне должна сделать следующий шаг в деле завоевания высшей школы, в которой до сих пор господствует еще буржуазный ученый и буржуазная идеология, нередко переходящая даже к прямому наступлению на основы марксистского научного мировоззрения. Партия должна пропитать своим идейным влиянием работу школы. Только разрешение этой задачи устраняет вполне реальную угрозу того, что пролетарский элемент студенчества будет подвергнут буржуазной обработке»². Работа в этом направлении велась не только на ФОНах. В 1921 г. при непосредственном участии В.П. Волгина был создан Институт красной профессуры (далее – ИКП). Его руководителем стал М.Н. Покровский. По уставу целью ИКП была подготовка преподавателей основных общественных дисциплин. В институте было создано три отделения: экономическое, философское, историческое с секциями русской и всеобщей истории. 3 октября 1921 г. в ИКП начались занятия. В.П. Волгин вел семинары по истории социалистических идей. Основное внимание в учебной программе ИКП уделялось изучению основ марксизма, политэкономии, исторического материализма, истории народного хозяйства, истории социализма³.

¹ Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 24.

² Ученые записки МГУ. 1940. Выпуск 51. С. 84.

³ Алексеева Г.Д. Создание центров советской исторической науки и их деятельность в 1918–1923 гг. // История и историки. М., 1965. С. 114.

В 1922–1929 гг. В.П. Волгин был действительным членом Института истории РАНИОН. РАНИОН в составе 12 научно-исследовательских институтов, объединившая до тысячи научных работников, стал одним из основных центров по подготовке новых научных работников. Институты РАНИОН также вели самостоятельную научно-исследовательскую работу и популяризировали научные знания в области общественных наук¹.

Учреждение подобных организаций было необходимо для того, чтобы не оставлять подготовку преподавателей общественных наук в руках буржуазных профессоров. Подготовка специалистов в области общественных наук была в первые годы после революции весьма важной проблемой, от решения которой зависела постановка идеологического воспитания во многих сферах народного просвещения². Однако в 1924 г. работа в этом направлении была признана неудовлетворительной. 16 мая 1924 г. вышло постановление Совнаркома «О сокращении наличного количества учащихся в вузах», в соответствии с которым развернулась работа по массовой очистке от «классово-чуждых и враждебных элементов» и «мертвых душ»³. Многие студенты были исключены за академическую неуспеваемость и по политическим мотивам⁴. Изучив итоги, Совнарком и ЦК партии пришли к выводу, что успеваемость помимо объективных причин вызвана «недостатками в преподавании, слабой политико-воспитательной работой коммунистических ячеек, нехваткой преподавателей-марксистов»⁵.

В начале января 1925 г. была создана специальная комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) во главе с секретарем ЦК партии А.А. Андреевым с целью анализа ситуации, сложившейся в высшей школе, и выработки основных направлений дальнейшего развития системы высшего образования в стране. На основе работы комиссии вышло постановление «Об общественном минимуме и пропаганде ленинизма в вузах», по которому в крупнейших вузах стали со-

¹ Вячеслав Петрович Волгин. Серия истории. Вып. 4. С. 10.

² Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. С. 192.

³ Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 23.

⁴ См.: ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 113–114.

⁵ Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. С. 34.

здаваться самостоятельные кафедры истории РКП(б) и проблем ленинизма. Таким образом партия усиливала влияние на студенческую молодежь в процессе обучения, формировались совершенно новые учебные дисциплины, носившие идеологический характер¹.

12 января 1925 г. вышли постановления Оргбюро «О партийной работе в вузах», «О структуре, взаимоотношениях и задачах студенческих организаций», «О ближайших задачах в деле установления связи вузов с производством», которые были разработаны и подготовлены вузовской комиссией. В то время считалось, что без систематического изучения марксизма-ленинизма, без усиленной работы над повышением теоретического уровня и политического кругозора студенчества нельзя организовать студенческие массы вокруг выполнения тех политическо-хозяйственных задач, которые ставила партия². Лозунгом тех лет стало: «Наука – на службу пролетариату». Как отметил В.Л. Соскин, расшифровывался этот лозунг следующим образом: «для общественных наук – служение коммунистической идеологии, для наук естественных и технических – подчинение критериям “полезности” или “необходимости”». В том и другом случае наука рассматривалась не как самоценность, не как способ реализации человеческой сущности, а лишь как средство достижения конкретных и вполне осязаемых целей»³.

Таким образом, основа воспитания заключалась в выработке у студентов большевистского мировоззрения. Поэтому марксизм и ленинизм должны были пропитать всю систему подготовки новых специалистов⁴. Лекции и семинары В.П. Волгина как раз и были на это направлены. Причем его семинары по истории социализма пользовались такой большой популярностью у студентов, что деканат ФОНа в 1921 г. попросил В.П. Волгина увеличить

¹Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 26.

²Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе... С. 78.

³Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.). С. 281.

⁴Там же. С. 65.

число его участников до 50 «ввиду большого количества лиц, желающих участвовать в работах семинария»¹.

Как административного работника, В.П. Волгина прекрасно оценивает краткая характеристика, написанная на него Центральным Комитетом Работников Просвещения и Искусств 3 декабря 1921 г.: «Знаток по вопросам Высшей школы. Хороший администратор»². По воспоминаниям современников, стиль его административной работы отличался широкой масштабностью, умением находить и поддерживать главное в работе разного рода учреждений. В.П. Волгин отрицательно относился ко всякому формализму, к зазнайству, ко всему показному как чуждому подлинной науке. На всех своих должностях он демонстрировал силу воли и упорство, не позволяя невежеству и бескультурью (часто поддерживаемому некоторыми руководителями Наркомпроса из числа «левых коммунистов»), а также излишнему «старанию» и перегибам, брать верх при решении ряда принципиальных вопросов. Например, он настоял на том, чтобы во фронтоне реставрируемого главного корпуса университета сохранилось «тимпанное лепное украшение в виде орла». Это «украшение» было гербом дома Романовых, однако В.П. Волгин считал, что его необходимо сохранить (конечно же без корон) прежде всего как типичную и характерную принадлежность стиля эпохи начала XIX в. и как редкое художественное произведение большого русского мастера, знаменитого Д.И. Жилярди³.

В 1922 г. он отстаивал помещенные в вестибюле Фундаментальной библиотеки университета доски с именами лиц, внесших средства на постройку библиотеки или пожертвовавших в нее свои книжные коллекции. Вячеслав Петрович указал, что в списке жертвователей значатся профессора университета, обладающие существенными научными заслугами и

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед.хр. 24. Л. 56.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 407. Л. 6.

³ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 448. Л. 99.

передавшими университетской библиотеке свои «тщательно подобранные книжные собрания»¹.

В.П. Волгин как ректор I МГУ был в числе тех, кто открывал после революции памятники в Москве: А.И. Герцену и Н.П. Огареву во дворе университета (1922 г., архитектор – Н.А. Андреев), К.А. Тимирязеву на Никитском бульваре (1923 г., архитектор – С.Д. Меркуров)².

М.В. Нечкина отмечала, что в характере Вячеслава Петровича не было приспособленчества, в нем соединялась подлинная принципиальность с глубокой человечностью. Он ненавидел конъюнктурщиков, далеко не был «добряком», мягкотелым, был даже «холодноватым» но вовсе не экспансивным³. А.З. Манфред вспоминал, что Вячеслав Петрович был взыскательным, строгим и скупым на похвалу⁴. Внешне он всегда вел себя сдержанно, «порою могло даже показаться, что он холоден или строг». Однако «за этой внешней сдержанностью скрывалось очень внимательное отношение к людям», Вячеслав Петрович был озабочен не только успешным выполнением намеченных задач, но и личными судьбами своих коллег и учеников, их научной судьбой⁵. Например, в ЦАГМ сохранился протокол заседания президиума ФОНа (март 1920 г.), на котором В.П. Волгин предложил увеличить количество профессоров, пользующихся пайком, установленным для профессоров вузов⁶.

Студенты, окончившие университет в 1920-е гг. положительно оценивали результаты полученного образования. Безусловно, необходимо помнить о том, что детство и юность всегда вспоминаются, как лучшее время жизни, но нельзя не учитывать и повсеместно отмечающийся позитивный настрой большей части молодежи тех лет. Это было время новых возможностей и новых свершений, недоступных ранее большей части населения страны. Вот,

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 446. Л. 38.

²*Мадор Ю.П.* Материалы к биографии В.П. Волгина. С. 31.

³Французский ежегодник. 1962. С. 488.

⁴*Манфред А.З.* К восьмидесятилетию... С. 126.

⁵Французский ежегодник. 1962. С. 492.

⁶ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 13. Л. 8.

как писал об этом Д.Т. Шепилов: «Я принадлежал к тому поколению революционной молодежи, вышедшей из недр рабочего класса, которое получило затем в нашей литературе наименование “комсомольцев двадцатого года”. Мы жили, работали и учились в героической атмосфере гражданской войны... Учась в Московском университете, зарабатывали себе пропитание тяжелым физическим трудом... Но это была интересная идейно насыщенная жизнь. Фанатично верили в скорую победу мировой революции. С жадностью штудировали работы Маркса, Энгельса, Ленина, Гегеля, Плеханова... Бегали на лекции...»¹. И далее: «В условиях большой нужды, хронического недоедания, тяжелого физического труда, интенсивной учебной работы мы были от головы до пят пропитаны революционной романтикой. Мы влюблялись, пели, в каникулы исхаживали пешком сотни километров где-нибудь в Крыму, на Кавказе или в Средней Азии и были бесконечно счастливы. После окончания вузов мы по доброй воле, без всякого принуждения, ехали на практическую работу в самую глушь: там трудней, интереснее, там мы всего нужней. Одержимый именно такими побуждениями я с дипломом МГУ уехал на работу в Якутию: ведь туда только добираться больше 30-ти дней, к тому же часть пути – на оленях и собаках, ведь это же “белоснежная усыпальница” – место ссылки декабристов, народовольцев, большевиков – как это интересно!»²

В середине 1920-х гг. итоги развития высшей школы в целом оценивали положительно: «7 лет революции – это тяжелые семь лет борьбы пролетариата и его студенчества за высшую школу. Эта борьба увенчалась победой. От полной разрухи, упадка, саботажа профессуры, антисоветских настроений старого студенчества и проч., мы перешли не только к строительству советского вуза, но и, ликвидировав старое наследие и идеологическое сопротивление буржуазии, являемся свидетелями тому, что вся масса уча-

¹Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 4.

²Там же. С. 5.

щейся молодежи вполне осознала советскую идею и стремится работать и стать полезными членами трудового коллектива»¹.

К 1925 г. назрела необходимость перемен в области управления университетом. Эту задачу призван был решить уже преемник В.П. Волгина. 15 мая 1925 г. он передал должность ректора I МГУ А.Я. Вышинскому². В политическом отношении годы ректорства В.П. Волгина были годами советизации и пролетаризации высшей школы, а также годами решительной борьбы власти с «реакционной профессурой, несогласной с этими преобразованиями. Как считает Е.В. Ильченко, А.Я. Вышинский сменил на посту ректора В.П. Волгина в тот момент, когда начала разворачиваться борьба с троцкистами. Для решительной схватки со сторонниками Л.Д. Троцкого во главе университета должен был стоять ректор, пользующийся особым доверием руководства партии. В.П. Волгин в то время таковым не являлся³.

Постепенно от метода управления университетом, сформулированным в первом советском уставе высшей школы, вынуждены были отказаться. Частая смена Правления отрицательно отражалась на работе аппарата; факультеты отказывались вовремя представлять планы работы, ссылаясь на пере выборы деканатов; предметные комиссии, имеющие в своем составе студентов, часто не справлялись с возложенными на них задачами; а участие студентов в управлении отнимало у них много времени, что отрицательно отражалось на качестве их учебы⁴.

Е.И. Демидова делает вывод, что советское государство и компартия в 1925–1926 гг. определились в основных качественно-политических характеристиках специалистов по окончании вуза. Стране нужны были «красные специалисты», которые в отличие от старых, мало разбирающихся, по мнению партии, в общественной жизни, должны были рассматривать все в обще-

¹Факультет общественных наук I-го МГУ. С. 244.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 902. Л. 24.

³Ильченко Е.В. Академик И.Г. Петровский... С. 61.

⁴См.: Маньковская И.Л. Московский университет в борьбе за создание кадров советской интеллигенции в годы первой пятилетки // Из истории Московского университета. 1917–1941. М., 1955. С. 225.

государственном масштабе, быть преданными только идеям большевизма, улучшать производство, поднимать культурный уровень страны. Это должны были быть специалисты в конкретной сфере производства, а не интеллектуальная элита общества вообще¹.

В 1925 г. были проведены совещания в Наркомпросе с заинтересованными ведомствами о перспективах подготовки специалистов с высшим образованием для нужд конкретных отраслей народного хозяйства. Было решено изменить задачи высшего образования в области гуманитарных наук. Национальным окраинам требовались квалифицированные специалисты, работники культуры, знакомые с бытом, историей, литературой и языком народов СССР. Для достижения этих задач в апреле 1925 г. был ликвидирован ФОН, а на его основе 1 мая 1925 г. сформированы два новых факультета: советского права (передача дел произведена на заседании деканата ФОНа 29 мая 1925 г.²) и этнологического с отделениями: историко-археологическим, этнографическим, литературным и изобразительного искусства (см. приложение № 1). Временно на 1925/26 уч. г. к этнологическому факультету присоединили последний третий курс общественно-педагогического отделения расформированного ФОНа.

Факультет советского права занимался подготовкой общественных работников с высшим юридическим образованием³. Выпускники этнологического факультета должны были отвечать двум критериям: быть деятелями культуры, всецело проникнутыми марксистским мирозерцанием; и «основательно знакомыми» с историей, бытом, культурными данными, литературой и языком той массы, среди которой им придется работать. Этими двумя требованиями и определялся учебный план нового факультета. Он включал в себя, с одной стороны, основательное изучение политической экономии, исторического материализма, истории классовой борьбы, истории РКП и ленинизма, государственного строя,

¹Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 34.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 116. Л. 27 об.

³ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 7. Ед. хр. 11, 88.

экономической и национальной политики СССР; с другой стороны – истории, этнографии, языка, фольклора, литературы и искусства, входящих в состав СССР национальных групп¹. Предполагалось, что выпускники этнологического факультета должны были пополнить ряды работников музеев, архивов, школ и институтов. В процессе обучения их готовили к археологическим изысканиям и культурной деятельности для национальных меньшинств, а также к разнообразной литературной работе (критики, редакторы, лекторы для массовых аудиторий и внешкольного просвещения)².

Деканом этнологического факультета с 23 апреля 1925 г. стал В.П. Волгин³, его заместителем – М.В. Сергиевский, представителем от студентов – Р.К. Лицит⁴.

В первый же год своего руководства факультетом Вячеслав Петрович обратил главное внимание на вопросы организационного характера. Ему вместе с деканатом предстояло детальнее разработать учебные планы (которые в мае 1926 г. получили окончательную санкцию ГУСа⁵), согласовать их с планами бывшего ФОНа для студентов старших курсов, распределить занятия между преподавательским составом, организовать семинары по новым и древним языкам, составить пятилетний план восстановления факультета по заданиям Главпрофобра и Правления. Также в круг полномочий деканата входило утверждение тем дипломных работ, организация испытаний, рассмотрение заявлений о переводах и восстановлении, регистрация выполнения студентами переходных требований и ряд других вопросов текущего характера⁶.

Деканат руководил деятельностью всех факультетских органов, с которыми у него была постоянная связь, благодаря присутствию на заседаниях

¹Обозрение преподавания этнологического факультета 1-го МГУ на 1925–26 акад. год. М., 1926. С. 5.

²Первый Московский государственный университет. С. 53.

³Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л/с. Ед. хр. 13. Л. 136.

⁴Обозрение преподавания этнологического факультета. 1925–26 акад. год. С. 7.

⁵Отчет. 1925–1926 г. С. 240.

⁶Там же.

деканата представителей от президиумов отделений, предметных комиссий и заведующих учебно-вспомогательными учреждениями¹.

В.П. Волгин в первую очередь решил обеспечить нормальный ход занятий и выполнение учебной работы, которая сильно тормозилась в 1925/26 уч. г. из-за недостатка в помещениях. Преподавателям приходилось проводить лекционные занятия в кабинетах учебно-вспомогательных учреждений, чем, естественно, нарушалась нормальная работа последних². Декан особенно упорно отстаивал права факультета на получение финансовых средств. Так, в июне 1925 г. он направил в Правление мотивированную просьбу о более внимательном подходе к нуждам нового факультета. В.П. Волгин обратил внимание на то, что при распределении сумм на оборудование, этнологический факультет был приравнен к факультету советского права. Между тем, факультет советского права имел ряд хорошо оборудованных еще до революции учебно-вспомогательных учреждений, пополнение которых продолжалось и в 20-е гг. Этнологический факультет же лишь по некоторым дисциплинам был обеспечен литературой, и то устаревшей, оставшейся от бывшего историко-филологического факультета. По дисциплинам же, связанным с новым и основным заданием факультета – подготовкой работников в области этнографии – литературы у факультета вовсе не имелось. Сверх того, и в области истории и языкознания никаких пополнений библиотека не имела с 1914 г. Поэтому В.П. Волгин подчеркивал, что распределение средств между факультетами должно быть пересмотрено³.

Как отметила Л.В. Иванова, в отличие от ФОНа вновь созданный факультет проводил более четкую и основательную специализацию историков⁴. Новым было и то, что срок обучения увеличили с 3 до 4 лет. В 1926/27 уч. г. на факультете открылись еще две специальности – философия

¹Отчет. 1925–1926 г. С. 242.

²Там же.

³ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 883. Л.18–18 об.

⁴Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. С. 37.

и славяноведение¹. Причем целью последнего была подготовка лиц, достаточно сведущих в языке, литературе, истории, культурной, экономической и политической жизни славян для обслуживания научных учреждений (музеев, библиотек, институтов истории). Выпускники этого цикла могли работать в качестве референтов по соответствующим странам, быть сотрудниками Комиссариатов иностранных дел и торговли².

Основным отделением факультета было этнографическое, которое распадалось на циклы славянских, тюркских, угро-финских, романо-германских, кавказских народностей и языков. Отделение готовило марксистов-этнографов для собирания и изучения живых особенностей быта и языков перечисленных групп национальностей. Наряду с ними выпускались также работники для археологических изысканий и архивных учреждений. Этой цели отвечало историко-археологическое отделение. Требовались также работники для учреждений, хранящих уже собранный материал и на его основе ведущих работу в массах (т.е. для разного рода музеев). В соответствии с содержанием находящегося в этих собраниях материала, подготовка происходила частью в отделении историко-археологическом, частью в отделении изо. Наконец, подготовка литературных работников, марксистов-историков литературы, марксистов-критиков, марксистов-руководителей литературных кружков была сосредоточена на литературном отделении факультета³.

В.П. Волгин был председателем историко-этнологической предметной комиссии (помимо нее на факультете еще были предметные комиссии по лингвистике, педагогике, литературе и искусству). Также он являлся в 1925/26 уч. г. председателем общественно-педагогического отделения расформированного ФОНа⁴.

Как пишет Т.Д. Соловей, в основе научно-педагогической деятельности этнологического факультета лежал особый

¹Кошман Л.В., Сахаров А.М. Московский университет в советское время. С. 49.

²Учебный план, программы и пособия. Этнологический факультет I МГУ. М., 1929. С. 4.

³Обозрение преподавания этнологического факультета. 1925–26 акад. год. С. 4–6.

⁴Там же. С. 7.

междисциплинарный подход. Основной его целью была подготовка уникальных специалистов, сочетающих узкую специализацию с широким гуманитарным кругозором. Это следовало из целевых установок факультета, в задачи которого входили, в частности: подготовка высококвалифицированных работников в области истории, археологии, этнографии, литературоведения и искусствоведения, а также подготовка практических работников – музейных сотрудников, редакторов издательств, литературных критиков, работников архивов, а также «специально подготовленных культурных и политпросветработников для национальных меньшинств»¹. Это отметил и А.В. Гордон. Он писал, что во второй половине 1920-х гг. стала заметна интеграция исторической науки в СССР на плюралистической основе, что нашло свое отражение в юбилейном сборнике статей историков-марксистов к 10-летию Октября. Так, очерк В.П. Волгина о новейшей литературе по новой истории Запада начинался с работ Н.И. Кареева, школа которого характеризовалась как «главный центр изучения истории Французской революции и предреволюционной Франции» в России, отмечался «ценный вклад» трехтомного историографического труда ученого о революции. Работы И.Л. Попова-Ленского и Я.М. Захера оценивались как «приближение к историческому материализму» учеников Н.И. Кареева. «Гораздо скуднее» виделся ему вклад в изучение революции «старой марксистской исторической школы» МГУ (т.е. с его самого и Н.М. Лукина)².

Дело подготовки профессиональных этнографов и этнологов было новаторским, а потому учебный план и программы этнографического отделения сложились не в одночасье – работа над их совершенствованием шла на протяжении всей истории факультета. Учебный план этнографического отделения, рассчитанный на 4 года, предусматривал в первые два года три основных направления подготовки: общегуманитарную,

¹ Соловей Т.Д. История отечественной этнологии 1917 – середина 1930-х гг. С. 92–93.

² Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 78–79.

историческую, специальную, предусматривавшую чтение лекционных курсов и постановку семинариев по общей этнографии, этнологии, этнографии СССР. С 3-го курса начиналось разделение студентов по секциям: восточнославянской, угро-финской, тюркской, романо-германской, кавказской. На 3-м и 4-м годах углубленно изучались этнография, язык, литература, фольклор избранного для специализации народа. Доля же общественно-политических дисциплин в учебном плане отделения была незначительной¹.

Выпускники этнологического факультета в основном шли работать в школы 2-й ступени или на рабфак. Причем распределение на ту или иную работу зависело от успеваемости. Так, слабые студенты распределялись в сельские школы 1-й ступени. Слабые выпускники историко-археологического отделения занимались музейной работой технического характера². Однако несмотря на все усилия успеваемость студентов была низкой. Из 60 человек, принятых в 1925 г. на 1 курс этнографического отделения, полностью выполнили программу и перешли в 1928 г. на 4-й курс лишь 18 (30%) слушателей. Вопрос о массовой неуспеваемости студентов постоянно присутствовал в повестках заседаний³.

В конечном же итоге, совершенно иные причины привели к расформированию факультета. Его обвиняли в отсутствии четких целевых профессиональных установок. Работники «культурного фронта», которых готовил факультет, не всегда имели конкретную специальность. Помимо этого не уделялось должного внимания подготовке педагогов, что также снижало прикладное значение этнологического факультета⁴.

Помимо нечеткости целевых установок, со стороны партийно-государственных структур большие нарекания вызывала «недостаточная марксистская ориентация» факультета. В условиях обострившейся политиза-

¹Соловей Т.Д. История отечественной этнологии 1917 – середина 1930-х гг. С. 94.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 1064. Л. 4.

³Там же. С. 96.

⁴Там же. С. 98–99.

ции науки судьба этнологического факультета с его плюралистическими теоретическими установками и преподавательским составом включавшим «буржуазных» профессоров, была predetermined. Можно сказать, что этнологический факультет получился обратный ФОНу: студенты-фоновцы были идеологически натасканы и могли проповедовать марксизм, а студенты-этнологи, судя по всему, были более подготовлены в научном плане, но широко агитировать не умели.

Опыт этнологического факультета в сталинский период оценивался негативно: на его деятельности лежала печать «школы Покровского». Как отмечалось в университетском издании 1940-го г., «систематическое преподавание гражданской истории подменялось ознакомлением с отдельными сторонами культуры и быта народов, чтением случайных, несвязанных между собой курсов по отдельным историческим проблемам, с уклоном в сторону обществоведения. В дальнейшем жизнь показала, что факультет готовил кадры, не находившие себе применения»¹.

Накануне апрельского 1928 г. пленума ЦК ВКП(б) руководство ВСНХ предложило обсудить вопрос об изменении руководства подготовкой специалистов в стране. Но большинство участников пленума высказались против данного предложения. Причем, как отметила Е.И. Демидова, в подавляющем большинстве это были руководители Наркомпроса и ГУСа, т.е. специалисты в области образования, которые боролись за сохранение созданной в начале 1920-х гг. системы. Преследовали они не узко ведомственные цели, а, по их мнению, интересы государственной системы высшего образования, стремясь сохранить традиции советской высшей школы².

В целом 10 лет преобразований советской высшей школы Е.И. Демидова оценивает положительно:

1) удалось «завоевать» высшую школу;

¹Ученые записки МГУ. Вып. 51. 1940. С. 84–85.

²Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 47–48.

2) решить проблему ее «пролетаризации» (хотя о пролетаризации высшей школы как основной задаче партийной политики говорилось на всех партийных съездах. Состояние проблемы вначале оценивалось как «неудовлетворительное», отметка «удовлетворительно» была поставлена лишь после июльского пленума ЦК в 1928 г.¹);

3) создать качественно новую систему управления².

Но в то же время промышленность и народное хозяйство все сильнее испытывали недостаток специалистов – новая экономика требовала образованных инженеров, технологов и техников³. Партия сделала вывод, что существующая сеть вузов и университетов уже не может обеспечить выполнение всех планов экономического и культурного строительства, поэтому было решено продолжить реформирование высшего образования⁴.

В мае 1929 г. на очередном ректорском совещании в Москве приняли решение о необходимости коренного пересмотра управления вузами. Партия требовала ускорить подготовку специалистов. Летом 1929 г. при Наркомпросе была создана комиссия по подготовке нового положения. Главная задача нового проекта – ввести единоначалие в вузах с целью добиться четкости в руководстве и персональной ответственности за выполнение решений партии и государства⁵.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) в 1929 г. по докладу Л.М. Кагановича констатировал, что «подготовка новых специалистов еще не превратилась в важнейшую задачу всей партии», а темпы подготовки кадров не идут «ни в какое сравнение с темпами индустриализации страны и переустройства сельского хозяйства»⁶. На пленуме была четко определена главная задача высшего образования – привести в соответствие «размах подготовки кадров

¹Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.). С. 294.

²Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 49.

³Там же. С. 53.

⁴Там же. С. 50.

⁵Там же. С. 76.

⁶Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе. С. 11.

размаху социалистического строительства»¹. Дал он ответ и на вопрос о том, какого специалиста должны готовить вузы страны. Это должен был быть преданный делу строительства социализма, безоговорочно поддерживающий политику партии, но при этом и обладающий конкретными специальными знаниями, выпускник вуза². Решения партии в ноябре 1929 г. имели принципиальный характер для дальнейшего развития всей системы высшего образования страны. Было подтверждено, что политика перестройки управления высшей школой будет продолжаться, а роль хозяйственных ведомств и отраслевых наркоматов в этом процессе расширится³.

С 1929 г. усилились давление и нападки на университеты. Считалось, что университет является анахронизмом и ему в современных условиях увеличения роли техники в жизни общества, сближения учебного процесса с производством трудно найти место в системе высшего образования страны⁴. Утверждалось, что сложившаяся структура университета не соответствует требованиям и задачам социалистической реконструкции страны, является «чересчур громоздкой, разношерстной, с малой подвижностью, тормозящей приспособление его отдельных факультетов и отделений к требованиям народного хозяйства, замедляющей темп подготовки нужных для страны кадров квалифицированных специалистов»⁵. 2 ноября 1929 года Правление I МГУ обсуждало план пятилетнего развертывания работы университета. При его составлении было решено исходить из необходимости коренного преобразования I МГУ с развертыванием на базе нового здания университета гуманитарных, а на базе старого – физико-математических факультетов⁶.

25 декабря 1929 г. постановлениями июльского и ноябрьского Пленумов ЦК партии о подготовке кадров, перед университетом поставили задачу уточнить целевые установки своих факультетов и отделений, установить со

¹ Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 81.

² Там же. С. 81–82.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 1339. Л. 40.

⁶ Там же. Л. 19.

всей точностью какого рода специалистов готовит университет для все более развертывающегося социалистического строительства, проверить в свете этой задачи существующую структуру университета¹.

Реорганизация I МГУ началась с 1 января 1930 г. Была создана специальная правительственная комиссия во главе с О.Ю. Шмидтом. В начале ее работы предложили расформировать университет в отдельные институты, самостоятельные во всех отношениях (в административно-хозяйственном и финансовом), а подчинялись бы они непосредственно тому Наркомату, в ведение которого будут переданы².

В январе 1930 г. были упразднены коллегиальные органы управления в университетах (Правления и деканаты), ликвидировались кафедры. В этот период государство практически поддержало революционный энтузиазм некоторых деятелей высшей школы и студенчества по фактическому преобразованию университетов как исторически сложившихся, классических высших учебных заведений. Политбюро поручило Совнаркому в течение марта 1930 г. рассмотреть и утвердить окончательный вариант реорганизации системы высшего образования страны. Принятие данного решения на уровне Политбюро говорило о том значении, какое имел вопрос о кадрах новых специалистов для партии³.

Что касается этнологического факультета, деканом которого в течение периода его существования был В.П. Волгин, то в 1929/30 уч. г. он был преобразован в историко-этнологический с отделениями: историко-философским, этнографическим, теории и истории литературы, теории и истории искусств (см. приложение № 3). В 1930 г. историко-этнологический факультет разделился на факультеты литературы и искусства и историко-филологический⁴. Однако в связи с реорганизацией структуры университетов в стране в 1931 г. факультет вскоре был выведен из университета и превра-

¹ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 1339. Л. 40.

²ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 1445. Л. 34.

³Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 94.

⁴Соловей Т.Д. История отечественной этнологии 1917 – середина 1930-х гг. С. 100.

щен в самостоятельный институт: Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ).

Таким образом, до середины 1930-х гг. высшее образование в советском государстве находилось в состоянии постоянных преобразований и реформ. Несколько раз подвергались чистке и репрессиям преподаватели и студенты. Постоянные эксперименты с программами курсов, учебными планами, соотношением лекций и практических занятий, коллективными и индивидуальными формами отчетности студентов – все это не способствовало повышению уровня университетского образования, качества выпускавшихся специалистов. Кроме того, отсутствие средств у государства на образование, при условии, что все вузы были государственными и не имели другого источника финансирования, привело к тому, что университеты не имели возможности строить новые корпуса и ремонтировать старые.

Однако Е.И. Демидова видит в реформах 20-х–30-х гг. и позитивные моменты, подчеркивая, что «государству в кратчайшие сроки, несмотря на множество трудностей, удалось создать новую и исключительно эффективную советскую высшую школу, которая стала готовить необходимых стране специалистов»¹. Особенно удачным она считает то, что партия имела четко обозначенную цель и добивалось ее практической реализации во что бы то ни стало. Политические и нравственные идеалы, которые прививались в вузах, помогали выпускникам найти свое место в жизни, вселяли в них оптимизм и уверенность в безошибочности курса партии на построение социализма. Партия и советское государство стремились сделать процесс подготовки кадров массовым и унифицированным². И действительно, с исследователем можно согласиться – достигнутые результаты в преобразовании высшего образования в это время можно рассматривать как закладку фундамента советской высшей школы. В 1920-е гг. сложилась в основных контурах такая модель вуза, которая адекватно выражала сущность советского строя. Как

¹ Демидова Е.И. Исторический опыт... С. 142.

² Там же. С. 143.

справедливо отметил В.Л. Соскин, высшая школа, будучи элементом административно-командной системы с присущим ей типом мобилизационной экономики и партийно-классового сознания, и не могла быть никакой другой. И она выполнила свою историческую задачу: «выпускникам советских вузов во многом принадлежат заслуги в осуществлении индустриализации страны, в развитии культуры, достижении победы в войне, в послевоенном восстановлении народного хозяйства»¹.

Как считает Л.В. Иванова, целью жизни и деятельности ученых-коммунистов в 1920-е–1930-е гг. (а В.П. Волгин, безусловно, входил в их число) была борьба за идеалы. Именно она определяла характер организаторской работы партийной интеллигенции. Работать по поручению партии, от имени партии, означало не только быть организатором масс, но проводить в жизнь идеи коммунизма, пропагандировать, отстаивать и защищать марксистское учение. Вот почему организаторская работа марксистов-ленинцев была связана с активной идеологической работой вообще, и в том числе в области науки². В.П. Волгин с его принципиальностью, поразительной трудоспособностью и безусловной верой в социалистические идеалы, как никто другой подходит под это определение.

На основе проанализированных источников, мы можем заключить, что одной из главных задач ректора I МГУ В.П. Волгина в 1921–1925 гг. было внедрение марксистской идеологии в умы молодежи и научной интеллигенции. Он старался помочь студентам развиваться на единственно, по его мнению, верной научной основе марксизма-ленинизма, вооружить ученых нового, социалистического общества материалистическим методом исследования. В.П. Волгин многое сделал для улучшения качества подготовки студентов, старался упорядочить прием. Благодаря занимаемым должностям он имел возможность участвовать в преобразовании высшего образования на всех уровнях: от обсуждения проектов в различных органах Наркомпроса до

¹Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.). С. 299.

²Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). С. 104.

реализации постановлений через Правление университета. Он участвовал в разработке (а впоследствии и в применении на практике) самого главного документа для вузов – устава высшей школы. За время исполнения В.П. Волгиным обязанностей ректора была решена задача советизации и пролетаризации I МГУ. Он организовал этнологический факультет, много сил и энергии вложил в разработку программ и планов его развития, решал финансовые и многие другие проблемы. Причем при характеристике деятельности В.П. Волгина нельзя не учитывать тяжелое финансово-хозяйственное положение университета, что объективно мешало ректору и декану проводить многое из запланированного в жизнь. В целом, его деятельности в I МГУ можно дать положительную оценку: многое было сделано для наведения порядка в университете, большинство задач, поставленных правительством перед В.П. Волгиным, как ректором, было выполнено. К началу 1930-х гг. он зарекомендовал себя как хороший управленец. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что основные методы и манеру своей организационной работы он выработал как раз в 1920-е гг., занимая различные административные должности в Московском университете. Управленческая деятельность Вячеслава Петровича оказалась востребована позже, на его работе в АН СССР, причем получила там наиболее полное выражение.

Раздел IV. Деятельность В.П. Волгина на руководящих постах Академии наук

В этом разделе рассматривается деятельность В.П. Волгина в Академии Наук СССР. В 1930–1935 гг. он был непременным секретарем Академии, а в 1942–1953 гг. занимал пост вице-президента. Перестройка всей работы АН СССР применительно к требованиям социалистического строительства была важной задачей общегосударственного масштаба. Фактически, советизация АН выполнялась по той же схеме, что и советизация вузов в 1920-е гг.:

1) Изменение кадрового состава в сторону увеличения в нем доли коммунистов;

2) Практицизм и плановость в научной деятельности.

В.П. Волгин был призван стать проводником этой политики в АН. Его задачу можно сформулировать по аналогии с деятельностью на посту ректора: он должен был помочь превратить АН в советское научное учреждение.

После революции и до 1925 г. Академия наук курировалась Наркомпросом, в 1925–1930 гг. – Совнаркомом, а в 1930–1934 гг. – Комитетом по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК. С 1934 г. АН вновь в непосредственном подчинении Совнаркома. Как отмечает В.Д. Есаков, «именно в названных учреждениях решались оперативные, организационные, планово-финансовые и другие вопросы, затрагивавшие деятельность АН»¹. Решение же всех принципиальных вопросов, важнейшие моменты ее внутренней жизни и международные контакты разрешались только после одобрения их Политбюро ЦК ВКП(б), являвшимся высшим органом партийно-государственной власти в СССР².

¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991/1922–1952. / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 5.

² Там же. С. 6.

Преобразования начались с принятия нового устава, утвержденного Совнаркомом 18 июня 1927 г. Теперь основной задачей АН СССР было приспособление научных теорий и результатов научных опытов и наблюдений к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве СССР¹. Такая формулировка объясняет стремление власти упорядочить работу в АН. Ведь политика Советского государства по отношению к науке определялась прежде всего экономическими задачами стоявшими перед страной. Для эффективного использования научных достижений в социалистическом строительстве, «государство должно было прежде всего решить важную и сложную задачу организации науки – сформировать государственную сеть исследовательских учреждений и создать систему планомерного и централизованного руководства ими»². По уставу Совнарком должен был находиться в курсе всех дел в Академии: рассматривать ежегодные отчеты, утверждать в должности президента АН, регулировать создание новых структурных подразделений, а также планы научной деятельности и состав действительных членов. Позиция В.П. Волгина по этому вопросу не расходится с официальной. Так, он выделил три основные задачи Академии. Первой являлось научное исследование: «АН как высшее научное учреждение СССР должна обеспечить надлежащую высоту теоретического уровня этих исследований, надлежащую их полноту и всесторонность». Вторую задачу Академии он видел в содействии высшим правительственным органам: Совнаркому, Государственной плановой комиссии, народным комиссариатам в разрешении вопросов, требующих компетентной научной консультации. Третья – это планомерная организация и целесообразное направление научной работы в интересах социализма³.

В соответствии с новым уставом отчет о деятельности АН за 1925–1926 гг. был отправлен в Совнарком. Для его всестороннего рассмот-

¹Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 143.

²Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л., 1968. С. 5.

³Волгин В.П. Академия наук на новом этапе // Вестник АН СССР. 1935. № 4. Ст. 8–9.

рения 21 июня 1927 г. Совнарком образовал комиссию в составе В.П. Милютина, А.Н. Баха, Д.Б. Рязанова, М.Н. Покровского, П.С. Осадчего, А.Я. Вышинского, Н.П. Горбунова и В.П. Волгина, поручив ей в течение двух месяцев представить заключение¹. Первое заседание комиссии состоялось 24 июня. На нем было принято решение о том, что каждый член комиссии должен дать письменное заключение по всему отчету и плану работ АН, но, кроме того, написать свои заключения по специальным областям. В.П. Волгину вместе с М.Н. Покровским и А.Я. Вышинским предстояло написать отчет о всех гуманитарных науках и связанных с ними учреждениях Академии². В фонде М.Н. Покровского сохранились отчеты всех членов комиссии о деятельности АН, в том числе и отчет В.П. Волгина³, в котором он, в частности, пишет, что АН проделала и продолжает делать «колоссальную и конечно полезную работу в области собирания и первоначальной обработки научного материала», однако работы научно-обобщающего характера почти не видно⁴. Причину такого отсутствия «биения теоретической мысли» в Академии В.П. Волгин видит в том, что там «совершенно отсутствуют представители как раз того течения в области гуманитарных знаний, которое одно только может противопоставить старым методам, отжитым и не способным толкать вперед научное творчество, новый плодотворный метод». Вывод В.П. Волгина суров: «научное учреждение СССР, не имеющее в своем составе марксистов и в то же время претендующее быть высшим центральным научным учреждением это конечно некий nonsense, существование которого не может быть оправдано никакими соображениями»⁵. Из сложившейся ситуации В.П. Волгин предложил два выхода. Первый: одновременно пополнить АН марксистскими или близкими к марксизму научными работниками, однако признает, что при настоящих условиях это вряд ли целесообразно, т.к.

¹Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971. С. 174.

²АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 49.

³Там же. Л. 121–122.

⁴Там же. Л. 121.

⁵Там же. Л. 121 об.

такое перемещение плохо скажется на существующих учреждениях (имеется в виду Комакадемия, Институт Маркса и Энгельса, РАНИОН и т.д.)¹. Второй: отделить гуманитарные учреждения и придать им самостоятельное существование, ограничив функции АН областью естественных и математических наук. Здесь мы видим, что основополагающим принципом в исследованиях в области гуманитарных наук В.П. Волгин считал использование «правильного», т.е. марксистского, метода. Если же этого достичь невозможно, то лучше вообще не ставить перед собой такую задачу. Он так подытожил свой отчет: «мириться с дальнейшим существованием совершенно “свободного от марксизма” научного центра, фактически в силу этой свободы способного лишь к научно-собирательской работе, а никак не к теоретической руководящей, нет как будто никаких внутренних оснований»².

19 июля 1927 г. Совнарком поручил этой же комиссии составить заключение по плану работ и по сметным предположениям АН СССР на 1927–1928 гг.

Внутреннее управление Академии подверглось существенным изменениям, дополнениям и уточнениям. Был отменен существовавший ранее принцип единоличного руководства АН президентом. Вводилось постоянное коллегиальное управление Президиумом в период между Общими собраниями. Одним из руководителей Президиума был неперменный секретарь АН. Функциям неперменного секретаря в уставе посвящено несколько параграфов³. Для удобства рассмотрения и анализа, сгруппируем их по общим темам.

1. Выборы неперменного секретаря. Неперменный секретарь АН СССР избирался Общим собранием из числа действительных членов Академии наук СССР и утверждался Совнаркомом. Срок его деятельности не определялся. Общему собранию предоставлялось право, по его желанию,

¹ АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 121 об.

² Там же. Л. 122.

³ Уставы Российской академии наук. С. 143–154.

освободить неперменного секретаря от исполнения обязанностей и избрать вместо него другое лицо (§ 41).

Для избрания неперменного секретаря в одном из Общих собраний Академии намечались кандидаты путем подачи записок. В следующем заседании Общего собрания намеченный кандидат баллотировался. Для избрания необходимо было получить не менее 2/3 избирательных голосов (§ 43).

2. Планово-научные функции:

а) Непременный секретарь ежегодно 2 февраля на торжественном заседании выступал с отчетом о деятельности Академии за истекший год (§ 31).

б) Непременный секретарь Академии ведал всей ученой частью Академии. На заседаниях Общего собрания он докладывал о предложениях и сообщениях, поступающих на имя Академии, вел протоколы заседаний, составлял расписание их на каждый год. Каждый член Академии, желающий внести какой-либо вопрос на обсуждение Общего собрания, должен был предупредить об этом неперменного секретаря до начала заседания (§ 44).

в) Один из вице-президентов по соглашению с неперменным секретарем ведал планово-организационными вопросами Академии (§ 40).

г) Непременный секретарь вел от имени Академии всю переписку, касающуюся научной части Академии, со всеми учреждениями и лицами как на территории СССР, так и за границей.

д) Непременный секретарь заведовал архивом Академии, книгохранилищем и бюро по международному книгообмену (§ 45).

е) Непременный секретарь Академии являлся ответственным редактором всех изданий Академии, и без его подписи не могло быть выпущено в свет ни одно академическое издание (§ 46). Причем печатаемые АН публикации, имевшие подпись неперменного секретаря, не подлежали цензуре (§ 66).

3. Организационные и оперативные функции:

а) Непременный секретарь наряду с вице-президентами приводил в исполнение распоряжения Президиума (§ 36).

- б) Непосредственными помощниками неперменного секретаря Академии были два академика-секретаря Отделений (§ 42).
- в) Непременный секретарь и академики-секретари отделений образовывали (под председательством неперменного секретаря) секретариат Академии, задачей которого являлось совместное обсуждение вопросов, относящихся к их ведению (§ 47).
- г) Непременный секретарь общался со всеми действительными членами АН, следил за их присутствием на Общих собраниях. Они были обязаны заблаговременно извещать о причинах своей неявки на заседания (§ 15).
- д) Непременный секретарь утверждал помощников заведующего секретариатом и ученого секретаря издательства (§ 49).
- е) Непременный секретарь представлял для назначения Президиумом директора академической типографии (§ 60).
- ж) Непременный секретарь сообщал в центральные газеты об открывшейся вакансии действительного члена по какой-либо специальности (§ 16).

Таким образом, круг вопросов, подлежащих ведению неперменного секретаря, был весьма обширен. Можно сказать, что он должен был быть в курсе всего, что происходило в АН, общался если не со всеми, то со многими академиками, являлся своего рода исполнительной властью Академии. Попробуем теперь проиллюстрировать некоторые из этих функций конкретными примерами из работы на этой должности В.П. Волгина¹.

Так как неперменным секретарем АН СССР мог быть только действительный член Академии, то рассмотрим сперва избрание В.П. Волгина в ряды академиков. Необходимо отметить, что партийные руководители требовали усиления партийного влияния на деятельность Академии и хотели по-

¹Необходимо отметить, что всего через несколько месяцев после вступления В.П. Волгина на должность неперменного секретаря, 23 мая 1930 г., был утвержден новый устав АН СССР. Причем сам В.П. Волгин возглавлял академическую комиссию по выработке проекта нового устава, утвержденную пленумом Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР. Функции неперменного секретаря по новому уставу существенно не изменились, поэтому представляется вполне целесообразным проанализировать их на основе устава 1927 г.

стоянно контролировать ее работу. Этого можно было добиться путем избрания в состав АН ученых-коммунистов, а также беспартийных, твердо проводящих линию ЦК¹.

В августе – сентябре 1927 г. в комиссии Совнаркома по АН состоялся письменный обмен мнениями относительно «кандидатов в академики» (было намечено 46 лиц)². 26 августа 1927 г. был составлен ориентировочный список кандидатур в действительные члены. М.Н. Покровский должен был написать письменный отзыв по каждой из кандидатур. В этом списке В.П. Волгина не было, но отзыв на него М.Н. Покровский написал. Видимо, решил собственноручно добавить его в кандидаты. В.П. Волгина он характеризует, как лучшего в России специалиста по истории социализма, отмечает его популярность в академической среде, и полагает, что тот пройдет выборы без затруднений, а «небольшой по объему научный багаж не может служить препятствием – Ферсман был избран с еще меньшим»³. Однако в предвыборных списках кандидатура В.П. Волгина так и не появилась.

По уставу АН должна была иметь в своем составе 70 действительных членов. Опять же по уставу «в случае, если количество ученых, достойных звания академика, окажется больше, то Академия наук входит в Совнарком СССР с представлением об увеличении числа действительных членов АН». Что и было выполнено – постановлением Совнаркома от 3 апреля 1928 г. число академиков увеличено до 85 человек⁴.

Первым выборам по новому уставу предшествовала большая подготовительная работа по выдвижению и отбору кандидатов в академики, проводившаяся параллельно как научными учреждениями, так и Политбюро ЦК ВКП(б)⁵. Выдвижение кандидатов являлось первой стадией выборов, а их

¹«Наше положение хуже каторжного»: Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. Вып. 3. С. 109.

²Юрьева Ю., Рейзлин Д. Н.М. Покровский. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 598.

³АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 381–382.

⁴Академия наук в решениях Политбюро. С. 530.

⁵«Наше положение хуже каторжного». С. 109.

было выдвинуто немало – свыше 200¹. Затем шло обсуждение и баллотировка кандидатов в особых выборных комиссиях, образованных из членов АН по специальностям, на которые имелись вакансии и по смежным специальностям, а также из представителей союзных республик – по одному от каждой республики². Всего образовалось 11 особых выборных комиссий, в каждую из которых входило от 3 до 10 человек. 21 октября 1928 г. на заключительном заседании президиума особых комиссий неприменный секретарь С.Ф. Ольденбург доложил о результатах работы и огласил имена кандидатов, которых комиссии постановили представить высшим органам Академии для баллотировки³.

После окончания работ основных комиссий наступил последний этап выборов. Предложенные кандидатуры выносились для баллотировки в отделениях академии и на Общем собрании АН⁴. Как пишет А.В. Гладышев, «роль В.П. Волгина в выборной кампании 1928 г. сейчас выглядит довольно неприглядной. Члены отборочных комиссий были вовлечены в так называемые «компромиссы»: академиком предлагалось за одного представителя новой науки включить в список избираемых в Академию одного или двух представителей старой науки»⁵. Более того, управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов прямо объявил неприменному секретарю АН С.Ф. Ольденбургу, кого хочет видеть Москва в Академии⁶. А И.К. Луппол и В.П. Волгин полуконфиденциально предупредили академиков: если хоть один правительственный кандидат будет в отделениях провален – откажутся и все остальные⁷. Комиссия по наблюдению за работой АН считала, что ввести в состав Академии нужные кандидатуры можно только посредством давления: «это давление может быть оказано либо только через большую кампа-

¹Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971. С. 177.

²В.П. Волгин вместе с И.А. Севастьяновым был избран от Туркменской ССР.

³Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки... С. 179–180.

⁴Там же. С. 185.

⁵Гладышев А.В. Историк-руководящий: В. П. Волгин. С. 154.

⁶Перченков Ф.Ф. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 97.

⁷Гладышев А.В. Историк-руководящий: В. П. Волгин. С. 155.

нию в прессе, либо путем предварительного согласования с С.Ф. Ольденбургом»¹.

12 января 1929 г. в АН состоялось Общее собрание, на котором произошла окончательная баллотировка кандидатов в действительные члены. В результате были избраны ученые-коммунисты Н.И. Бухарин, Г.М. Кржижановский, И.М. Губкин, М.Н. Покровский, Д.Б. Рязанов². Не получили формального большинства и не были избраны А.М. Деборин, В.М. Фриче и Н.М. Лукин³. Научная общественность неакадемических учреждений и пресса расценила итоги выборов как политическую демонстрацию реакционной части АН, не желающей сотрудничать с советской общественностью⁴. Нарком просвещения А.В. Луначарский так отреагировал на это: «Наше время – эпоха очень серьезная, огненная, и с огнем этим не рекомендуется шутить никому. Даже людям, убеленным самыми почетными сединами и украшенным знаками отличия, приобретенными за научные заслуги. Даже в том случае, если эти научные заслуги находятся вне всякого сомнения и признаются представителями революционной мысли. В стране происходит огромная классовая борьба. В области политики она уже разрешилась. Пролетариат победил, власть принадлежит ему. Но власть не нужна ему как самоцель: власть для пролетариата есть инструмент, которым он пользуется для проведения других, более важных сторон единой социальной революции – подлинной революционной реорганизации хозяйства на началах социализма и соответствующей реорганизации всей культуры страны и быта»⁵.

1 февраля 1929 г. Правление МГУ также выразило протест АН, не избравшей своими действительными членами и членкорами выдвинутых уни-

¹«Наше положение хуже каторжного». С. 114.

²Академическое дело 1929–1930 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. Спб., 1993. С. XX.

³Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР. М., 1995. С.115.

⁴Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. С. 186.

⁵Цит. по: Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. С. 190.

верситетом профессоров¹. В результате 13 февраля 1929 г. в состав академии была доизбрана на экстраординарном Общем собрании АН группа членов партии, сразу же занявшая в ней руководящие посты².

В.П. Волгин так оценивал результаты выборов 1929 года в жизни АН: это был год решительного поворота Академии на новый, советский путь развития. «До 1929 г. АН представляла собой научное учреждение исключительной ценности, но в значительной мере оторванное от запросов социалистического строительства. Все это создавало некоторую отчужденность и в известной мере естественное недоверие к АН»³. Теперь же, благодаря новым академикам-коммунистам работа должна была пойти лучше.

В следующем, 1930 г., вновь состоялись выборы действительных членов. Было произведено баллотирование: химика Л.В. Писаржевского, литературоведа А.В. Луначарского и историка В.П. Волгина. 1 февраля 1930 г. в Ленинграде состоялось Общее собрание АН СССР, на котором избирались новые действительные члены Академии. Всего присутствовало 52 избирателя, законное большинство – 35. При голосовании по кандидатуре В.П. Волгина больше всего было подано голосов «против» (3) и «воздержался» (6)⁴. Однако в академики прошли все три кандидатуры⁵.

Записку об ученых трудах В.П. Волгина составлял Н.М. Лукин, он указал 8 работ на русском языке, 2 – на немецком и 3 публикации, вышедшие в его редакции. Н.М. Лукин отметил, что В.П. Волгин «крупный ученый и выдержанный историк-марксист»⁶. По его мнению претендент в академики был «лучшим в СССР специалистом по истории социалистических идей». Более того, Н.М. Лукин подчеркнул, что можно говорить о создании В.П. Волгиным своей исторической школы, так как его ученики –

¹Летопись Московского Университета. 2004. С. 327.

²Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. С. 192.

³Волгин В.П. Академия наук СССР за четыре года 1930–1933. С. 5.

⁴АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Ед. хр. 238. Л. 4.

⁵АРАН. Ф. 401. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 179.

⁶АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 23. Лукин «Записка об ученых трудах Волгина». Гранки. 23.11.30. Л. 1.

«Кунисский, Зайдель, Райский, Фендель – сами уже связаны с работой в высшей школе»¹. Как справедливо указал А.В. Чудинов, В.П. Волгин, Н.М. Лукин, Д.Б. Рязанов и другие со временем станут учеными, авторами многочисленных книг и статей. Однако «в тот момент, когда ход событий заставил их заниматься созданием советской исторической науки, они были уже опытными профессиональными революционерами, но на поприще исторических изысканий делали лишь первые шаги. Тем не менее, других, политически надежных, историков-всеобщников у советской власти не было, а потому именно этих людей мы видим на главных ролях едва ли не во всех создававшихся тогда центрах исторических исследований и соответствующих учебных заведений»².

Затем был избран новый Президиум АН. Еще до этого, 25 февраля 1929 г. вышло особое решение Политбюро: оставить президентом А.П. Карпинского, вице-президентами утвердить Г.М. Кржижановского, Н.Я. Марра и В.Л. Комарова, непременным секретарем В.П. Волгина³. 3 марта 1930 г. непременным секретарем АН СССР был избран В.П. Волгин (число наличных избирателей – 46, законное большинство – 31, голосов «против» – 3)⁴. Таким образом, справедлив тот вывод, что «впервые в практике Академии наук ее руководящее ядро было директивно назначено на заседании высшего партийного органа с последующим автоматическим утверждением на Общем собрании, и это тоже стало прецедентом для последующей практики»⁵. В марте 1930 г. произошло новое изменение положения АН в системе государственных органов. Вопросы Академии стали курироваться Комитетом по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР⁶.

¹Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР, избранных 1 февраля 1930 г. Л., 1930. С. 7.

²Чудинов А.В. Историк воюющий: Н.М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 213.

³Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. С. 91.

⁴АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Ед. хр. 238. Л. 6.

⁵Академическое дело 1929–1930 гг. Вып. 1. С. XLVII.

⁶Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. С. 199.

Теперь перейдем к рассмотрению обязанностей В.П. Волгина в качестве неперемного секретаря. 2 февраля 1931 г. состоялось годовое собрание АН СССР. Его предваряло Чрезвычайное Общее собрание Академии, на котором председательствовал новый неперемный секретарь. При рассмотрении этого собрания необходимо вкратце описать события 1929 г. в жизни Академии. В августе 1929 г. состоялась первая проверка аппарата АН контрольными органами СССР¹. Специальная комиссия по проверке аппарата Академии под началом Ю.П. Фигатнера проверила личный состав Академии и изучила работу академических учреждений². Работники, не отвечавшие своему назначению, были уволены, что, по мнению В.П. Волгина, принесло Академии несомненную пользу. Он считал, что согласно новому подходу к организации научной работы, в Академии логически вытекают новые требования, предъявляемые к ее личному составу: «если старый устав, перечисляя те признаки, наличие коих обязательно для действительного члена АН, ограничивался характеристикой научной квалификации, то новый устав в своем § 11 дополняет эти признаки указанием на активное участие в социалистическом строительстве СССР». По его мнению такое ограничение было абсолютно неизбежным, если «АН, действительно, является высшим научным учреждением страны, поднявшей знамя социалистической революции, и отдает всю мощь сосредоточенной в ней научной мысли на дело социалистической реконструкции»³.

В.П. Волгин был убежден, что пересмотр личного состава АН неизбежен: «Этот процесс не может не быть болезненным для Академии, – наша задача сделать его возможно менее болезненным, но остановить его значило бы отказаться от задачи, поставленной перед Академией всем ходом нашего исторического развития»⁴. «В составе научных работников Академии, каким он был на 1 января 1930 г., мы имеем, конечно, большое количество людей

¹Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. С. 195.

²Докладную записку Ю.П. Фигатнера в ЦК ВКП(б) см.: Академия наук в решениях Политбюро... С. 82–85.

³Академия наук к XVII партсъезду. I. Общий отчет. М., 1934. С. 9.

⁴Волгин В.П. Реорганизация Академии Наук // Вестник АН СССР. 1931. № 1. Ст. 12.

весьма высокой научной квалификации, — продолжал В.П. Волгин. — Мы должны чрезвычайно бережно относиться к этому накопленному Академией богатству. Но в то же время мы должны осознать в полной мере, что люди, принципиально враждебные социалистическому строительству, люди, органически не способные принять новые установки Академии, являются для нее — даже в случае их действительной нейтральности — тяжелым балластом, мешающим ее движению вперед»¹. Здесь четко видна позиция В.П. Волгина относительно того, каким должен быть кадровый состав Академии.

Осенью 1929 г., в архиве АН нашли целый ряд документов политического характера (например, отречение Николая и Михаила от престола, архив ЦК эсеров, ЦК кадетов, митрополита Стадницкого, архив шефа жандармов Джунковского, два свертка рукописей разгона Учредительного собрания и другие материалы)². Ответом на это стало распоряжение А.И. Рыкова: «Ввиду того, что о существовании этих документов не было доведено до сведения правительственных органов, я считаю необходимым немедленно отстранить академика С.Ф. Ольденбурга от обязанностей неперменного секретаря³ и прошу сессию Академии наметить новую кандидатуру»⁴. Как отмечали советские историки, некоторые документы имели весьма актуальное значение и могли бы в руках СССР сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции. Таким образом, академические круги, убеждавшие всех в своей аполитичности, были уличены в сокрытии политических документов⁵. С.Ф. Ольденбурга уволили, а временное исполнение обязанностей доверили В.Л. Комарову.

После обнаружения архива последовали аресты, началось так называемое «академическое дело». По сфабрикованному ОГПУ делу об организа-

¹Волгин В.П. Академия наук СССР за четыре года 1930–1933. С. 19.

²См.: Артизов А.Н. М. Н. Покровский: финал карьеры — успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 91; Академия наук в решениях Политбюро... С. 86–88.

³Эту должность С.Ф. Ольденбург занимал с 1904 г.

⁴Цит по: Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 205.

⁵Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. С. 196–197.

ции контрреволюционного «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» несколько десятков человек получили от 3 до 10 лет, некоторых отправили в лагеря Карелии, а оттуда на Соловки¹.

На Чрезвычайном собрании АН СССР в 1931 г. В.П. Волгин доложил официальное сообщение об установлении вины четырех академиков (С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева, М.К. Любавского) и предложил их исключить: «... позвольте поставить вопрос на голосование в такой форме: кто против того, чтобы перечисленных мною членов из состава академии исключить? ... Нет. Позвольте считать, что решение Общего собрания принято единогласно»². После исключения последовали ссылки: С.Ф. Платонова выслали в Самару, Е.В. Тарле – в Алма-Ату, Д.С. Лихачева – в Астрахань, М.К. Любавского – в Уфу³. Уверен ли был В.П. Волгин в их виновности сказать сложно (за неимением источников мы можем лишь высказывать предположения), но то, что он был не вполне «свободен» в принятии своих решений – это факт. На это косвенно указывает письмо Е.В. Тарле к члену коллегии ОГПУ Е.Г. Евдокимову от 26 сентября 1930 г. Так, он считает, что достаточно сказать хотя бы одно слово непременно секретарю АН В.П. Волгину, что «Вы и та власть, представителем которой Вы являетесь, – хочет моей дальнейшей деятельности, достаточно было бы, чтобы Волгин знал теперь же, что Вы считаете мою деятельность в будущем желательной, – и эта опасность [исключения из Академии] исчезнет. Одного слова Волгину, сказанного теперь, было бы довольно, чтобы предупредить готовящуюся и непоправимую для меня катастрофу»⁴.

¹Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 104.

²Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 230.

Стенограмма заседания чрезвычайного общего собрания АН СССР от 2 февраля 1931 г. практически полностью приведена в статье Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 226–229.

³Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук». С. 104.

⁴Академическое дело 1929–1930 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 2. СПб., 1998. С. 530.

Интересно отметить, что травлю Е.В. Тарле на объединенном заседании Института истории Комкадемии и общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Ко-

Следующая, упорно продвигавшаяся В.П. Волгиным идея – это планирование научной работы. В своих статьях и выступлениях он неоднократно обосновывал необходимость планирования исследований, раскрыл значение планов как важнейшего условия организации коллективного научного творчества. Он принимал непосредственное участие в подготовке «Производственного плана АН СССР на 1931 год» и плана исследований АН СССР на вторую пятилетку. «В сущности говоря, – писал В.П. Волгин, – отрицание возможности плана в научной работе ведет к отрицанию в ней всякой целеустремленности. Каждый индивидуальный научный работник всегда имеет какой-то, худо или хорошо продуманный план научной работы. Спор может идти лишь о методах создания такого плана. Если связь науки с жизнью необходима, то необходимо иметь и план научной работы, связанный с планом социалистического строительства»¹. Организуя планирование научных исследований, Президиум АН стремился перестроить работу академических учреждений так, чтобы все крупные проблемы науки решались коллективно: если раньше видные ученые нередко трудились в одиночку, то теперь в связи с организацией новых институтов и планированием они стали руководить работой целых коллективов, объединенных единой целью². Непременный секретарь справедливо отмечал, что крупные научные учреждения легче обеспечивать соответствующим научным инвентарем и личным составом. «С другой стороны, – отмечал он, – при нормальных условиях и при рациональном распределении труда в крупном учреждении всегда могут найти достаточный простор для своего развития и применения индивидуальные устремления научного работника, нисколько не препятствуют также, вопреки весьма распространенному мнению, бóльшая широта задач учреждения естественной дифференциации научной работы»³.

макадемии (состоялось 29 января, 1, 12 и 16 февраля 1931 г.) проводил ученик В.П. Волгина Г.С. Зайдель (см.: *Зайдель Г.С., Цвибак М.М.* Классовый враг на историческом фронте. Платонов, Тарле и их школы. М.; Л., 1931).

¹Волгин В.П. Реорганизация Академии Наук // Вестник АН СССР. 1931. № 1. Ст. 9.

²Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии Наук СССР. М.; Л., 1945. С. 102–103.

³Академия наук к XVII партсъезду. I. Общий отчет. С. 11.

Интересно отношение В.П. Волгина к планированию работы Комиссии по истории знаний. КИЗ была создана 14 мая 1921 г. по инициативе и под председательством В.И. Вернадского, однако после его отъезда за границу фактически прекратила свою работу. Поэтому вскоре по возвращении на родину В.И. Вернадский выступил на Общем собрании АН СССР с запиской «О необходимости возобновления работ Комиссии по истории наук». 1 апреля 1930 г. состоялось заседание подкомиссии по реорганизации работы в АН во главе с вице-президентом Г.М. Кржижановским. На этом заседании В.П. Волгин утверждал, что работу КИЗ невозможно организовать в настоящее время, поскольку нет историков и натуралистов, способных и желающих заниматься историко-научными исследованиями¹. На следующий день состоялся пленум Комиссии по реорганизации АН о рассмотрении деятельности КИЗ. На нем В.П. Волгин вновь высказался против продолжения историко-научных исследований: «Я признаю весьма значительной задачу разработки истории знаний, но я считаю в то же время, что эта задача в настоящее время, в настоящих условиях и при настоящем составе наших сил должным образом неразрешима»². 4 апреля на Общем собрании должна была быть создана комиссия по реорганизации КИЗ, но В.П. Волгин сорвал ее создание³, однако уже на следующий день она была образована в составе В.П. Волгина, Н.И. Бухарина, В.И. Вернадского, А.М. Деборина, И.Ю. Крачковского, В.Ф. Миткевича и С.Ф. Ольденбурга⁴. Со временем позиция В.П. Волгина в отношении КИЗ смягчилась: он уже не ставил вопрос о целесообразности существования этой комиссии, а предложил лишь ограничить ее работу изучением точных и естественных наук⁵.

¹ См.: Комиссия по истории знаний. 1921–1932. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Составители В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб., 2003. С. 322.

² Комиссия по истории знаний. С. 329.

³ См.: Комиссия по истории знаний. С. 331.

⁴ Комиссия по истории знаний. С. 332.

⁵ Там же. С. 338.

В связи с этим встает вопрос: почему В.П. Волгин так упорно выступал против создания и работы этой комиссии? С одной стороны, он действительно хотел ставить на повестку дня только те задачи, работу которых можно сколько-нибудь целесообразно наладить, а неосуществимых задач перед собой лучше не ставить. Отчего же он думал, в отличие от С.Ф. Ольденбурга, В.И. Вернадского и ряда других ученых, что силами АН этого сделать нельзя? Здесь уместно вспомнить письменное заключение В.П. Волгина по поводу отчета о деятельности АН в области гуманитарных наук за 1925–1926 гг., т.к. его позиция по существу не изменилась¹. Во-первых, он считал, что если и браться за эту работу, то ее надо сделать качественно: «мне представляется, что эта задача должна разрешаться либо историками, хорошо осведомленными в материале естественных и точных наук, либо естественниками-математиками – специалистами по точным наукам, в совершенстве владеющими методологией исторической науки». Во-вторых, в составе АН, безусловно, присутствует достаточное количество талантливых историков и специалистов в области естественных наук, но они все для разрешения такой задачи не подходили. «Социалистическое завоевание Академии» в 1930 г. только началось и поэтому мало кто из числа «старых специалистов» стал бы писать историю науки, основываясь на марксистской методологии. Поэтому, по мысли В.П. Волгина, в таких условиях было проще этим не заниматься вовсе. Тем более, что на повестке стояло решение и других важных задач. По мнению В.П. Волгина отделение общественных наук должно было изучать:

1) пути преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей в стране строящегося социализма у различных национальностей, входящих в состав СССР,

2) исторический процесс возникновения различных общественных институтов и классов,

3) историю докапиталистических общественных формаций,

4) возникновение капитализма и генезиса рабочего класса,

¹См.: АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 121–122.

5) историю колониальной эксплуатации как в Российской империи, так и вне ее – в славянских странах и на Востоке¹.

Таким образом, разработка истории российской науки в насущные потребности не входила.

В.П. Волгин считал, что Академия не должна быть замкнутой корпорацией, она призвана демонстрировать результаты своей работы и популяризировать их среди жителей СССР. По его мнению АН, решившая отдать свои силы делу социалистической реконструкции страны, обязана искать непосредственный, живой контакт со строящим социализм классом. Поэтому с 30-х гг. вошли в практику публичные выступления академиков со связным рядом научных докладов². Непременный секретарь считал, что «совершенно необходимо сделать сессии АН сессиями, так сказать, тематическими, сессиями, в которых АН демонстрировала бы перед широкими слоями пролетарской общественности, как отвечает наука на те или иные задачи, поставленные социалистическим строительством»³. По его мнению сессии АН должны выявлять перед внешним миром основные итоги и результаты работы академиков: «если эта работа общественно-значительна, то и сессия должна являться событием большого общественного значения»⁴. Много времени и сил посвятил В.П. Волгин организации выездных сессий АН. В 1931 г. проходила выездная сессия в Москве, посвященная теме «Что может дать наука для осуществления лозунга “догнать и перегнать”»? В июне 1932 г. – сессия в Свердловске и Новосибирске, на которой обсуждались программы развития производительных сил Урала и Сибири и т.д.

Одним из средств популяризации науки был выпуск научных журналов и книг. По уставу В.П. Волгин должен был заботиться и об издательской деятельности АН. 4 апреля 1930 г. он представил Общему собранию Проект временного положения о Редакционно-издательском совете АН СССР.

¹Волгин В.П. Академия наук СССР за четыре года 1930–1933. С. 65–66.

²Академия наук к XVII партсъезду. I. Общий отчет. С. 20.

³Там же. С. 21.

⁴Волгин В.П. Академия наук СССР за четыре года 1930–1933. С. 46.

Непременный секретарь отмечал, что ряд изданий Академии вызывал раздражение «устаревшей» идеологией, «не имеющей никаких точек соприкосновения с идеологией строящего социализм рабочего класса, а иногда и прямо враждебной последней. Еще больше оснований, по его мнению, имели упреки в бесплановости изданий АН и особенно в явной непропорциональности распределений отпускаемых Академией государственных средств между трудами большей и меньшей актуальности»¹. Эти негативные черты в издательской деятельности В.П. Волгину удалось исправить. 11 сентября 1930 г. на заседании бюро коллектива ВКП(б) АН рассматривался вопрос «О работе Издательства АН СССР». Было внесено предложение о выпуске периодического журнала Академии – «Вестника АН СССР». Новый журнал стал выходить с 1931 г. как орган Президиума АН. Его первым ответственным редактором был В.П. Волгин².

На XVII партсъезде руководство партии и страны одобрило достижения по перестройке Академии, однако, чтобы еще более связать ее работу с практикой социалистического строительства и укрепить плановое начало, было решено в конце 1933 – начале 1934 г. перевести АН в Москву³. Как отметил Ф.Ф. Перченко, «перевод АН СССР в Москву – один из важнейших шагов на пути превращения ее в “штаб советской науки” – осуществлялся в пожарном порядке: Постановлением Совнаркома на него было отведено два месяца. Эта перестройка протекала со многими ломками и потерями и была использована для “кадрового усиления” Академии: нового пересмотра людского состава, смены начальства, сортировки лиц и научных подразделений по рангам и категориям»⁴. 13 июня 1934 г. была образована постоянная правительственная комиссия в составе В.П. Волгина, А.Я. Беленького, А.И. Стецкого, Н.А. Булганина, И.Ф. Кодацкого и Л.Н. Федорова для наблю-

¹ Академия наук к XVII партсъезду. I. Общий отчет. М., 1934. С. 9.

² Кольцов А.В. Академик В.П. Волгин – организатор советской науки: К 100-летию со дня рождения // Вестник АН СССР. 1979. № 8. С. 109.

³ Академия наук в решениях Политбюро... С. 141.

⁴ Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР. М., 1995. С. 228.

дения за ходом осуществления перевода учреждений Академии в Москву. В ее задачи входила разработка календарного расписания перевода отдельных учреждений и все прочие мероприятия, связанные с переводом¹.

Как утверждает В.Д. Есаков документы Политбюро показывают, что переезд АН не был подготовлен: «ни Президиум АН, которому поручалось в 10-дневный срок разработать план этого перевода и нового строительства в Москве, ни Моссовет, которому закрытым протокольным постановлением Политбюро предписывалось в те же сроки представить план размещения учреждений АН в столице, не могли осуществить разработку требуемых мероприятий оперативно»². Перевод Академии в Москву на долгие годы усложнил деятельность многих академических учреждений. Однако главное состояло в другом. «С переводом Академии наук СССР из Ленинграда в Москву, с приближением всей ее работы к научному обслуживанию социалистического строительства резко возросло непосредственное вмешательство партийно-государственного аппарата в ее деятельность»³. Таким образом, мы можем подытожить, что с переездом АН в Москву цель – советизация Академии наук – была окончательно достигнута.

25 июля 1935 г. В.П. Волгин написал письмо И.В. Сталину с просьбой об освобождении от должности неперменного секретаря⁴. В нем он подчеркнул, что эту сложную работу он все время вел один, другие же члены партийной группы лишь «бросали идеи», иногда полезные, иногда фантастические. За пять лет на этом посту В.П. Волгин не только не мог продолжать научную работу, но даже не успевал читать книги по своей специальности, не имел возможности следить за развитием своей науки. «Между тем, – добавляет он, – меня считали в известной узкой области лучшим знатоком предмета». «Мне уже 56 лет, – продолжает Вячеслав Петрович, – и времени

¹Академия наук в решениях Политбюро... С. 144.

²Есаков В.Д. Документы Политбюро ЦК как источник по истории Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро... С. 14.

³Есаков В.Д. Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. М., 1997. С. 466. – <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/moskva/452-467.pdf>

⁴Текст письма см.: Академия наук в решениях Политбюро... С. 187–188.

для занятия наукой осталось не так много. Еще несколько лет – и я не сумею к науке вернуться»¹. К этому необходимо добавить то, что В.П. Волгин проживал в Москве и каждый раз по делам Академии должен был постоянно приезжать в Ленинград. Ему, кстати, выдали удостоверение на право бесплатного проезда по всем железнодорожным, водным и воздушным путям СССР². Более того, В.П. Волгин пишет, что в партийной группе он больше не чувствует былой положительной оценки своей работы.

И действительно, с 1930 г. по 1935 г. В.П. Волгин опубликовал только следующие научные работы: заметку в БСЭ о Ш. Фурье, вторую часть курса лекций по истории социалистических идей и очерки по истории социализма (4-е переиздание), один доклад на конгрессе историков в Варшаве, статью о Г. Бабефе и две статьи-предисловия о Т. Кампанелле и Т. Море (см. приложение № 4). В этот период он мало занимался научной деятельностью, что и не удивительно, учитывая его загруженность разного рода общественной и административной работой. Хотя В.П. Волгин и утверждал, что «передовой ученый в наше время не может не быть передовым общественным деятелем»³, но сам в то же время мечтал о том времени, когда он всецело сможет посвятить себя научной работе.

8 августа 1935 г. на заседании Политбюро было предложено освободить т. Волгина В.П. от должности постоянного секретаря Академии⁴. 20 ноября 1935 г. постановлением общего собрания АН СССР ему вынесли благодарность за работу в руководящих органах АН и освободили от обязанностей постоянного секретаря⁵. Освободившееся место занял бывший управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов. Постановлением Президиума АН СССР от 26 июня 1937 г. эта должность вообще была упразднена, с этого времени обязанности секретарей выполняли административные работники.

¹ Академия наук в решениях Политбюро... С. 188.

² АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1

³ Из письма Б.Д. Грекову. Архив АН РФ. Ф. 415. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 4.

⁴ Академия наук в решениях Политбюро... С. 186.

⁵ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 1.

Организационная деятельность В.П. Волгина после 1935 г. сосредоточилась в Институте истории АН СССР. 5 июля 1935 г. он был утвержден в должности заведующего сектором новой истории ИИ АН СССР¹, а 16 июля 1939 г. – членом Ученого совета этого института². Также он являлся инициатором создания и председателем Группы по изучению истории Франции при ИИ АН СССР.

Впоследствии работа В.П. Волгина в должности постоянного секретаря АН СССР оценивалась негативно. 27–29 марта 1937 г. на общеакадемическом активе он был обвинен в попустительстве врагам народа. Обвинители утверждали, что в период волгинского руководства Академией он, окружив себя «злейшими врагами народа», «напутствуемый троцкистско-фашистскими молодчиками», «с барским пренебрежением относился к голосу академической общественности, третировал неугодных ему работников»³. В.П. Волгин оказался в весьма невыгодной ситуации, т.к. «коллеги» полагали, что «подлинное политическое лицо акад. Волгина и сейчас не может не вызывать подозрений». Не поколебало этих подозрений и его выступление в свою защиту: «долго и витиевато, черпая свои аргументы из законов формальной логики, старался он объяснить активу характер своей предыдущей деятельности и руководившие им мотивы. Собрание, однако, осталось совершенно неудовлетворенным адвокатским выступлением Волгина и оценило его как попытку уклониться от ответственности»⁴. Это было весьма страшным обвинением в то время, потому что быть заподозренным в принадлежности или сочувствии к троцкизму означало потерю партийного, гражданского и научного статуса⁵. Однако удивительным образом никаких репрессий по отношению к нему не последовало.

¹ АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Ед. хр. 238. Л. 96.

² АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Ед. хр. 238а. Л. 245.

³ Февральский пленум ЦК ВКП(б) и наши задачи // Вестник АН СССР. 1937. № 4–5. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Алаторцева А.И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов // История и сталинизм. М., 1991. С. 265.

С началом Великой отечественной войны В.П. Волгин вновь оказался в центре академической работы. В соответствии с решением Президиума АН СССР с конца июля 1941 г. он был эвакуирован в Свердловск, где пробыл до мая 1943 г., когда АН СССР вернулась в Москву. Там В.П. Волгин читал лекции в университете, много писал, редактировал, выступал на радио, вел активную научную переписку. Насколько непросто это ему тогда давалось можно судить по письму Д.М. Петрушевскому от 18 марта 1942 г.¹: «Очень тяжела была эта зима. Мой сын «пропал без вести» в конце октября под Москвой»². Зимой у В.П. Волгина возникли проблемы со здоровьем, но он откладывал лечение: «хочу дотерпеть до вузовской сессии и каникул (не хочу прерывать курс)»³. Во время войны, пусть даже в эвакуации, «лучше делать нечто полезное, – считал В.П. Волгин, – чем заниматься праздными разговорами о том, что полезно для обороны, фактически ничего для нее не делая»⁴.

6 мая 1942 г. В.П. Волгин был избран вице-президентом АН СССР⁵ и академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР⁶. Как пишет Б.Д. Греков в ходатайстве на присуждение В.П. Волгину Сталинской премии, в годы Великой отечественной войны «научные учреждения постоянно чувствовали внимание и заботу и получали руководящую и организующую помощь со стороны Волгина, который в период нахождения институтов в эвакуации выезжал на места расположения академических учреждений и много содействовал улучшению обстановки для работы и ее направлению по существу»⁷.

¹Письмо В.П. Волгина Д.М. Петрушевскому от 18 марта 1942 г. Свердловск // История социалистических учений. М., 1977. С. 271.

²Там же.

³Письмо В.П. Волгина Ф.В. Потемкину (ноябрь 1941 г.). // История социалистических учений. С. 272.

⁴Там же.

⁵АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Ед. хр. 238а. Л. 245.

⁶См.: *Волгин В.П.* О работе отделения истории и философии Академии Наук СССР в 1942 году // Исторический журнал. 1942. № 9. С. 88–89; *Волгин В.П.* Отделение истории и философии // Вестник АН СССР. 1944. № 4–5.

⁷АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 8.

Во время работы В.П. Волгина в должности вице-президента АН, действовал устав 1935 г. В нем о функциях вице-президента можно найти всего два упоминания¹:

1) Вице-президент избирался на Общем собрании сроком на пять лет (§ 38).

2) Вице-президент входил в состав Президиума Академии наук СССР (§ 37).

В.П. Волгин в должности вице-президента вел насыщенную научно-организационную жизнь, руководил гуманитарными институтами АН СССР, помогал молодым исследователям, оказывал поддержку в получении источников из зарубежных библиотек и архивов и проч.² Вот, например, его отчет за январь–июль 1942 г.: 1) обрабатывал для печати исследование на тему «Развитие социалистических идей и Сталинская конституция» (6 п.л.); 2) продолжал исследовательскую работу по истории социалистических и коммунистических идей (3 п.л.); 3) редактировал сборник «Средние века»; 4) обрабатывал для печати коллективный труд «Канун буржуазной революции во Франции»; 5) организовал уральский филиал комиссии по истории отечественной войны; 6) выполнял организационную работу на посту академика-секретаря³.

В 1944 г. В.П. Волгин принял участие в совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б). Стенограмма этого совещания отражает положение ученого-исследователя в условиях идеологизации и политизации гуманитарных наук. Выступления его участников показывают, насколько противоречивым, искаженным идеологическими стереотипами оказался в тот период путь ученого к исторической истине, сколь многоопытными за годы сталинских репрессий стали многие историки в их следовании предписанным

¹Уставы Российской академии наук. С. 174.

²См., напр.: *Алексеев-Попов В.С.* Наш спутник // Французский ежегодник 1979. М., 1981. С. 21.

³АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 1–1 об.

партийным руководством «правилам игры»¹. В.П. Волгин присутствовал на всех заседаниях, но выступил только в последний день. Мы можем предположить, что он и вовсе не желал выступать. Ведь известно, что организаторы планировали провести гораздо меньшее количество заседаний, о чем свидетельствует фраза Е.В. Тарле, сказанная 22 июня 1944 г.: «очень рад, что подоспел к концу»². Однако после этого «конца» состоялась еще одна встреча. Также мы можем предположить, что если бы В.П. Волгин хотел ответить на критику, высказанную в его адрес на первом заседании 1 июля 1944 г. С.К. Бушуевым, то он сделал бы это сразу же или на следующем заседании. Критике подвергся ИИ АН СССР и Отделение общественных наук АН СССР. Докладчик утверждал, что ИИ и Отделение общественных наук стоят вне государственных задач и представляют собой замкнутые организации, оторванные от широких кругов историков: «для того, чтобы попасть на заседание Отделения общественных наук к Волгину, требовалась прежде всего принадлежность к “избранным”, ранее принадлежавшим к школе Покровского»³. Подобная критика была направлена и в адрес ИИ АН (его руководителем тогда был Б.Д. Греков) – там «и по сию пору не проветрены еще углы от покровщины»⁴.

В ходе полемики сложилось три группы. Первая стремилась отказаться от непомерного преувеличения роли классовой борьбы в истории, недооценки общесоциального содержания в таких исторических явлениях как государство и нация, забвения подлинной исторической роли национально-государственных интересов, межнациональных противоречий. Они оправдывали русскую завоевательную политику, возвеличивали защитников россий-

¹Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 53.

²Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 80.

³Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 55–56.

⁴Там же.

ской государственности, подчеркивали единение государства и народа, отрицательно оценивали восстания, направленные против российской власти¹.

Противником этой точки зрения выступила вторая группа историков во главе с А.М. Панкратовой. Они высказывались против «прямой линии преемственности от старого дворянски-буржуазного государства в России к советскому социалистическому государству», против «апологетического изображения старого русского государства и его основных деятелей»².

Была и третья линия «никогда не ошибающихся». Как отмечает А.М. Дубровский, приверженцы этой группы, как правило, обладали значительными постами, позволяющими им улавливать ветры перемен. Они боролись на два фронта: и против возрождения имперских ценностей и против «покровщины»³. В.П. Волгин как раз был выразителем этой линии. Он выступил на последнем, шестом, заседании, которое состоялось 8 июля. В своем докладе им было затронуто несколько тем. Во-первых, В.П. Волгин дал всем четко понять, что он не принадлежит к школе Покровского. Во-вторых, он выступил и против «покровщины с обратным знаком»⁴. В-третьих, не забыл В.П. Волгин и о лекции Е.В. Тарле в Саратове, причем продемонстрировал картину того, как могли воспринять его лекцию слушатели. Он упрекнул Е.В. Тарле в том, что тот указал на спасительные для обороняющейся от врага страны ее большие территории, но не сказал «об основном – о нашем социальном и политическом строе»⁵. В.П. Волгин с присущей ему четкостью жестко гнул определенную линию: «слушателей и читателей эти формулировки, в связи со всем остальным изложением, неизбежно должны вести к неправильному выводу: положительно расценивая результаты завоевания, как они сказываются сейчас (в СССР), мы должны положительно оценивать и всю ту политику царизма, которая к этим завоеваниям вела... Вы это не го-

¹ Дубровский А.М. Историк и власть... С. 468–469.

² Там же. С. 447.

³ Там же. С. 469.

⁴ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 79.

⁵ Там же. С. 80.

ворили, но это умозаключение вытекает из хода мыслей стенограммы. Между тем оно ложно»¹. В-четвертых, В.П. Волгин высказался о работе ИИ АН и его руководстве. Начал он издавека, с критики книги А.И. Яковлева. Он недоумевал: если книга признана плохой и с научной и с политической точки зрения, то как она могла пройти редакционно-издательский совет АН с маркой ИИ и с рекомендацией ИИ?! «Очевидно, – далее предполагает он, – какие-то историки давали также рекомендацию этой книге при представлении к Сталинской премии»². Из этого В.П. Волгин сделал вывод, что необходимо значительно укрепить руководство института. Такие экспрессивные характеристики можно объяснить желанием обратить внимание к верноподданническим заявлениям выступавшего.

В 1945 г. решением ЦК ВКП(б) В.П. Волгин был утвержден главным редактором вновь организованного журнала «Вопросы истории», который возник вместо «Исторического журнала»³. ЦК ВКП(б) отметил, что «Исторический журнал» ведется неудовлетворительно и не отвечает своему назначению, «редколлегия не справляется с возложенными на нее задачами и не обеспечивает ведение журнала на надлежащем научном уровне, журнал не разрабатывает важнейшие проблемы советской исторической науки, зачастую заполняется статьями и материалами, не имеющими отношения к истории или лишенными научного значения, редакция слабо связана с научно-исследовательскими учреждениями и недостаточно привлекает к участию в журнале наиболее квалифицированных историков»⁴. В.П. Волгин был призван своим авторитетом в области научной редакции улучшить качественную составляющую журнала. Однако уже спустя два года он написал письмо Г.М. Маленкову с просьбой освободить его от этой должности. Свою просьбу он мотивировал тем, что вследствие тяжелой болезни глаз (помутнение стекловидного тела) был не в состоянии должным образом исполнять обя-

¹Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 81.

²Там же.

³Академия наук в решениях Политбюро... С. 309.

⁴Там же.

занности главного редактора: «для меня стало физически невозможным чтение поступающих в журнал рукописей и корректурных гранок»¹. По сути В.П. Волгин предвосхитил события, т.к. менее чем через месяц, 5 октября 1948 г., на имя Г.М. Маленкова поступило письмо от Г.Ф. Александрова с указанием на «крайне ненормальное и даже тревожное положение с руководством общественными науками, гуманитарными институтами АН»². «Мало того, что Волгин человек весьма пожилого возраста, мало работоспособный и не интересующийся жизнью в партии и в стране, – негодует Г.Ф. Александров, – по своим воззрениям он весьма далек от современного уровня, достигнутого марксистско-ленинской наукой, и антикварен»³. Более того, когда Президиум обсуждал идеологические вопросы, В.П. Волгин «своими неверными, ошибочными установками» сбивал с толку научных работников и мешал Президиуму осуществлять «правильную партийную политику в области идеологии». В качестве примера приводится, прямо скажем, анекдот, случившийся при обсуждении доклада, посвященного русской музыке XVI–XVII вв., который, однако, был очень серьезно воспринят Г.Ф. Александровым. В феврале 1949 г. на место главного редактора журнала назначили А.Д. Удальцова⁴. Но вице-президентом В.П. Волгин оставался до 1953 г. Зачем? Видимо власти был нужен именно такой старый, больной, подслеповатый и в чем-то чудаковатый вице-президент.

Д.А. Волкогонов пишет, что после войны И.В. Сталин заинтересовался кандидатурами на пост президента АН СССР вместо В.Л. Комарова. В числе кандидатов рассматривался В.П. Волгин. В характеристике, составленной на него НКГБ СССР, говорилось: «Академик Волгин В.П. – вице-президент. На Волгина есть свыше 20 показаний как на троцкиста. До сих пор не награжден и не является лауреатом Сталинской

¹ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 1.

² Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2005. С. 204.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 350.

премии...»¹. В начале 1945 г. Б.Д. Греков и Н.С. Державин написали письма в Комитет по Сталинским премиям с предложением выдвинуть кандидатуру В.П. Волгина на соискание Сталинской премии². Б.Д. Греков отметил, что научные труды В.П. Волгина «охватывают весьма широкий круг тем, неизменно глубоко им разрабатываемых», что он всегда поднимает «новый для исследователей материал и дает толчок к творческой постановке новых вопросов коллегами-историками в смежных областях исторической науки, оказывая этим весьма плодотворное влияние, помогая правильной методологической постановке проблем и их решению исследователями»³. Однако несмотря на лестные характеристики коллег, премию Вячеславу Петровичу не дали. Это можно объяснить тем, что после войны Сталинские премии в основном присуждались тем, кто разрабатывал в своих произведениях тему патриотизма. А В.П. Волгин, как известно, занимался историей социалистической мысли за рубежом⁴.

Позднее для В.П. Волгина наступили и вовсе драматические дни. В 1949 г. над вице-президентом нависла угроза быть обвиненным в космополитизме. Как пишет историк И.И. Зильберфарб, «“философы” сталинской формации стали представлять возникновение научного социализма как некое чудесное откровение. По их понятиям говорить об идейной подготовке марксизма предшественниками научного социализма – это значит “принижать творение Маркса”. Тех, кого мы называем великими социалистами-утопистами они всячески поносили, ссылаясь на слова Сталина, что “Маркс был врагом утопистов”. Историческое изучение вклада предшественников марксизма в развитие социализма от утопии к науке, с точки зрения истолкователей этой сталинской “формулы”, было, конечно, делом предосудительным»⁵. По мнению И.И. Зильберфарба нависла угроза фактической ликвида-

¹ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. II. Ч. 2. М., 1989. С. 132.

² См.: АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 67.

³ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 9.

⁴ Е.В. Тарле, например, получил три Сталинских премии.

⁵ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 20–21.

ции истории домарксова социализма как отрасли исторической науки. А для того, чтобы добиться такой ее ликвидации, считал он, необходимо было очернить и устранить создателя и руководителя этой школы – В.П. Волгина. Президент АН СССР получил донос¹ о том, что «Волгин систематически занимается дискредитированием марксизма, что все его изыскания по части предшественников научного социализма делались и делаются с одним злым умыслом – унизить Маркса»². Вячеслав Петрович попросил С.И. Вавилова освободить его с поста вице-президента, так как отказаться от изучения домарксова социализма и от выводов, к которым это изучение приводит, он не может. А ежели это считается «принижением Маркса», то человек, для которого это – дело всей жизни, не должен руководить всей работой в области общественных наук АН СССР. Руководство не приняло всерьез поступивший донос и уговорило В.П. Волгина не делать из него таких выводов. Тем не менее некоторое время спустя главный ученый секретарь АН А.В. Топчиев получил еще одно подобное письмо, в котором сообщалось, что В.П. Волгин в своем «антимарксистском» рвении «специально выкапывает никому неизвестных утопистов, таких, о которых даже сам Маркс не знал, и изыскивает у них предвосхищение идей научного социализма с той же целью – “принижение Маркса”»³. В.П. Волгин осознавал, что некогда «элитная» тема исторической науки теряет свое значение, становится ненужной социалистическому государству. Коллегам он жаловался, что непросто работать, когда никому нет дела до «какой-то истории социализма» и до того, что «какой-то старик Волгин» ею занимается⁴.

Почему же репрессии обошли В.П. Волгина стороной? Карьеры и жизни почти всех его соратников, основателей марксистского понимания истории в СССР были загублены (Н.М. Лукин, Б.Д. Рязанов, В.И. Невский и др.). Может быть, потому что он всегда был крайне осторожен, может быть

¹Обнаружить этот документ в архивах пока не удалось.

²АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 24.

³Там же. Л. 23–25.

⁴Там же. Л. 25.

власть ценила его за административные таланты или же ему просто повезло. В любом случае, за неимением источников, пока что мы можем это только предполагать. В одном из разговоров с И.И. Зильберфарбом осенью 1961 г. Вячеслав Петрович сказал: «я – один из тех, кто с юношеских лет боролся за этот строй и, как говорят в народе, кровь за него проливал. И я чувствую на себе ответственность за все, что делалось при нем. Но поймите, как тяжело, что я ничего не могу сделать»¹. Мог ли он в самом деле что-либо сделать тогда? Это вопрос достаточно сложноразрешимый. По его позднейшим высказываниям создается впечатление, что он верил (или хотел верить, или же вынужден был верить) обвинителям его друзей и коллег. «Как это странно..., – говорил он, – был человек с лицом, хорошо известным тебе. Потом пришли и сказали: “он – враг”. И слово это повторили сто раз, тысячу раз. И словно по заклятию, человек с его лицом исчез, осталось только слово, похоронившее его. Теперь снова говорят: человек этот – не враг, у него по-прежнему есть лицо, хорошее лицо. И трудно, словно сквозь туман, вновь проступает это лицо»². Скорее всего за долгий период деятельности на руководящих постах В.П. Волгин отлично усвоил правила, по которым следовало жить, и безоговорочно принял бюрократическую этику. Он был понятливым и исполнительным, при этом прекрасно образованным, тактичным, приятным в общении – таких представителей науки власть очень ценила.

Вячеслав Петрович был уклончив и осмотрителен, однако трусом его назвать никак нельзя. Он мог смело доказывать свою правоту и аргументировано отвечать на несправедливую критику. Например, по поводу его книги «Развитие социалистических идей и Сталинская Конституция» рецензент написал: «в книге автор приводит положения, вызывающие удивление», были обвинения в неправильном прочтении классиков марксизма, в отсутствии необходимых цитат и проч.³ На что В.П. Волгин ответил: «эти замечания я считаю неправильными». Остаюсь при своем мнении. И далее: «эти общие

¹ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 39.

² АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 24–25.

³ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 84. Л. 1.

замечания свидетельствуют о том, что рецензент не понимает, какие задачи ставил себе автор»¹, «нельзя не посоветовать Издательству АН обзавестись более культурными и грамотными рецензентами»².

Таким образом, деятельность В.П. Волгина в АН СССР в 1930–1935-х гг., когда он занимал должность неперменного секретаря, была направлена на перестройку основ работы ученых в Академии применительно к требованиям социалистического строительства. Он был убежден, что АН должна содействовать правительству в разрешении важных для развития страны вопросах. Преобразования шли по пути изменения кадрового состава в сторону увеличения в нем доли коммунистов (путем выборов и чистки старого состава), а также подчинения цели и задач деятельности АН жизненно важным, практическим целям. В.П. Волгин был твердо убежден, что основополагающим принципом в исследованиях в области гуманитарных наук является использование марксистского метода. Поэтому и высшее центральное научное учреждение страны должно иметь в своем составе достаточное число марксистов, потому что ученые, враждебно относящиеся к социалистическому строю, не желающие принять новые установки АН СССР, даже в случае их действительной нейтральности, все равно тормозят движение вперед. Непременный секретарь также убеждал своих коллег в необходимости планирования научной работы. Он был уверен, что план – это залог успеха того или иного исследования и важнейшее условие организации коллективного научного творчества.

Академик В.П. Волгин призывал коллег не только планировать научную работу, но и показывать ее результаты советскому народу. Поэтому с 30-х гг. ввел в практику публичные выступления академиков со связным рядом научных докладов. Еще одним из средств популяризации науки был выпуск научных журналов и книг, редактуру которых выполнял В.П. Волгин.

¹АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 84. Л. 10.

²Там же. Л. 12.

Свои взаимоотношения с властью В.П. Волгин выстраивал по принципу древнегреческого философа Антисфена: «не подходить слишком близко, чтобы не обжечься, и не очень удаляться, чтобы не замерзнуть». Он был назначенцем партии, а поэтому и не мог свободно принимать те или иные решения (особенно это касается «Академического дела»). Что же касается его научных убеждений, то здесь В.П. Волгин готов был упорно отстаивать свою точку зрения. Такая убежденность в своей правоте основывалась как на уверенности в правильности выбранного метода исследования, так и на вере в ценность своих научных изысканий для общества.

Раздел V. Вклад В.П. Волгина в историческую науку. Последние годы жизни

При описании научных заслуг В.П. Волгина в большинстве изданий повторяется одна и та же фраза: основатель новой научной отрасли – истории социалистических идей, инициатор создания советской исторической науки, советской историографии. И действительно, истории социалистической мысли В.П. Волгин посвятил себя с того момента, когда решил перевестись с физико-математического факультета на историко-филологический. В 1908 г. он написал исследование «Революционный коммунист XVIII в.» (о французском философе-материалисте, сельском священнике Жане Мелье), положившее начало его полувековым изысканиям в области истории социалистической мысли домарксова периода. Референт Вячеслава Петровича, Н.И. Голубцова, справедливо задается вопросом, какие же причины заставили его обратиться к французской общественной мысли и посвятить изучению этой проблемы почти всю свою жизнь. По ее мнению один из ответов кроется в том, что его внимание привлекали завершенные, классически ясные формы развития общественной мысли: «В.П. Волгину изучение завершенных форм развития французской общественной мысли позволило охарактеризовать формирование одного из трех источников марксизма – французского утопического социализма, выявить точные грани, отделяющие его от эгалитаристских, уравнивательных систем, вскрыть идейную среду, в которой оттачивалась социалистическая мысль»¹. Кроме того, по словам самого же В.П. Волгина буржуазное мировоззрение достигло наибольшей выразительности и завершенности только в XVIII веке².

Еще одной причиной того, что В.П. Волгин посвятил себя этой теме, было то, что в 1917–1925 гг. резко возрос интерес к истории

¹Голубцова Н.И. В.П. Волгин – исследователь истории общественной мысли во Франции в XVIII веке // Французский ежегодник 1979. М., 1981. С. 16.

²Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958. С. 5.

социалистической мысли. Это было не просто новое, но и по вполне понятным идеологическим причинам «элитарное» направление в исторической науке¹. В.П. Волгин целью своей научной работы сделал пропаганду и популяризацию знаний по истории социализма². Он считал, что «марксизм является не только величайшим идеологическим орудием революции, но и величайшим достижением научной мысли XIX века»³. Согласно идее тех лет «подлинные успехи и достижения в области общественных наук имеются лишь там, где марксистский метод является основной руководящей нитью исследователя»⁴.

В.П. Волгин был безусловным авторитетом в этой области, его дело продолжали ученики и, видимо, поэтому работы ученого долгое время оставались вне аналитического разбора. Практически впервые с критикой выводов В.П. Волгина выступил А.Э. Штекли в 1993 г. Он отметил, что, по его мнению, тезис В.П. Волгина (сделанный еще в 1933 г.) в статье «От Бабёфа к Марксу»: «в истории революционного коммунизма предшественником марксизма по прямой линии является бабувизм» является весьма спорным. Однако в течение продолжительного периода в силу большого авторитета автора он оставался вне научной критики⁵. А.Э. Штекли подчеркивает, что расширенное толкование понятия «утопический социализм», когда его родоначальником объявлялся Томас Мор, способствовало укоренению стойкого стереотипа: «элементы социализма», а то и сам «социализм» находили и в древнем мире, и в средние века, и в эпоху Реформации⁶, что, по мнению А.Э. Штекли, являлось абсолютно неверным. Хотя, как оговаривается исследователь, благодаря этому появилась ценная серия книг «Предшественники научного социализма» (подготовленная В.П. Волгиным). К сожалению, «Утопии и соци-

¹Гладышев А.В. Три советских историка... С. 199.

²Там же. С. 202.

³Волгин В.П. Советская власть и научные работники за 10 лет. С. 17–18.

⁴Общественные науки СССР. 1917–1927 / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М., 1928.

⁵Штекли А.Э. Утопии и социализм. М., 1993. С. 11.

⁶Там же. С. 169.

ализм» является едва ли не последней в России XX в. работой профессионального историка, посвященной теоретическим проблемам утопического социализма¹. Все-таки в историографии пока еще не сложилось более менее четких оценок исторических работ В.П. Волгина, что, в общем, можно объяснить внешней ситуацией. Ведь, как справедливо отметил В.А. Гладышев, «общество, всеми силами старавшееся вычеркнуть из памяти свое социалистическое прошлое и возлагавшее надежды на капиталистическое будущее, меньше всего интересовалось историей социалистических идей, которая в кратчайший срок из приоритетного направления историографии превратилась в одиозный анахронизм»². Насколько в России изменилось отношение к изучению домарксова социализма, в том числе французского, показывают слова А.В. Гордона, называющего практику изучения в СССР истории социализма «теологическим историзмом», а наиболее наглядным примером его материализации считающим творческий путь В.П. Волгина³. Но в то же время, как справедливо отметил, Б.Ф. Поршнев, «перспективность этой отрасли (имеется в виду история социалистических идей – Л.А.) и ее актуальность очень велики... знание прошлых успехов и неудач социалистической мысли может теоретически вооружить и для понимания многих идеологических течений в современности»⁴.

Применение марксистского метода В.П. Волгин сочетал с тщательным и осторожным анализом источников, не упуская из поля зрения ни одного из них, но «с не меньшей скрупулезностью изучал и различные по своей научной ценности работы, посвященные исследуемому им мыслителю»⁵. А.З. Манфред отмечал, что В.П. Волгин «обладал особым даром прочтения источников, проникновения вглубь противоречивого склада идей у мыслителей, исследуемых им, и установления закономерностей этого развития»⁶.

¹Гладышев А.В. Три советских историка... С. 206.

²Там же. С. 211.

³См.: Французский ежегодник. 2005. М., 2005. С. 51.

⁴АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 1.

⁵Ангран П. В.П. Волгин как историк французской социальной мысли. С. 499.

⁶АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 46.

Помимо этого, как подчеркнула М.В. Нечкина, В.П. Волгин глубоко анализировал идеологию утопических социалистов, он чувствовал эпоху, в которой родились их идеи, а также был крайне внимателен к тонкостям, даже к «оттенкам мысли»¹. «Волгин проделал огромную работу, которая могла кому-то показаться насилием: он выламывал из необъятной горной породы общественной мысли те и только те кристаллы, которые задумал собрать все, но и без всякой примеси... таково право и призвание науки – продолжает Б.Ф. Поршнев, – изымать предмет из его сроченности с другими, рассматривать его в отвлеченном виде, чтобы в конце концов снова возвратить в систему многообразных конкретных связей»². Такие отзывы современников характеризуют В.П. Волгина как очень серьезного историка. Он не желал вводить читателей в заблуждение, приукрашивая свои работы малозначащими, но может быть, занимательными деталями. Вячеслав Петрович всегда стремился дать максимально полную картину события или явления.

В.П. Волгин в то же время предостерегал от чрезмерного увлечения источником. Он подчеркивал, что «тщательное, подчас скрупулезное изучение исторических фактов» должно вплестаться в «закономерный процесс общественного развития»³, т.е. исследователь призван делать исторические обобщения. По убеждению В.П. Волгина иначе это не история, а собрание источников, археография. Поэтому Вячеслав Петрович научно обосновал классификацию теорий, четко разделяя их по положительным идеалам на социалистические и коммунистические. Он ввел также классификацию утопий по признаку общинного и централизованного устройства идеального общества. Ученый раскрыл внутренне связанный процесс развития социалистических идей. В.П. Волгин рассматривал утопический социализм как один из

¹Воспоминания о Вячеславе Петровиче Волгине. С. 488.

²*Поршнев Б.Ф.* В.П. Волгин // Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М., 1975. С. 5.

³АРАН. Ф. 415. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 3.

трех источников марксизма, а с другой стороны – и как круг идей, в преодолении и критике которых марксизм формировался¹.

Рассмотрим отношение к В.П. Волгину как ученому. Так, Н.И. Голубцова пишет, что он «подобно античным авторам», стремился к ясному, строгому, лаконичному изложению своих мыслей, и одновременно «его работы, как и сочинения античных историков, тесно связаны с искусством. Это не сухие, безликие творения, а наполненные яркими образами литературные произведения, ценность которых со временем не только не увядает, а, наоборот, делает их ближе и понятнее»².

В.М. Далин подчеркивал, «черта, которая прежде всего поражала в Волгине, это чрезвычайная тщательность и поразительная добросовестность в его научной работе». Например, если на титульном листе какого-либо издания стояло «под редакцией В.П. Волгина», то это означало, что «он самым добросовестным образом прочитал рукопись и выправил в ней все, вплоть до машинописных опечаток и неправильно расставленных запятых»³. О его внимательном отношении к фактическому материалу и слову свидетельствует то, что Вячеслав Петрович не любил излишнего повторения, разжевывания мысли, которое, по его мнению, являлось недоверием к читателю, к его способности самому понять сказанное и вывести из него все нужные следствия⁴.

Отдельно стоит обозначить редакторскую деятельность В.П. Волгина. И.И. Зильберфарб писал, что «работать с ним как редактором было и в высшей степени интересно, потому что он не относился к своим редакторским обязанностям как к чему-то формальному, а наоборот – вникал во все подробности работы на всех ее стадиях, не оставляя вне поля своего внимания даже мелочи»⁵.

¹Поршнев Б.Ф. В.П. Волгин. С. 4–5.

²Голубцова Н.И. В.П. Волгин. С. 17.

³Французский ежегодник. 1962. М., 1963. С. 493.

⁴Мадор Ю.П. Материалы к биографии... В.П. Волгин в последние годы жизни. С. 237.

⁵АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 27.

В.П. Волгин вложил много энергии и труда в издание русских переводов произведений представителей утопического социализма. Первая серия книг, объединенная общим названием «Предшественники современного социализма» вышла в 20-х годах, затем с 30-х годов стала издаваться серия «Социальные утопии», а с 1947 г. – серия «Предшественники научного социализма». Под его редакцией в этой серии было опубликовано 26 томов, в каждый из которых вошли: вступительная статья В.П. Волгина, русский перевод источника, сведения об авторе, о предшествовавших изданиях и переводах, необходимые примечания, указатель литературы и другие материалы. Как отметил главный редактор журнала «Вопросы истории» А.А. Искендеров, это издание памятников социалистической мысли домарковского периода было академическим в самом высоком смысле этого слова¹.

Помимо дара писателя В.П. Волгин обладал способностью доходчиво и убедительно излагать свои мысли, о чем свидетельствуют его многочисленные выступления на международных научных конгрессах. Он принял участие: в Международном конгрессе славянских этнографов и географов (1927 г. Польша), VI-м Международном историческом конгрессе (1928 г. Осло), в работах сессии Международного исторического комитета (1930 г. Англия), в работах сессии Международного исторического комитета (1932 г. Нидерланды), в VII-м Международном конгрессе историков (1933 г. Варшава²), в работах сессии Международного исторического комитета во Франции в 1934 г., а в 1936 г. в Румынии³.

По установившейся традиции счет международным конгрессам историков ведется начиная с Парижского конгресса 1900 года⁴. Брюссельский конгресс 1923 г. постановил создать постоянный Международный комитет

¹Искендеров А.А. В.П. Волгин и проблемы всеобщей истории // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 7–8.

²Свои впечатления об этом конгрессе В.П. Волгин представил в докладе, прочитанном на заседании Историко-археологического института АН СССР.

³АРАН. Ф. 515. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 3–4.

⁴Русские и советские ученые на международных конгрессах историков // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 230.

исторических наук, который объединял бы историков различных стран. Такой комитет был организован в 1926 г. в Женеве. Председателем был норвежский историк Х. Кут, генеральным секретарем – француз М. Леритье. В этом историческом комитете Советский Союз до 1928 г. не был представлен. Только на VI-й Конгресс в Осло пригласили историков из СССР – 17 человек во главе с М.Н. Покровским¹. На нем В.П. Волгин выступил в секции экономической и социальной истории с докладом «Социализм и эгалитаризм в истории социальных теорий»². После этого конгресса СССР имел в Международном историческом комитете постоянное представительство. Мандаты получили М.Н. Покровский, М.С. Грушевский и В.П. Волгин³.

В 1930 г. В.П. Волгин находился в Оксфорде и Лондоне на сессии Международного исторического комитета⁴. Там советская делегация наметила ряд своих представителей в различные постоянно действующие комиссии⁵.

На пленуме Комитета (Гаага, июль 1932 г.) от СССР приняли участие А.В. Луначарский, Н.М. Лукин, В.П. Волгин (был включен в Комиссию по истории науки)⁶.

На конгрессе в Варшаве (1933 г.) делегация от СССР состояла из 6 человек (В.П. Волгин, Н.М. Лукин, Н.С. Державин, П.Ф. Преображенский, П.О. Горин, А.М. Панкратова)⁷. В.П. Волгин считал, что «историк-марксист, принимая участие в международных конгрессах, где большинство принадлежит представителям буржуазной исторической науки, важнейшей своей задачей должен считать противопоставление методологическому

¹См.: АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Ед. хр. 32.

²АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 3.

³Волгин В.П. Статьи и выступления. М., 1979. С. 167.

⁴Как писал В.П. Волгин: «основная задача, во имя которой был создан Комитет, – это подготовка и организация международных конгрессов историков» (Волгин В.П. Статьи и выступления. М., 1979. С. 182.).

⁵Лукин Н.М. Доклад на заседании президиума Коммунистической академии 2 июня 1930 г. // Вестник Коммунистической Академии. 1930. № 37/38. С. 163–166.

⁶Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада. С. 33.

⁷Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 169.

Варшавскому конгрессу посвящена часть 10-го выпуска журнала «Борьба классов» (1933 г.).

хаосу, идеалистическим установкам современной буржуазной историографии строгих методологических принципов исторического материализма и выяснение тех перспектив, которые открывает перед наукой применение марксо-ленинского метода»¹. Эта фраза в очередной раз показывает, насколько В.П. Волгин был убежден в истинности марксистской методологии.

Представители молодой социалистической страны вызвали оживление среди историков и польского общества. Так, В.П. Волгин писал: «Мой доклад почему-то получил лестную рекомендацию даже авансом, до того как он был зачитан. 25 августа “Курьер Поранны” писал: “Назначенный в этой секции весьма интересный доклад Волгина будет зачитан на пленуме”». Также прозвучало три выступления вне конгресса (Н.М. Лукин «Маркс как историк», В.П. Волгин «Академия наук и социалистическое строительство» и доклад А.М. Панкратовой о работе по преподаванию истории в школе), которые, как отмечает В.П. Волгин, прошли с большим успехом: «все 3 доклада вызвали большое внимание, были прочитаны при полной аудитории и, очевидно, отвечали настроению слушателей. Доклады происходили на окраине, в рабочем районе, и, по-видимому, большинство аудитории составляли рабочие»².

В Варшаве у советской делегации состоялось четыре приема, не считая приема в советском полпредстве: у премьер-министра, у президента Польши, у мэра города и в Варшавском историческом обществе. В.П. Волгин пишет, что и с президентом И. Мосьцицким, и с премьером Я. Енджеевичем советская делегация имела довольно длительную беседу. По его мнению, такое повышенное внимание к советской делегации было характерно «для той политической обстановки, в которой конгресс происходил и которая связана с существующими международными настроениями и взаимоотношениями»³.

¹ Волгин В.П. Методологическая дискуссия на Варшавском конгрессе // Борьба классов. № 10. С. 24.

² Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 180.

³ Там же.

В.П. Волгин отмечает, что были и «кое-какие выпады, которые свидетельствуют о не совсем благоприятном отношении к нам определенных кругов... как и следовало ожидать, нашлись и в польской прессе подголоски эмиграции, которые доказывали, что мы отличились не столько в науках, сколько в умении пропагандировать известные воззрения. В одной из газет была, например, напечатана такая характеристика: “Это весьма подвижные и всегда готовые атаковать буржуазные позиции, независимо от предмета дискуссии, глашатаи мудрости Маркса и Ленина. С этих высот они разрешали всякие самые сложные исторические вопросы... Они утверждали при всяком подходящем случае, что единственно метод диалектического материализма может дать желательные результаты при изучении истории человечества. Кроме того, они старались срывать маску с лицемерного облика капиталистического мира”»¹. В.П. Волгин счел это «весьма лестной характеристикой»².

На этом конгрессе советская делегация встречалась также со многими польскими учеными, обсуждала проблемы укрепления культурных связей, международного общения между польской и советской наукой, а также более конкретные вопросы – об обмене книгами, об упрощении процедуры получения заграничных командировок польских ученых в Россию и советских в Польшу, о работе в архивах и т.д.³ Для В.П. Волгина, как официального представителя АН СССР, налаживание научных связей было чрезвычайно важным.

13–17 апреля 1936 г. В.П. Волгин принимал участие в IX-м пленуме Международного исторического комитета в Бухаресте, который готовил Международный исторический конгресс, его планировали провести в Цюрихе в 1938 г. В статье «Сессия Международного исторического комитета»⁴ Вячеслав Петрович характеризует его работу. Он отмечает, что «основным

¹ Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 179–180.

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 180–181.

⁴ Волгин В.П. Сессия Международного исторического комитета // Вестник АН СССР. № 6. С. 34–35.

недостатком организации конгрессов была их бесплановость, пестрота и бессистемность программы». Советская делегация решила внести порядок и представила Комитету свою программу, охватывающую «ряд действительно основных проблем истории древности, средних веков и нового времени, проблемы методологии истории, исторического образования и публикации архивных материалов»¹. Однако «пленум Комитета показал еще раз невозможность радикальной переделки при данных условиях системы организации конгрессов»² и окончательное решение всех вопросов, связанных с конгрессом, было передано в Бюро Комитета и Швейцарскому национальному комитету (по месту конгресса – Цюриху). В.П. Волгин считал, что «судя по результатам IX пленума, от этих органов трудно ожидать существенных преобразовательных начинаний»³. Здесь мы вновь видим так присущее В.П. Волгину стремление к четкости и порядку. Он предлагал организовать планирование работы международных конгрессов по тому же принципу, как ранее в АН СССР.

По инициативе советской делегации при Комитете была организована комиссия по истории социальных движений нового времени, президентом которой был избран норвежский историк Х. Кот, вице-президентом – Н.М. Лукин. На заседании этой комиссии приняли решение о порядке издания тех материалов, которые она признает необходимым опубликовать. Издание трудов комиссии взяли на себя две организации: АН СССР и Институт социальной истории в Амстердаме⁴. Однако на конгресс в Цюрих (1938 г.) советские ученые не поехали. Сложная обстановка предвоенных лет и начавшаяся в 1939 г. мировая война на длительное время затормозили развитие международных контактов советских историков⁵.

¹ Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 182–183.

² Там же. С. 183.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Желенина И.А. Из истории международных конгрессов исторических наук // Вопросы истории. 1964. № 9.

После войны В.П. Волгин принимал участие в различных международных мероприятиях. В октябре 1946 г. АН СССР получила приглашение от Джавахарлала Неру на Всеиндийский научный конгресс¹. Главой делегации советских ученых был В.П. Волгин². Он написал весьма интересные воспоминания о своей поездке в Индию³, в которых подробно рассказал обо всех экскурсиях, исторических достопримечательностях и жизни местного населения. В Индии глава советской делегации описал развитие АН СССР после Великой Октябрьской социалистической революции, говорил о «роли, которую играет наука в СССР, о связи науки с практикой социалистического строительства, о внимании, которое уделяется научным учреждениям Советским правительством, о создании в нашей стране новых очагов науки – филиалов АН СССР и республиканских академий»⁴. 10 января университет Дели в торжественной обстановке присвоил В.П. Волгину ученую степень доктора *honoris causa*⁵. На обратном пути советская делегация на 4 дня остановилась в Тегеране, где В.П. Волгин прочел доклад «Ленин и наука»⁶.

В 1947 г. Вячеслав Петрович принимал участие в правительственной комиссии по празднованию 800-летия Москвы⁷. В 1948 г. участвовал на праздновании столетия Венгерской революции 1848 г. в Будапеште. В октябре 1949 г. в качестве руководителя делегации он ездил в Англию на празднование 25-летнего юбилея Английского общества культурной связи с СССР. В Лондоне В.П. Волгин прочел лекцию «Диалектический материализм и историческая наука», а в Оксфорде сделал доклад о состоянии исторической

¹ АРАН. Ф. 514. Оп. 3. Ед. хр. 90.

² Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 184. См. также: Постановление Политбюро от 27 декабря 1946 г. // Академия наук в решениях Политбюро. С. 341.

³ См.: Волгин В.П. В Индии // Вестник АН СССР. 1947. № 5. С. 49–69; Волгин В.П. Поездка в Индию: Путевые заметки // Новое время. 1947. № 12. С. 19–25; Волгин В.П. По городам и дорогам Индии: Путевые заметки // Вокруг света. 1947. № 6. С. 28–35. А также см.: Отчет делегации АН СССР, командированной в Индию на сессию и индийского научного конгресса (Архив АН РФ. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 51).

⁴ Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 189.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Там же. С. 210.

⁷ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 47.

науки в СССР¹. В 1949 г. он был делегатом СССР на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже. Роль конгресса он сформулировал следующим образом: «Парижский конгресс – чрезвычайно важный этап в деле борьбы за мир. Народы, сотни миллионов простых людей во всем мире послали на Конгресс своих представителей и устами своих посланцев заявили, что они не могут допустить, чтобы обезумевшая кучка поджигателей войны и их прислужников отбросила человечество на столетия и тысячелетия назад»². В.П. Волгин был членом Всесоюзных конференций сторонников мира, проходивших в Москве в 1949, 1950, 1951, 1952 гг.³

С 1947 по 1951 гг. В.П. Волгин являлся депутатом Московского и Ленинградского Советов депутатов трудящихся, депутатом Верховного Совета РСФСР. В архиве АН сохранилась его переписка как депутата Верховного Совета РСФСР. Он пытался разобраться в самых разнообразных проблемах трудящихся: решал вопросы о защите диссертации, о выплате пенсии, об организации гидро-химического института, о начислении размера сельскохозяйственного налога и даже вникал в дело о пропавшем мотоцикле⁴.

В.П. Волгин был не только прекрасным оратором, но и хорошим преподавателем. Читать лекции он начал еще в 1914 г. в университете им. А.Л. Шанявского. С 1919 г. читал общий курс истории социализма на Западе на правовом, экономическом, статистическом отделении ФОНа⁵. На общественно-педагогическом отделении он вел семинар по Истории социализма⁶. Как отмечали современники, его лекции «отличались строгой законченностью по содержанию и по форме, а также безукоризненностью стиля изложения», «как руководитель исследовательской работы и руководитель семинарами он отличался исключительной

¹ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 10.

² Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 160.

³ Гладышев А.В. Историк-руководящий: В. П. Волгин. С. 190.

⁴ АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 61.

⁵ Факультет общественных наук 1-го МГУ. С. 90.

⁶ Обзорение преподавания факультета общественных наук 1-го МГУ на 1922/23 ак. год. М., 1923. С. 33.

доброжелательностью к своим слушателям и ученикам, готовностью всегда оказывать им всяческую научную помощь»¹.

Послевоенные годы стали едва ли не самым плодотворным периодом жизни В.П. Волгина. Единственное, что омрачало творческое настроение – это ухудшающееся здоровье. В 1950–1952 гг. он перенес две серьезные болезни и одну тяжелую операцию². Постепенно В.П. Волгин отказывается от административной работы и старается концентрироваться на научной деятельности. И.И. Зильберфарб отмечал, что Вячеслав Петрович в последние годы жизни стал все больше и больше думать о том, что «дело идет к финишу», а потому он должен, не отвлекаясь ничем, работать и работать, чтобы успеть выполнить все намеченное³. Единственная организаторская работа, которую В.П. Волгин сохранил до последних дней – это руководство Группой по истории Франции и «Французским ежегодником», в котором был главным редактором⁴.

Уместно будет остановиться на профессиональных и личных качествах Вячеслава Петровича. Многие отмечали, что в В.П. Волгине, как ученом, поражала необыкновенная неутомимость: он работал до самого последнего момента своей жизни⁵. Более того, его основополагающим принципом было всегда доводить начатое дело до конца, какие бы разочарования этому ни сопутствовали⁶.

В.П. Волгин обладал поразительной трудоспособностью и всегда ставил на первое место работу. Так, во время заседаний IX-го пленума Международного исторического комитета, проходившем в Бухаресте, румынскими историками было организовано большое число экскурсий и осмотров исто-

¹Сказкин С.Д. Научная и общественная деятельность академика В.П. Волгина // Из истории социально-политических идей. Сб. статей. К 75-летию акад. В.П. Волгина. М., 1955. С. 20.

²См. его письмо к Пьеру Анграну (Архив АН РФ. Ф. 415. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 1.).

³АРАН. Ф. 514. Оп. № 2. Ед. хр. 80. Л. 32.

⁴Гладышев А.В. Историк-руководящий: В. П. Волгин. С. 193.

⁵Французский ежегодник. 1962. С. 489.

⁶Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина. В.П. Волгин в последние годы жизни // Французский ежегодник. 1970. М., 1972. С. 231.

рических памятников. «Гостеприимство заслуживает всяческой благодарности, – писал В.П. Волгин, – но приходится констатировать, что оно оставило слишком мало времени для деловой работы и заставило скомкать обсуждение деловых вопросов»¹.

Правительство очень поздно оценило научный вклад В.П. Волгина. Премии имени В.И. Ленина он был удостоен только в 1961 г., когда ему уже исполнилось 80 лет². А.З. Манфред с восхищением отмечал, что В.П. Волгин «сумел так мудро распорядиться своей жизнью, что она, вопреки общепринятым представлениям о старческом увядании, развертывалась у него чем дальше – тем богаче и плодотворнее. Увлеченность работой, чувство важности своего труда помогали Вячеславу Петровичу преодолевать и возрастающее бремя возраста, и свои недуги»³. В.М. Далин удивлялся «вечной молодости» Вячеслава Петровича: «как ни странно, ученый, которому сейчас почти 81 год, находится на восходящей линии своего развития»⁴. Здесь, конечно же, Виктор Моисеевич имел в виду молодость ума и силы воли (если так можно выразиться). Ведь В.П. Волгин перенес несколько операций, его болезни периодически обострялись. Последние три года он практически не мог читать самостоятельно. После очередного возвращения из больницы в конце 1961 г. В.П. Волгин сказал: «Я теперь могу радоваться только радостям других»⁵. Но он не отчаивался, не впадал в уныние, а продолжал работать. Так как сам он почти не мог читать, ему читала вслух Н.И. Голубцова. Она же затем записывала под диктовку его тексты⁶. С ее помощью он подготовил книгу «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в.»⁷.

¹Волгин В.П. Статьи и выступления. С. 183–184.

²До этого за свою работу В.П. Волгин был награжден тремя орденами Ленина (1945, 1954, 1959), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), орденом Трудового Красного Знамени (1949).

³Воспоминания о Вячеславе Петровиче Волгине. С. 491.

⁴АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 48.

⁵Гладышев А.В. Историк-руководящий: В. П. Волгин. С. 195.

⁶См.: Мадор Ю.П. Материалы к биографии... В.П. Волгин в последние годы жизни. С. 233.

⁷Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958.

У В.П. Волгина всегда были большие творческие планы: «...Я всю жизнь, – говорил он незадолго до смерти, – мечтал о времени, когда без помех смогу заняться научной работой»¹. Вот, например, отчет 82-летнего историка за последний год своей жизни:

1) была издана, пересмотрена и дополнена работа «Сен-Симон и сенсимонизм»;

2) одновременно с работой над этой книгой Вячеслав Петрович занимался редактированием «Избранных произведений» Вейтлинга и написал о нем статью (напечатана в «Вопросах истории»);

3) подготовил собрание коммунистических памфлетов французского публициста 40-х гг. XIX в. Жан-Жака Пийо;

4) составил статью об идейном наследии утопического социализма;

5) в связи с выходом в свет проекта Программы КПСС написал статью «Об утопии к программе строительства коммунизма» (напечатана в журнале «Новая и новейшая история»;

6) работал над изучением социалистических идей А.И. Герцена, статью на эту тему планировал завершить в 1962 г.;

7) исполнял обязанности главного редактора и председателя редколлегии «Собрания сочинений» А.И. Герцена, председателя комиссии по изданию серии «Литературные памятники», председателя группы по изучению истории Франции, члена редколлегии «Всемирной истории»². И все это невзирая на плохое самочувствие, операции и практически полное отсутствие зрения! В.М. Далин также отмечал, что до последних дней В.П. Волгин сохранил «полностью то, что можно было бы назвать “физической силой” ума, – ни малейших признаков интеллектуального увядания. Его выступления отличались удивительной стройностью, ясностью, исключительно четкой, “железной” логикой»³. На встрече, организованной в Институте истории АН СССР 25 апреля 1961 г. в честь присуждения Ленинской премии,

¹Мадор Ю.П. Материалы к биографии... В.П. Волгин в последние годы жизни. С. 233.

²АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 1–1 об. Л. 15.

³Воспоминания о Вячеславе Петровиче Волгине // Французский ежегодник. 1962. С. 493.

В.П. Волгин сказал: «Мне кажется, что я до тех пор буду чувствовать себя живым человеком, пока буду работать»¹.

Из воспоминаний современников мы можем составить представление об интересах и увлечениях, характере и распорядке дня В.П. Волгина. Так, Ю.П. Мадор отмечает, что Вячеслав Петрович интересовался музыкой, любил и ценил эмоциональную и мелодичную музыку XVIII – первой половины XIX в.: Ф.Й. Гайдна, К.В. Глюка, В. Беллини, В.А. Моцарта. Симфоническая музыка XX в. воспринималась им с трудом: «Современной музыки не чувствую, – говорил он, – она никогда не взволнует, не заставит плакать». В.П. Волгин дружил с Д.Д. Шостаковичем, хотя принадлежали они к двум разным поколениям. Ю.П. Мадор считает, что Вячеслав Петрович привлек юношу зрелостью и ясностью своих суждений. Среди тем их бесед были общепhilosophические проблемы и вопросы отношения к революционной действительности. В.П. Волгин говорил, что, когда слушает Д.Д. Шостаковича, ему представляется такая картина: «музыкант стоит перед глухой стеной, за которой – нечто, называемое гармонией, и отчаянно бьется об эту стену, долго и иступленно, но гармония остается для него недоступной. А этот человек, несомненно, огромный музыкант»².

Сохранились некоторые свидетельства о дружеских отношениях В.П. Волгина с современными ему литераторами. Так, он не раз встречался с В.Я. Брюсовым, который был его коллегой по Главпрофобру, а также читал лекции в I МГУ, ректором которого был тогда В.П. Волгин. Вячеслав Петрович любил русскую литературу, особенно 60-х гг. XIX века. Знал наизусть массу стихов И. Анненского, А. Белого, А. Ахматовой, А.С. Пушкина³.

В повседневной жизни В.П. Волгин был таким же четким, последовательным и аккуратным. Он всегда придерживался строгого правила каждый день отрабатывать по несколько часов за письменным столом. В.П. Волгин

¹Чествование академика В.П. Волгина 25 апреля 1961 г. в Институте истории АН СССР // Новая и новейшая история. 1961. № 4. С. 180.

²Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина. С. 33.

³Там же. С. 35.

любил отдыхать в санатории «Узкое», где катался на санках со своим коллегой по Комакадемии О.Ю. Шмидтом. Любил отдыхать и в Крыму. Он как-то сказал даже, что хотел бы быть похороненным на одном из холмов, окружающих гору Кастель, под Алуштой. В.П. Волгин вообще любил путешествовать, а на склоне лет вспоминать свои поездки по Кавказу, Забайкалью, Индии, экскурсии и прогулки по европейским городам. Он далеко и надолго заплывал в море, любил долгие пешие прогулки – даже уже в весьма почтенном возрасте каждый день в 7 утра выходил погулять. Режим дня у него был строгий, что помогало поддерживать работоспособность.

Как незаурядная личность В.П. Волгин привлекал к себе художественную интеллигенцию. Так, в 1946 г. скульптор Л.Д. Муравин создал два бюста В.П. Волгина. Один из них, мраморный, был на выставке МОСХа в октябре–ноябре 1962 г. Портрет В.П. Волгина работы И.Э. Грабаря (1946 г.) находится в запасниках Третьяковской галереи. Его писали также художники Максимов и Киселис. В комнате В.П. Волгина висел графический портрет ученого, сделанный С. Соколовым в 1955 г.¹

Интересно, что коллеги и ученики сравнивали внешность и характер Вячеслава Петровича с античными героями. Н.И. Голубцова отмечала, что «его точеный профиль напоминает мне работы античного скульптора, а такие черты характера, как выдержанность, некоторая замкнутость, умение стойко переносить трудности, позволяют сравнить его с римским стойком»².

Вячеслав Петрович умер 3 июля 1962 г. в 18.30, похоронен на Новодевичьем кладбище³. В отделении исторических наук АН СССР состоялось заседание по случаю его смерти, на котором приняли решения относительно мероприятий по увековечению памяти Вячеслава Петровича⁴. Ниже перечислено все, что было решено сделать и отмечено реализованное:

¹Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина. С. 31.

²Голубцова Н.И. В.П. Волгин – исследователь истории общественной мысли... С. 17.

³Вместе с В.П. Волгиным похоронена его жена Евгения Васильевна Волгина (Романова) (1890–1992), камерная певица.

⁴АРАН. Ф. 514. Оп. 2. Ед. хр. 79. Л. 1.

1) «Войти в правительство с ходатайством об отпуске средств, необходимых для установки надгробия с бронзовым медальоном (по имеющемуся барельефу работы скульптора Конгиссера)». Надгробие было поставлено на Новодевичьем кладбище.

2) «Возбудить перед Моссоветом ходатайство о переименовании Выставочного переулка (смысл названия которого утрачен), где жил Волгин, в улицу Волгина». На карте Москвы улица, названная в честь историка, появилась в 1965 г. Выставочный же переулок в 1973 г. назвали в честь другого академика – математика И.Г. Петровского.

3) «Учредить медаль Волгина, присуждаемую Президиумом АН раз в 3 года за выдающиеся труды по всеобщей истории». Сведений об учреждении медали не найдено.

4) «Учредить присуждаемую ежегодно премию Президиума АН имени Волгина за наиболее ценные исследования по истории социалистических идей». Премия была учреждена в 1969 г. Советом Министров СССР. Впервые ее присудили В.М. Далину 15 июля 1971 г. за книгу «Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции» и за монографию «Гракх Бабеф накануне и во время Великой Французской революции»¹.

5) «Присвоить Фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН имя Волгина (на ул. Фрунзе)». Имя библиотеке было присвоено, в 1969 г. она послужила основой ИНИОН. Сегодня на сайте библиотеки о В.П. Волгине ни слова².

Основным вкладом В.П. Волгина в историческую науку является создание им новой отрасли исторического знания – истории социалистических идей домарковского периода. Он продвигал тезис о том, что марксизм возник не на пустом месте, а имеет глубокие корни. В.П. Волгин впервые дал глубокий научный марксистский анализ идейного наследия крупнейших представите-

¹Хаинсон Ю.И. Присуждение премии имени В.П. Волгина // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 216.

²См.: <http://www.inion.ru/index10.php>

лей общественной мысли прошлого и впервые создал единую научную концепцию развития социалистической мысли.

Он зарекомендовал себя как прекрасный педагог, одаренный исследователь и старательный редактор. Благодаря его внимательному отношению к источникам были выпущены фундаментальные переводы (с комментариями и вступительными статьями) крупнейших представителей общественной мысли прошлого (А. Сен-Симона, Э.-Г. Морелли, М. Оуэна, Ш. Фурье, Г. Бабефа, Г. Мабли и др.).

По воспоминаниям современников В.П. Волгин обладал весьма важным качеством ученого – неиссякаемой трудоспособностью. И как все ученые был очень интересным, начитанным, разносторонним человеком, постоянно занимавшимся самосовершенствованием.

Заключение

В представленном диссертационном исследовании на основе детального изучения источников, некоторые из которых впервые введены в научный оборот, проведен анализ деятельности В.П. Волгина на посту ректора I МГУ, декана ФОНа и этнологического факультета, неперменного секретаря и вице-президента АН СССР. Прделанная работа позволяет более органично связать развитие высшего образования и науки с личностью В.П. Волгина как человека, ученого, государственного и общественного деятеля, с его гражданскими и нравственными позициями.

На основе проанализированного материала в жизни В.П. Волгина можно выделить следующие этапы:

- 1879 – 1918 гг. – становление личности, обучение в Московском университете, выбор темы научных исследований, революционная и публицистическая деятельность;
- 1919 – 1929 гг. – административная и педагогическая работа в Московском университете и других высших учебных заведениях, органах управления образованием и наукой;
- 1930 – 1935 гг. – активное участие в перестройке работы АН СССР;
- 1936 – 1962 гг. – общественная, научно-исследовательская и редакторская деятельность.

В историографии до сих пор отсутствовало критическое осмысление административной деятельности В.П. Волгина в области высшего образования и науки. Анализ имеющейся литературы показал, что целый ряд проблем, касающихся его биографии и деятельности в различных научно-образовательных структурах, еще не был разработан исследователями.

На становление личности В.П. Волгина и на формирование его политического мировоззрения большое влияние оказал пример отца-

народника, благодаря которому он стал интересоваться вопросами революционного движения и социализма. Знакомство и дружба с социалистами (Б.Д. Рязановым, В.И. Невским и другими), а также чтение марксистской литературы определили гражданственные и нравственные позиции В.П. Волгина. Обучение в Московском университете, участие в студенческом движении, вступление в РСДРП, работа в партии сформировали у него представление о своей будущей научной специальности – истории социалистических идей. Все это позволяет утверждать, что В.П. Волгин сформировался как патриот, желающий активно изменять жизнь общества к лучшему, как человек науки, с четким, последовательным аналитическим мышлением.

Установление в России советской власти помогло раскрыться многим талантам В.П. Волгина. Теперь он уже официально мог включиться в преобразование страны, в частности, в построение советского варианта образования и науки. В.П. Волгин был назначен на ряд ответственных должностей, энергично занялся разработкой законопроектов в области высшего образования. На основании проанализированного материала мы можем заключить, что в 1921 г. Вячеслав Петрович был назначен на один из ключевых постов в I МГУ – он стал деканом ФОНа. Факультета, призванного сыграть ведущую роль в политическом воспитании и марксистской закалке студенчества всего Московского университета (ведь именно его кадры обеспечивали преподавание дисциплин общественного минимума на всех факультетах МГУ). Более того, на ФОН ложилась также задача оказания помощи в привлечении «старого» профессорско-преподавательского персонала на сторону марксизма. В.П. Волгину повезло быть не только теоретиком реформы высшего образования в стране, но и практиком. Благодаря работе в Наркомпросе он, став деканом ФОНа, смог воплотить в жизнь, разработанные при его участии постановления.

В целом, его работу на ФОНе можно оценить положительно: за весьма непродолжительный период В.П. Волгин заложил основу для дальнейшего развития факультета, вдохнул в него новую жизнь, сумел наладить учеб-

ный процесс согласно целям и задачам, которые предъявляло советское государство по отношению к подготовке молодых, идейных, преданных советской власти специалистов. На формирование у студенчества советского общественного сознания оказывали влияние также его лекции и семинары по истории социализма, по истории французского социализма в начале XIX в., истории домарксова социализма.

Благодаря занимаемым должностям В.П. Волгин имел возможность участвовать в преобразовании высшего образования на всех уровнях: от обсуждения проектов в различных органах Наркомпроса до реализации постановлений через Правление университета. Став ректором, он ввел в жизнь, разработанный при его непосредственном участии, самый главный документ для вузов – устав высшей школы.

Проведенный анализ указывает на то, что В.П. Волгин оказал существенное влияние на университетскую жизнь, поскольку большинство задач, поставленных перед ним правительством (советизация вуза, демократизация приема и т.п.) было выполнено. Достигнутые результаты в преобразовании высшего образования в это время можно рассматривать как закладку фундамента советской высшей школы. Таким образом, В.П. Волгин оказал влияние на формирование советского типа вуза, сложившегося в основных чертах к исходу 1920-х гг.

В.П. Волгин решил еще одну важную задачу, поставленную перед ним государством – наладил подготовку специалистов, владеющих марксистской методологией. В то время считалось, что систематическое изучение марксизма-ленинизма, усиленная работа над повышением теоретического уровня и политического кругозора студенчества поможет в будущем сплотить их и направить на выполнение практических политических, хозяйственных и культурных задач. Лекции и семинары по истории социалистических идей, которые вел В.П. Волгин на протяжении всей своей работы в университете, также способствовали гражданскому и нравственному воспитанию студентов, формированию у них определенного кругозора.

Ректор Московского университета В.П. Волгин выработал определенный стиль административной работы. Он умел четко обозначить проблему, наметить пути ее решения, ясно изложить коллегам свои мысли, а потом последовательно и упорно воплощать выработанную концепцию на практике. В.П. Волгин на всех своих должностях демонстрировал силу воли и упорство, не позволял невежеству, а также излишнему «старанию» и перегибам, брать верх при решении ряда принципиальных вопросов. Благодаря своему авторитету руководителя, спокойной манере поведения, уважительному отношению к коллегам и сдержанности в общении он умел сглаживать возникающие в коллективе конфликтные ситуации. Управленческая деятельность Вячеслава Петровича в должности ректора получила в дальнейшем творческое продолжение, развитие и обогащение, а впоследствии успешно послужила совершенствованию системы советского управления в области науки.

Этнологический факультет ИМГУ сформировался во многом благодаря заботам В.П. Волгина. Ссылаясь на опыт ФОНа Вячеслав Петрович пытался создать более основательный в научном плане факультет, наладить четкую и основательную специализацию историков.

Проведенный анализ ряда изданных и неизданных источников позволяет утверждать, что В.П. Волгин, будучи назначенцем партии на должность неперменного секретаря АН СССР, являлся проводником партийных и государственных идей в Академии. Оказанное доверие говорит о том, что партия считала его опытным, уже хорошо зарекомендовавшим себя управленцем. Как показано в соответствующей главе, перестройка основ работы ученых в Академии применительно к требованиям социалистического строительства выполнялась по тому же шаблону, что и советизация вузов в 1920-е гг.

Проанализированные статьи В.П. Волгина и другие источники, посвященные различным вопросам жизни АН СССР, позволили сформулировать четкие установки неперменного секретаря относительно перестройки Академии. Во-первых, она должна содействовать правительству в разреше-

нии важных для развития страны вопросах, а не заниматься свободным творчеством. Во-вторых, необходимо обязательно планировать научную работу, чтобы максимально приблизить ее к жизненно важным, практическим целям. В-третьих, центральное научное учреждение страны обязано иметь в своем составе достаточное число марксистов, среди академиков не должны присутствовать люди, враждебно относящиеся к социалистическому строю. В-четвертых, основополагающим принципом исследований в области гуманитарных наук является, по твердому убеждению В.П. Волгина, использование единственно верного марксистского метода. В-пятых, неприменимый секретарь призывал академиков не только планировать научную работу, но и показывать ее результаты советскому народу. Сформулированные выводы позволяют положительно оценить деятельность В.П. Волгина в АН СССР.

Управленческая деятельность В.П. Волгина была тесно переплетена с его научно-исследовательской работой над избранным им объектом исследования – историей социалистических идей. Эта тема была не только слабоизученной с научной точки зрения, но и прекрасно вписывалась в проблематику марксистской исторической науки, что в свою очередь помогало В.П. Волгину занимать высокое положение в научно-образовательном сообществе и почетные должности в научных учреждениях.

Основным вкладом В.П. Волгина в историческую науку является создание им новой отрасли исторического знания – истории социалистических идей домарковского периода. Он продвигал тезис о том, что марксизм возник не на пустом месте, а имеет глубокие корни. В.П. Волгин впервые дал глубокий научный марксистский анализ идейного наследия крупнейших представителей общественной мысли прошлого и впервые создал единую научную концепцию развития социалистической мысли. Благодаря внимательному отношению В.П. Волгина к тексту мы можем сегодня пользоваться фундаментальными переводами (с подробными

комментариями и вступительными статьями) сочинений крупнейших представителей общественной мысли прошлого.

В.П. Волгин проявил себя как человек, посвятивший жизнь развитию и приумножению культурного и научного наследия страны и руководствовавшийся принципами и идеями государственного служения своему народу. Неиссякаемое трудолюбие и твердая воля позволила ему работать до последних дней жизни. Даже болезни, слепота и общий упадок сил не могли сломить желания Вячеслава Петровича работать на благо исторической науки. Перефразируя Н. Островского, можно сказать, что В.П. Волгин, как Павка Корчагин, умел жить и тогда, когда жизнь уже становилась просто невыносимой, он пытался сделать ее полезной людям.

Подводя итоги изучения биографии ректора Московского университета В.П. Волгина, мы можем констатировать, что Вячеслав Петрович оставил после себя бесспорно яркий след. Хотя на должности ректора он состоял весьма небольшой отрезок времени, но в его жизни это был важнейший (как для него, так и для университета) период. В.П. Волгин, можно сказать, был первым советским ректором и в такое неимоверно тяжелое время – время разрухи и перестройки. Однако многие стороны жизни этого интересного человека и талантливого ученого еще ждут своего исследователя. Более глубокое и детальное изучение деятельности В.П. Волгина позволит создать цельный образ ученого и тем самым внести отчасти забытое имя в галерею великих научных деятелей нашего отечества.

Список источников и литературы

Источники

1. Архивные материалы

Архив Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Ф. 1.

Архив Российской Академии наук

Ф. 350. Коммунистическая академия при ЦИК СССР.

Ф. 355. Институт философии Коммунистической академии при ЦИК СССР.

Ф. 359. Институт истории Коммунистической академии при ЦИК СССР.

Ф. 401. Секретариат Вице-президента АН СССР Г.М. Кржижа-новского.

Ф. 411. Главное управление кадров Президиума Российской академии наук.

Ф. 514. Волгин Вячеслав Петрович, (1879–1962), историк, академик АН СССР (1930), Вице-Президент АН СССР (1942–1953).

Ф. 1577. Институт истории Академии наук СССР.

Ф. 1759. Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк, академик АН СССР (1929).

Ф. 1813. Захарова Мария Николаевна, (1906–1984), историк, доктор исторических наук (1967).

Центральный архив города Москвы.

Ф. 1609. 1917–1940 гг. Московский государственный университет (I-й им. М.Н. Покровского) Народного Комиссариата просвещения РСФСР Главного управления профессионального образования (1917–1936 гг.).

Центральный исторический архив Москвы.

Ф. 418. Московский Императорский университет.

2. Публикации источников

Академическое дело 1929–1930 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. Спб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1–2. Спб., 1998.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991/1922–1952. / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000.

Академия наук к XVII партсъезду. I. Общий отчет. Л., 1934.

Алфавитный список студентов императорского Московского университета за 1897–1908 акад. годы. 97/98. С. 74; 98/99. С. 77; 1901/1902. С. 43; 1906. С. 24; 1907/1908. С. 73.

Бушуев С. 25 лет исторической науки в СССР // Большевик. 1943. № 1. С. 73–80.

Бюллетень научно-технической секции ГУС. 1925. № 7.

Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968.

Деятельность Правления университета (с 18 мая 1925 года по 28 мая 1926 г.). М., 1927.

Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л., 1929.

Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. Платонов, Тарле и их школы. М.; Л., 1931.

И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920–1930-е годы. Спб., 2006.

Комиссия по истории знаний. 1921–1932. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Составители В.М. Орел, Г.И. Смагина. Спб., 2003.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. Изд. 7-е. М., 1953.

Ленин В.И. ПСС. Т. 7; Т. 36. М., 1962; Т. 52.

Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 1. От января до июльских событий. М., 1994; Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995; Т. 3. Меньшевики в 1917 году: От корниловского мятежа до конца декабря. Часть 1. Август – первая декада октября. М., 1996.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году. М., 1999.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1919–1920 г. М., 2000.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922. М., 2002.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1922–1924. М., 2004.

Меньшевики в советской России. Сборник документов. Казань, 1998.

Меньшевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. М., 1996.

Московский государственный университет за первое советское десятилетие (1917–1927). М., 1928.

«Наше положение хуже каторжного»: Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. Вып. 3. С. 109–140.

Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188–205.

Обозрение преподавания факультета общественных наук 1-го МГУ на 1922/23 ак. год. М., 1923.

Обозрение преподавания этнологического факультета 1-го МГУ на 1925–26 акад. год. М., 1926.

Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М., 2010.

Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского Государственного Университета за 1922 г. М., 1923.

Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского Государственного Университета за 1923 г. М., 1924.

Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского Государственного Университета за 1924 г. М., 1925.

Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского Государственного Университета за 1925–1926 г. М., 1927.

Перченков Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 163–235.

Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2005.

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2–7, 9.

СУ. 1918 № 39; 1919. № 45; 1921. № 65.

Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009.

Учебный план, программы и пособия. Этнологический факультет I МГУ. М., 1929.

Факультет общественных наук 1-го МГУ. М., 1925.

Февральский пленум ЦК ВКП(б) и наши задачи // Вестник АН СССР. 1937. № 4–5. С. 2–14.

Юрьева Ю., Рейзлин Д. Н.М. Покровский. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 580–599.

3. Переписка, мемуарная и биографическая литература

Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1909–1940 / Отв. ред. Б.В. Левшин. М., 2007.

Волгин В.П. (Автобиографическая заметка) [Автобиографии и библиографические очерки, составленные А.Н. Максимовым] // Русские ведомости. 1863–1913: Сб. статей. М., 1913. Отдел. 2. С. 41.

Волгин В.П. Автобиография // Энциклопедический словарь Русского библиографического института братьев А. и И. Гранат. 7-е изд. М., 1927. Т. 41. Ч. 1. Стб. 86–89 (То же в: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь братьев А. и И. Гранат. Репринтное изд. М., 1989. С. 389–391).

В.П. Волгин: Некролог // Вестник АН СССР. 1962. № 8. С. 80–81.

В.П. Волгин: Некролог // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 216–217.

В.П. Волгин: Некролог // Новая и новейшая история. 1962. № 4. С. 197.

Воспоминания о Вячеславе Петровиче Волгине // Французский ежегодник. 1962. М., 1963. С. 487–498.

Галкин И.С. Записки ректора Московского университета. М., 2004.

Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.

Далин В.М. Благороднейший человек (Из воспоминаний о В.П. Волгине) // Французский ежегодник 1979. М., 1981.

Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1995. № 9; № 11–12.; 1996. № 1.; № 2–4; № 7; № 9.

Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (Очерки). М., 1903.

Курбский В. Очерки студенческой жизни (Из дневника бывшего студента). М., 1912.

Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина // Французский ежегодник. 1979. М., 1981. С. 25–38.

Мадор Ю.П. Материалы к биографии В.П. Волгина. В.П. Волгин в последние годы жизни // Французский ежегодник. 1970. М., 1972. С. 231–243.

Ознобишин Д.В. О сотрудничестве с В.П. Волгиным // Французский ежегодник. 1979. М., 1981. С. 23–24.

Переписка с сотрудниками «Русского Богатства» // История социалистических учений. Памяти академика В.П. Волгина. М., 1964. С. 488–489.

Письма Д.М. Петрушевскому и Ф.В. Потемкину // История социалистических учений. М., 1977. С. 269–274.

Пятницкий О. Записки большевика. Л., 1925.

Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3–6.

4. Периодические издания

Вестник ФОНа. 1922–1923 гг.

Высшая школа. 1938 г.

Красная молодежь. 1924–1925 гг.

Красное студенчество. 1926–1928 гг.

Новая жизнь. Вып. 1–2. Л., 1925; Вып. 3–4. Л., 1926.

Историография:

Аврус А.И. История российских университетов: Курс лекций. Саратов, 2005.

Автухов И.Г., Огородников И.Т., Хаит И.А. Организация и методика работы в высшей школе. М., 1934.

Академик В.П. Волгин – лауреат Ленинской премии // Вопросы истории. 1961. № 7. С. 3–5.

Академик М.К. Любавский и Московский университет / Под ред. А.Я. Дегтярева, А.В. Сидорова. М., 2005.

Алаторцева А.И. Как начиналась «советизация» Академии наук // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 719–726.

Алаторцева А.И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов // История и сталинизм. М., 1991. С. 248–283.

Александров Д.А. Вузовские забастовки: высшая школа и власть в Советской России 1919–1922 гг. // // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1996. М., 1997. С. 59–62.

Александров Д.А., Колчинский Э.И. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // Наука и безопасность России: историко-научные, методологические, историко-технические аспекты / Ред. А.Г. Назаров. М., 2000. С. 288–325.

Алексеев-Попов В.С. Наш спутник // Французский ежегодник. 1979. М., 1981. С. 19–22.

Альтман В.В. Памяти академика В.П. Волгина: (К 3-летию со дня смерти) // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 181–182.

Ангран П. В.П. Волгин как историк французской социальной мысли // Французский ежегодник. 1962. М., 1963. С. 499–500.

Андреев Д.А. «Красное студенчество» в начале 1920-х гг.: дисс. кандидата исторических наук. СПб., 2007.

Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006.

Артизов А.Н. Судьба историков школы М.Н. Покровского // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.

Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. Л., 1971. Т. VI. С. 139–141.

Байгарина А.Е. Высшая школа в условиях политической системы 1917–1927 гг.: автореф. канд. ист. наук. М., 1995.

Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы. 1945–1955. М., 1988.

Бейлин А.Е. Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост. М., 1935.

Бовыкин В.П., Латышева О.И. Московский университет в революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 49–58.

Брандербергер Д.Л. Посмертное убийство Покровского: Прелюдия к публичному «разоблачению» отца советской марксистской историографии.

Январь 1936 г. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 1999.

Браславский И.Я. Первое десятилетие советской высшей школы (1917–1927 гг.) // Вестник высшей школы. 1957. № 6.

Брачев В.С. Крестный путь русского историка. Академик С.Ф. Платонов и его «дело». СПб., 2005.

Брачев В.С. Опасная профессия – историк. СПб., 2005.

Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М., 1957.

В.П. Волгин – лауреат Ленинской премии // Новая и новейшая история. 1961. № 3. С. 159.

Волгин В.П. // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 8. 2-е изд. М., 1951. С. 613–614.

Волгин В.П. // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 12. М., 1928. Стб. 710–711.

Волгин В.П. // Москва: Энциклопедия. М., 1980. С. 179.

Волгин В.П. // Ректоры Московского университета (Биографический словарь). Справочно-информационная серия «Московский университет на пороге третьего тысячелетия». Вып. 11. М., 1996. С. 170–175.

Волгин Вячеслав Петрович // Большая Энциклопедия в шестидесяти двух томах. Т. 10. М., 2006. С. 30.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. II. Ч. 1–2. М., 1989.

Вручение Ленинской премии академику В.П. Волгину // Вестник АН СССР. 1961. № 9. С. 114.

Все о Московском Университете (1755–2001). Библиографический указатель. М., 2002.

Выдающийся вклад в историческую науку: (К присуждению Ленинской премии акад. В.П. Волгину) // Преподавание истории в школе. 1961. № 4. С. 19–20.

Вячеслав Петрович Волгин (1878–1962) // Воспитанники Московского университета – большевики ленинского поколения: Библиогр. словарь. Вып. 3. М., 1982. С. 74–82.

Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962 гг.): Те, чье дело мы продолжаем // Наука и религия. 1968. № 6. С. 51.

Вячеслав Петрович Волгин. Серия истории (вступ. статья Ф.А. Ротштейна; библиография сост. Н.М. Асафовой). Вып. 4. М., 1954.

Галин С.А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917–1925). М., 1990.

Галкин И.С. Н.М. Лукин – революционер, ученый. М., 1984.

Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958.

Гладышев А.В. Три советских историка французского утопического коммунизма: Волгин, Поршнева, Кучеренко // Французский ежегодник. М., 2007. С. 201–212.

Голубцова Н.И. В.П. Волгин – исследователь истории общественной мысли во Франции в XVIII веке // Французский ежегодник. 1979. М., 1981. С. 15–18.

Горбачева А.Н., Григорьева В.З. Юбилейная выставка книг // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 212–214.

Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

Гордон А.В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005.

Государственные университеты. М., 1934.

Далин В.М. Изучение истории французского социализма (до 1914 г.) в советской науке // Новая и новейшая история. 1974. № 2. С. 147–157.

Данилова Е.Н. 1920-е годы в судьбе Московского университета // История Московского университета. 1755–2004 гг. Материалы V научных чтений памяти профессора А.В.Муравьева: Ломоносовские чтения 2004 г. М., 2004. С. 236–249.

Демидова Е.И. Формирование советской системы высшего образования. Саратов, 2007.

Державин Н.С. Высшая школа и революция. М.-П.-д., 1923.

Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

Дунаевский В.А. Введение // *Волгин В.П.* Статьи и выступления. М., 1979. С. 3–5.

Дунаевский В.А. Научно-общественная деятельность академика В.П. Волгина в дооктябрьский период (по новым материалам) // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 219–226.

Дунаевский В.А. Некоторые вопросы истории социалистических идей в освещении советской историографии (1917–1934 гг.): Памяти академика В.П. Волгина. Доклад // Первая научная сессия: Совет по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам ЦЧЭР. Воронеж, 1962. С. 122–123.

Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941. М., 1974.

Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981.

Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. К истории публикации исследования В.П. Волгина о Жане Мелье // История и историки: Историографический ежегодник. 1976. М., 1978.

Дунаевский В.А., Поршнев Б.Ф. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917–1963) // История социалистических учений. Памяти академика В.П. Волгина. М., 1964. С. 3–91.

Дурновцев В.И. 100 лет со дня рождения академика В.П. Волгина: Научная сессия отделения истории // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 211–212.

Елютин В.П. Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1967). М., 1967.

Есаков В.Д. Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. М., 1997. – <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/moskva/452-467.pdf>

Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971.

Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., 2005.

Желенина И.А. Из истории международных конгрессов исторических наук // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 182–189.

Жуков В.И. Высшая школа России: исторические и современные сюжеты. М., 2000.

Жуков Е.М. В.П. Волгин – организатор советской исторической науки // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 3–5.

Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000.

Зиновьев С.И. Учебный процесс в советской высшей школе. М., 1968.

Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999.

Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. М., 1968.

Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). М., 1980.

Из истории Московского университета (1917–1941). Сб. ст. М., 1955.

Из истории социально-политических идей. Сб. статей. К 75-летию акад. В.П. Волгина, М., 1955.

Ильинский И.М. Образовательная революция. М., 2002.

Ильченко Е.В. Академик И.Г. Петровский – ректор Московского университета. М., 2001.

Искендеров А.А. В.П. Волгин и проблемы всеобщей истории // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 6–12.

Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006.

Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2001.

Историческая наука в Московском университете. 1755–2004 / Под ред. С.П. Карпова. М., 2004.

Историческая наука в XX веке. М., 1997.

Исторические науки / Под ред. В.П. Волгина. М.; Л., 1945.

Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: к 70-лет. юбилею ист. фак. / Сост. Л.С. Леонова. М., 2004.

История и историки высшей школы России: уроки, проблемы, идеи. Материалы девятой Всероссийской заочной научной конференции / Науч. ред. С.Н. Полторака. СПб., 1998.

История и историки: Историографический ежегодник. М., 1965.

История Московского университета. Т. 1–2. М., 1955.

К 75-летию академика В.П. Волгина // Вестник древней истории. 1954. № 4. С. 180.

К восьмидесятилетию академика Вячеслава Петровича Волгина // Вопросы истории. 1959. № 9. С 198–203.

К юбилею академика В.П. Волгина: К 80-летию со дня рождения // Вестник древней истории. 1959. № 2. С. 219.

Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа. 1921–1927. Саратов, 1991.

Кизеветтер А.А. Московский университет и его традиции. Роль Московского университета в культурной жизни России. Прага, 1927.

Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии Наук СССР. М.; Л., 1945.

Кольцов А.В. Академик В.П. Волгин – организатор соетской науки: К 100-летию со дня рождения // Вестник АН СССР. 1979. № 8. С. 105–111.

Кулыгина Л.С. Институт истории при ФОН МГУ и его первые работы по истории СССР // Вестник Московского университета. 1971. № 1. С. 61–69.

Летопись исторического факультета МГУ 1934–1994 гг. М., 1994.

Летопись Московского университета. Т. I: 1755–1952 / Автор-состав. Е.В. Ильченко. М., 2004.

Летопись Московского университета. М., 1979.

Манфред А.З. Волгин В.П. // Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 3. М., 1961. Стб. 662–663.

Манфред А.З. Волгин В.П. // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 5. 3-е изд. М., 1971. Стб. 871–873.

Манфред А.З. К восьмидесятилетию академика Вячеслава Петровича Волгина // Новая и новейшая история. 1959. № 4. С. 119–126.

Манфред А.З. Ученый-революционер: К присуждению Ленинской премии 1961 г. В.П. Волгину за научную работу «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» и серию «Предшественники научного социализма» // Культура и жизнь. 1961. № 8. С. 46–47.

Марков Г.Е., Соловей Т.Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 79–91.

Международные научные связи Академии наук СССР 1917–1941 гг. М., 1992.

Межуев В.М. Социализм – пространство культуры (Еще раз о социалистической идее) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 82–92; № 4. С. 112–120.

Московский государственный университет к XX-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1937.

Московский университет 1755–1930. Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского Комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета. Париж, 1930.

Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Материалы международной конференции. М., 2004.

Мохначева М.П. Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография. М., 1996.

Новиков М. Современное состояние высшей школы в России // Русская школа за рубежом. Кн. 19–20. Прага, 1926. С. 25–51.

Об образовании. Евразийское пространство: К 20-летию Евразийской ассоциации университетов. М., 2009.

Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. М., 1931.

Организация науки / Под ред. Г.М. Доброва. Киев, 1970.

Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л., 1968.

Пархоменко А.А. Академик Н.П. Горбунов: взлет и трагедия. Штрихи к биографии неперменного секретаря Академии наук СССР // <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/os/408-423.pdf>

Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 96–104.

Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 163–235.

Плюсин-Кронин Б.А. Новый этап. Новая система народного образования в РСФСР и новые программы Государственного Ученого Совета. М., 1925.

Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 3–31.

Приветствие акад. В.П. Волгину в день 75-летия // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 175.

Профессора и доктора наук Московского государственного университета. Биографический словарь. М., 1997.

Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Д.Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996.

Рокитянский Я.Г. Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б. Рязанов социал-демократ, правозащитник, ученый. М., 2009.

Рокитянский Я.Г. Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К.Маркса и Ф.Энгельса (март 1931 г.) // Отечественные архивы. 2008. № 4. – <http://www.rusarchives.ru/publication/ryazanov.shtml>

Российская академия наук. История и современность. Краткий очерк. М., 1999.

Российская академия наук. Персональный состав. М., 1999. Кн. 2. 1918–1973.

Российская академия наук. Список членов академии. 1724–2009. М., 2009.

Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века / Под ред. Л.И. Семенниковой. М., 2009.

Русские и советские ученые на международных конгрессах историков // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 230–233.

Савина Г.А. Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров – президент АН СССР // <http://www.arran.ru/index.php?page=publications/savina/a2>

Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921–1927 гг.). М., 1977.

Сафразьян Н.Л. Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917–1925 г.). М., 1987.

Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008.

Синецкий А.Н. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы в СССР. М., 1950.

Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1939 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

Слонимский А.Г. Участие российских ученых в международных конгрессах историков // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 95–108.

Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

Соколов О.Д. М.Н. Покровский – выдающийся организатор научно-исследовательской работы в СССР // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 30–45.

Соловей Т.Д. Два кризиса отечественной этнологии: 20-е и 90-е годы XX века // История Московского университета. 1755-2004 гг. Материалы V научных чтений памяти профессора А.В.Муравьева: Ломоносовские чтения 2004 г. М., 2004. С. 264–282.

Соловей Т.Д. История отечественной этнологии 1917 – середина 1930-х гг. (Основные тенденции): дис. канд. ист. наук. М., 1994.

Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История Отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998.

Солодкова Э.И. Научно-справочный аппарат к личным фондам ученых в архивах академии наук СССР (история, современное состояние и перспективы развития): автор. дисс. канд. наук. М., 1989.

Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия. Тамбов, 1981.

Толстов С.П. Сорок лет советской этнографии // Советская этнография. 1957. № 5. С. 31–55.

Таньшина Н.П. Волгин Вячеслав Петрович // Новая Российская энциклопедия. Том IV (1). М., 2007. С. 152–153.

Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР. М., 1995.

Украинцев В.В. КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963.

Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР (1917–1937). М., 1966.

Университеты и научные учреждения к XVII съезду ВКП(б). М.-Л., 1934.

Ученые записки МГУ. Выпуск 51. М., 1940.

Ученые Московского университета – действительные члены и члены-корреспонденты Российской Академии наук (1755–2004). Биографический словарь. М., 2004.

Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.

Фролкин П.П. Исторический опыт реформирования отечественной высшей школы. Саратов, 2001.

Хаинсон Ю.И. Присуждение премии имени В.П. Волгина // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 216–220.

Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988.

Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.

Чествование академика В.П. Волгина 25 апреля 1961 г. в Институте истории АН СССР // Новая и новейшая история. 1961. № 4. С. 180.

Чествование академика В.П. Волгина в связи с 75-летием со дня рождения // Вестник АН СССР. 1955. № 1. С. 98–99.

Чуткeraшвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. М., 1961.

Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР: историко-правовое исследование (1917–1936). М., 1985.

Штекли А.Э. Утопии и социализм. М., 1993.

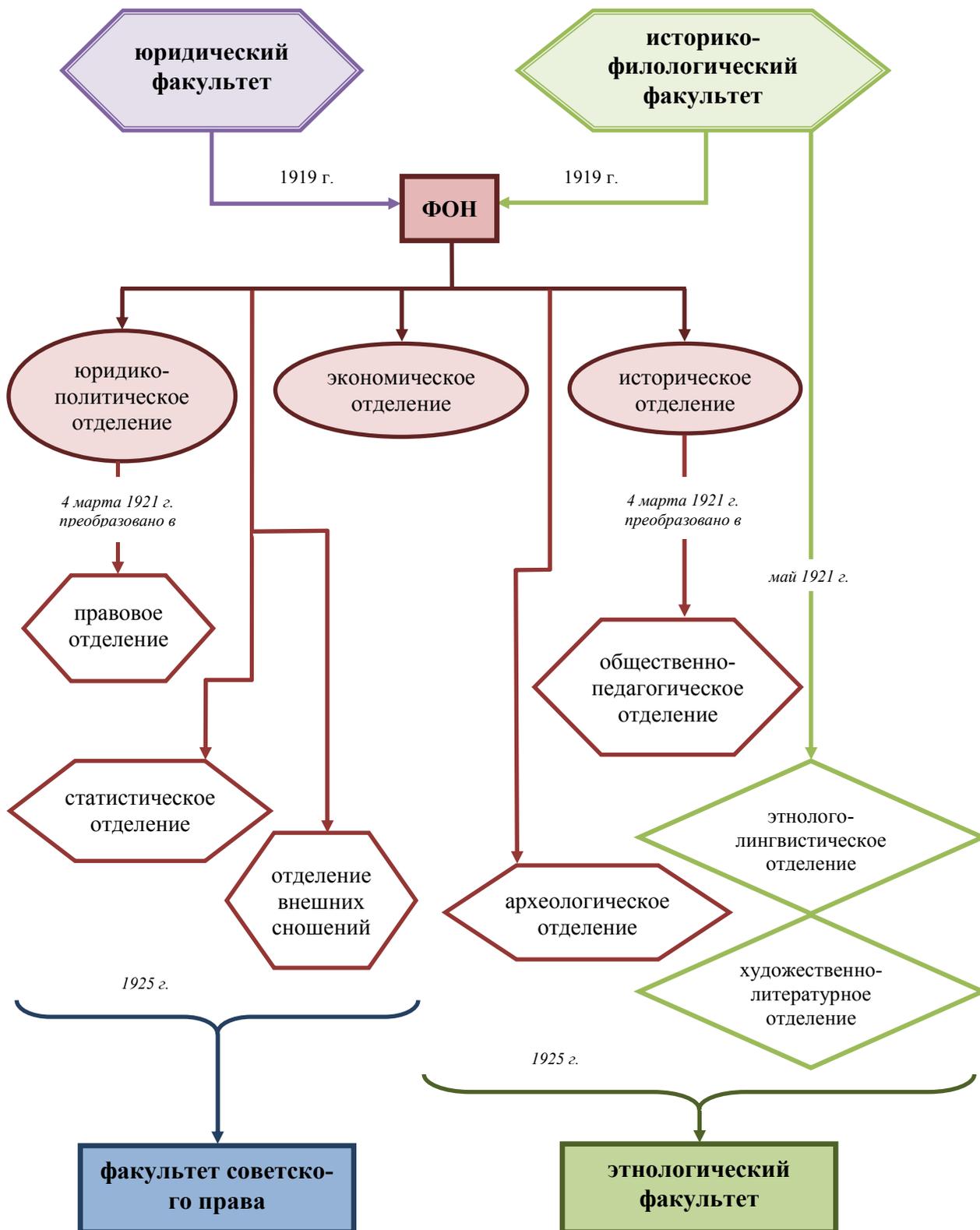
Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России последняя четверть XIX в. М. 1987.

Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004.

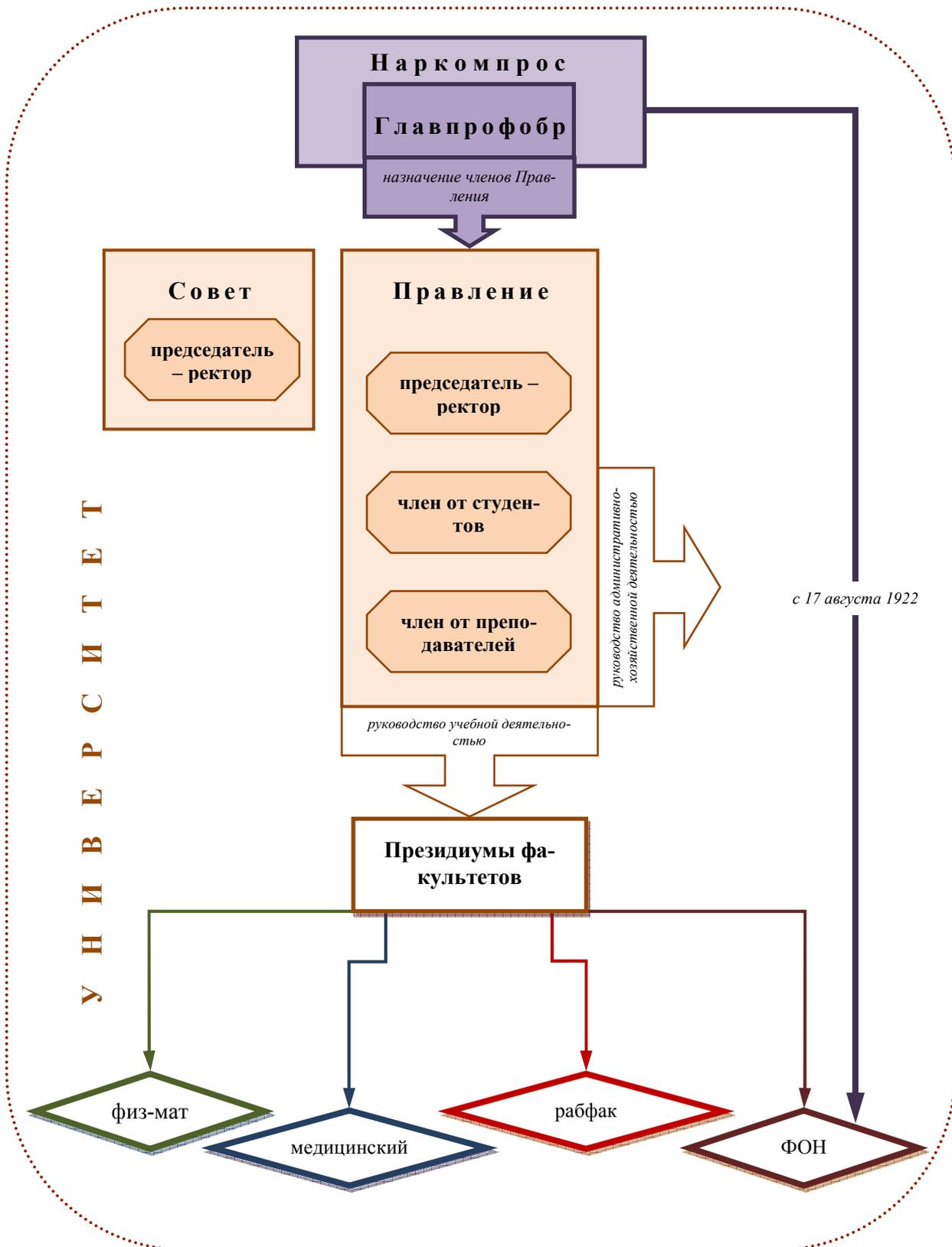
Яковлева В.Н. Общее положение профессионального образования в РСФСР. М., 1922.

Приложения

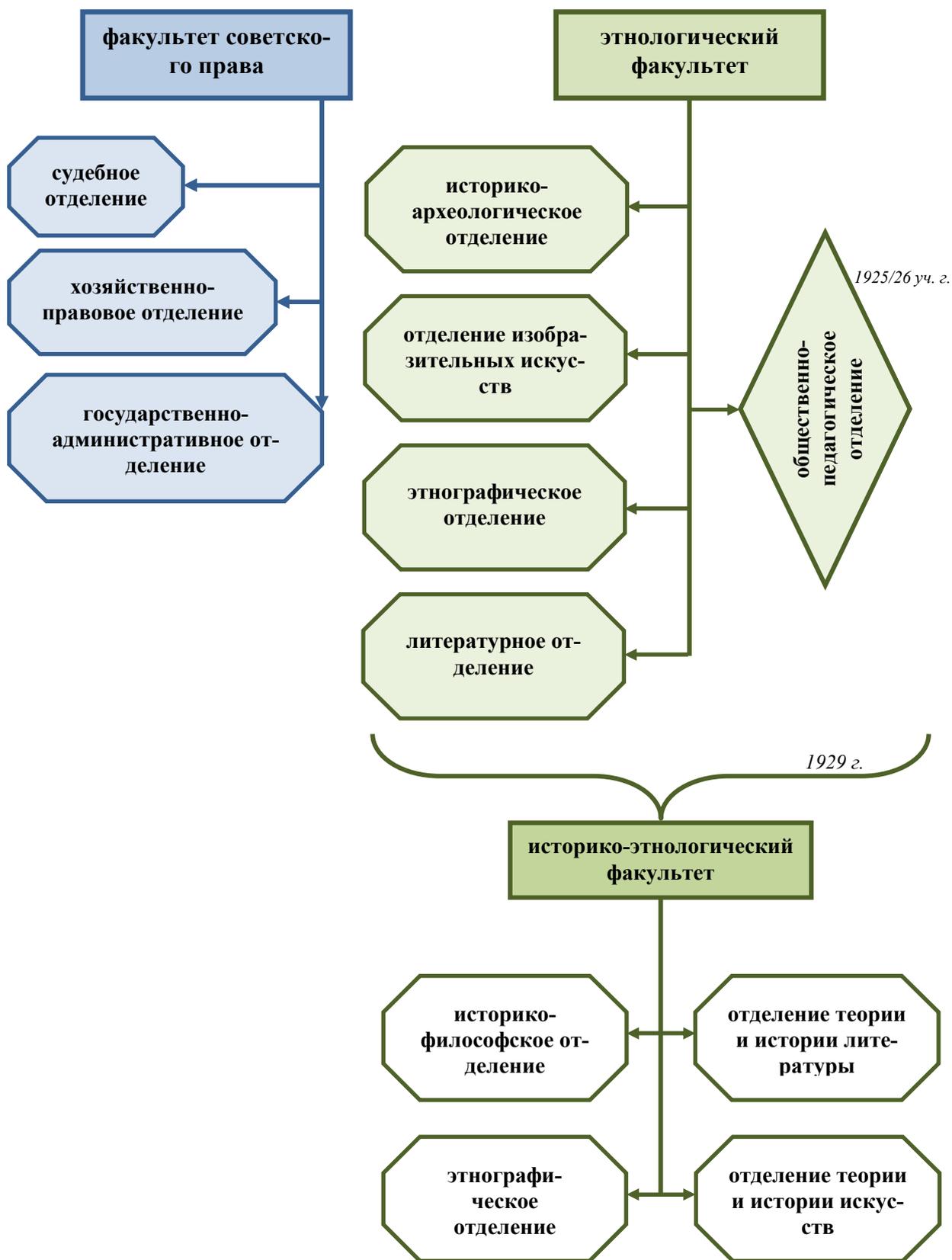
Приложение № 1. Схема развития факультета общественных наук (1919–1925 гг.)

Приложение № 2. Схема управления МГУ в 1921–1925 гг.

Приложение № 3. Схема развития гуманитарных факультетов МГУ (1925–1930 гг.)

Приложение № 4. Библиография трудов В.П. Волгина

1905

- Борьба за власть // Новая жизнь. 28 октября (10 ноября).
- Конгресс французской социалистической партии // Новая жизнь. 11 (24) ноября.
- Армия и народ // Новая жизнь. 12 (25) ноября.
- Интернационализм революций // Новая жизнь. 18 ноября (1 декабря).
- Прения по поводу отделения церкви от государства во Французском сенате // Новая жизнь. 20 ноября (3 декабря).
- Падение консервативного министерства в Англии // Новая жизнь. 25 ноября (8 декабря).
- Борьба буржуазии с рабочими синдикатами во Франции // Новая жизнь. 29 ноября (12 декабря).
- Восточный вопрос и русская политика // Новая жизнь. 2 (15) декабря.

1906

- Ред.: Основные вопросы программы и тактики на съездах германской социал-демократии. М. Вып. 1. Программа партии. - 96 с.

1907

- Рец.: *Вейль Ж.* История социального движения во Франции. 1852– 1903 / Пер. с фр. Л. Борисовича с приложением очерка «Объединение французских социалистов». М., 1906. - 530 с.; То же / Пер. М. Брагинского. СПб., 1906. - 460 с. // Библиографический сборник: Обзор литературы по новейшей истории Западной Европы. М. Вып. 1. Франция, Англия, Германия. № 2. С. 11.
- Рец.: *Галеви Д.* Очерки по истории рабочего движения во Франции / Пер. с фр. под ред. Галяшкина. М., 1906. - 328 с. // Библиографический сборник: Обзор литературы по новейшей истории Западной Европы. М. Вып. 1. Франция, Англия, Германия. № 2. С. 12.

Рец.: *Жеффруа Г.* Бланки, его жизнь и революционная деятельность / Пер. с фр. А. Серебряковой. М., 1906. - 311 с.; То же под заглавием: Заключенный. Жизнь и революционная деятельность Огюста Бланки: Пер. с фр. СПб., 1906. - 315 с. // Библиографический сборник: Обзор литературы по новейшей истории Западной Европы. М. Вып. 1. Франция, Англия, Германия. № 2. С. 14.

Рец.: *Луи П.* Французские мыслители и деятели XIX века / Пер. с фр. Н-на. СПб., 1905. - 190 с. // Там же. С. 23.

Рец.: *Маркс К.* 18 брюмера Луи Бонапарта / Пер. с фр. под ред. Рожкова. М., 1906. - 126 с.; То же под заглавием: Материалы к изучению истории Франции. СПб., 1905. - 128 с. // Там же. С. 24.

Ред.: Основные вопросы программы и тактики на съездах германской социал-демократии. М. Вып. 2. Аграрный вопрос. - 160 с.

1911

Судьбы английского крестьянства. М. - 64 с.

1912

Общественные теории XVIII века во Франции // Книга для чтения по истории нового времени. М. Т. 3. С. 179–217.

Социально-экономический строй Франции при Наполеоне I // Отечественная война и русское общество. М. Т. 1. С. 103–118.

1913

Международный конгресс историков в Лондоне // Голос минувшего. № 5. С. 277–280.

Рец.: Книга для чтения по древней истории. М., 1913. Ч. 1 // Вестник воспитания. № 2. С. 42–45.

1914

Англия и Германия. М. - 44 с.

Французская книга о Вильгельме II // Голос минувшего. № 9. С. 302–319.

1915

Балканские дела // Летопись. Декабрь. С. 197–207.

1916

- Проблема мира в Западной Европе // Летопись. № 1. С. 309–324.
- Английские дела // Летопись. № 2. С. 324–336.
- Кризис в Китае // Летопись. № 3. С. 224–231.
- Война и Ближний Восток // Летопись, № 4. С. 246–254.
- Из иностранной хроники // Летопись. № 8. С. 249–254.
- Из иностранной хроники (Выступление Румынии. Кризис в Греции. На Дальнем Востоке) // Летопись. № 9. С. 230–236.
- Из иностранной хроники (Конференция германской социал-демократии. Конгресс тред-юнионов. Кризис в Греции) // Летопись. № 10. С. 269–278.
- Из иностранной хроники; (Убийство Штюрка. Выборы в Соединенных Штатах) // Летопись. № 11. С. 223–227.

1917

- Англия и Германия. М. - 44 с.
- Русская революция и орган английской буржуазии // Известия МСРД. 29 апреля.
- Зарницы [Обзор международного положения] // Известия МСРД. 8 мая.
- Организация буржуазных сил // Известия МСРД. 19 мая.
- Среди европейских захватчиков // Известия МСРД. 29 мая.
- Французские социалисты и Интернационал // Известия МСРД. 1 июня.
- Некоторые итоги 1916 г. // Летопись. С. 205–213.
- Американская добродетель (Американцы о целях войны) // Известия МСРД. 12 июня.
- Условия мира германского большинства // Известия МСРД. 20 июня.
- Программа германского меньшинства // Известия МСРД. 11 июля.
- Кризис в Германии // Известия МСРД. 14 июля.
- Революционная диктатура // Известия МСРД. 12/25 июля.

1918

- Жан Мелье и его «Завещание» // Голос минувшего. № 1–3. С. 5–46.
- Германия и Турция // Рабочий мир. № 16. С. 12–15.
- Германская революция // Рабочий мир. № 18. С. 17–19.

Рец.: *Фурье Ш.* Избр. соч. / Пер. с фр. под ред. Тотомианца. М., 1918 // Рабочий мир. №. 7. С. 58–59.

1919

Революционный коммунист XVIII в. (Жан Мелье и его «Завещание»). М. – 83 с. Интернационал // Рабочий мир. № 6. С. 15–17.

1920

Программа по истории социализма // Объяснительная записка к программе по истории социализма. Иваново-Вознесенск. С. 1–8. 2-я пагинация.

1921

Предисловие // *Морелли.* Кодекс природы, или Истинный дух ее законов (1755) / Пер. с фр. М.Е. Ландау. М. С. VII–XXII.

1922

Общественные теории XVIII века // Англия и Франция на исходе XVIII // Экономика и идеология. Пг. С. 185–229.

Идейное наследие бабувизма // Вестн. Соц. акад. № 1. С. 67–84.

1923

Очерки по истории социализма. М.; Пг. - 152 с. (Содержание: Революционный коммунист XVIII в. С. 3–66; Морелли. С. 67–86; Уравнительные теории XVIII века. С. 87–114; Идейное наследие бабувизма. С. 115–132; Сенсимонизм. С. 133–150).

Рец.: *Буонарроти Ф.* Гракх Бабеф и заговор равных / Пер. К. Горбач под ред. В. Святловского. М., 1923 // Правда, 1 апреля.

Ред.: Изложение учения Сен-Симона (1828–1829). М.; Пг. - 336 с.

Предисловие // Там же. С. V–XXIII.

Ред.: *Сен-Симон.* Избранные сочинения (1819–1825) / Пер. с фр: А.И. Рубина, Л.С. Цетлина и С.С. Цетлина. М.; Пг. - 212 с.

Предисловие // Там же. С. III–XXXIII.

1924

Очерки по истории социализма. 2-е изд. М. - 152 с. (Содержание см. год 1923).

Сен-Симон и сенсимонизм. М., Л. - 112 с.

Революционный коммунист XVIII в. 2-е изд. М.; Л. - 91с.

Рец.: *Святловский В.В.* История социализма. 2-е изд. Л., 1924 // Под знаменем марксизма. 1924. № 3. С. 283–288.

1925

Сен-Симон и сенсимонизм. 2-е изд. М. - 104 с.

Социализм в древней Греции. Очерки 1–2 // Вестник Коммунистической академии. Кн. 10. С. 97–116; Кн. 12. С. 140–173.

1926

Очерки по истории социализма. 3-е изд., доп. М.; Л. - 282 с. (3-е издание дополнено очерками: Социализм в древней Греции. С. 5–70; Сен-Симон. С. 200–256).

Бабеф Гракх (1760–1797) // БСЭ. Т. 4. Стб. 258–262.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса // Научный работник. № 3. С. 27–36.

Об установлении единой ученой степени // Научный работник. № 7–8. С. 22–30.

Über die historische Stellung St.-Simons [Об исторических взглядах Сен-Симона] // Marx-Engels Archiv. Zeitschrift des Marx-Engels Institut in Moskau. Frankfurt a/M. Bd. 1. S. 82–118.

1927

Советская власть и научные работники за 10 лет // Научный работник. № 11. С. 17–25.

1928

История социалистических идей. М.; Л. Ч. 1. - 299 с. (Содержание: Предисловие. С. 3–4; Введение. С. 5–28; Главы 1–9; Элементы социализма в древнем мире. С. 29–63; Элементы социализма в раннем христианстве. С. 64–83; Коммунистические течения в средние века. С. 84–109; Коммунистические течения в эпоху реформации. С. 110–132; Первые утописты нового времени. С. 133–164; Социалистические идеи в Англии XVII века. С. 165–187; Французский социализм XVIII века. С. 188–230; Великая французская революция и социализм. С. 231–259; Социалистические идеи в Англии XVIII века. С. 260–293).

Сост.: Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. М.; Л. - 309 с.

Русская литература по новейшей истории Запада // Общественные науки СССР. 1917–1927. М., 1928. С. 116–125.

Социализм и эгалитаризм // Вестник Коммунистической академии. № 29. С. 13–17.

Секция научных работников в Средней Азии // Научный работник. № 5–6. С. 79–82.

1929

Система Фурье // Под знаменем марксизма. № 7–8. С. 102–126.

Sozialismus und Egalitarismus (Социализм и эгалитаризм) // Unter d. Banner d. Marx. Jg. 3. H. 1. S. 78–91.

Ред.: Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. М.; Л. - 551 с.

Предисловие // Там же. С. 9.

Історія соціалістичних ідей / Авториз. переклад з рос. І. Ширепка. Харків. Ч. 1. - 254 с.

Вишпер Роберт Юрьевич // БСЭ. Т. 11. Стб. 186–189.

Годвин Уильям // БСЭ. Т. 17. Стб. 374–377.

1931

История социалистических идей. М.; Л. Ч. 2. Вып. 1. - 142 с. (Содержание: Сен-Симон и сенсимонизм. С. 5–34; Фурье. С. 35–67; Оуэн и его школа. С. 68–111; Социалистические идеи в английской публицистике 1830–1840 гг. С. 112–139).

Общий отчет о деятельности Академии наук СССР за 1930 г. Речь на торжественном годовом собрании Академии наук СССР 2 февраля 1931 г. Л. - 16 с.

То же // Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1930 год: Общий отчет, отчеты о работах действительных членов Академии и отдельных академических учреждений с

указателями научно-литературных трудов в отдельном приложении. Л. С. I–XV.

Итоги сессии: Заключительное слово [на Чрезвычайной сессии Академии наук СССР в Москве 21–27 июня 1931 г.] // Вестник АН СССР. Внеочер. номер. Стб. 41–46.

Реорганизация Академии наук // Вестник АН СССР. № 1. Стб. 3–12.

Московская сессия Академии наук // Вестник АН СССР. № 5. Стб. 1–6.

По новому пути – к новым победам // Вестник АН СССР. № 10. Стб. 3–8.

Предисловие // *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века: (Материалы). Л. Ч. 2. С. III–IV.

Планирование научной работы и Академии наук // Известия. 1931. 6 апреля.

Московская сессия Академии наук (План работы предстоящей сессии) // Известия. 1931. 9 июня.

От июньской сессии [АН СССР] к ноябрьской // Известия. 1931. 23 ноября.

К ноябрьской сессии Академии наук СССР // Известия. 1931. 24 ноября.

1932

О плане работ сессии [АН СССР] // Вестник АН СССР. № 1. Стб. 7–12.

Академия наук и Урало-Кузбасский комбинат // Вестник АН СССР. № 8. Стб. 5–16.

Академия наук к 15-й годовщине Октября // Фронт науки и техники. № 11–12. С. 25–30.

Урало-Кузбасская сессия Академии наук // На ленинском пути. № 6–7. С. 35–39.

Крепнет союз науки и социалистического труда // Правда. 1932. 2 февраля.

Академия наук СССР к пятнадцатой годовщине Октябрьской революции // Известия. 1932. 7 ноября.

1933

Речь на торжественном годовом собрании Академии наук СССР 2 февраля 1933 г. // Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1932 году. Л. С. I–X.

Октябрьская сессия Академии наук // Вестник АН СССР. № 11. Стб. 1–6.

Академия наук в социалистическом строительстве Союза ССР // Советское строительство. № 1. С. 43–53.

Методологическая дискуссия на Варшавском конгрессе // Борьба классов. № 10. С. 24–26.

От Бабефа к Марксу // Там же. С. 44–48.

1934

Академия наук СССР за четыре года. 1930–1933: Речи и статьи. Л. - 119 с. (Содержание: Академия наук в 1930 г. С. 5–22; Московская сессия. С. 23–26; По новому пути – к новым победам. С. 27–29; Привет XVII Всесоюзной конференции Коммунистической партии от Академии наук. С. 30–34; Академия наук в 1931 г. С. 35–52; Академия наук и Урало-Кузбасский комбинат. С. 53–56; На Юбилейной сессии. С. 57–70; Академия наук в 1932 г. С. 71–84; Наши успехи и наши недочеты. С. 85–91; Труды и достижения Академии наук. С. 92–97; Академия наук в 1933 г. С. 98–118).

Кампанелла – коммунист // *Кампанелла Ф.* Город солнца / Пер. с лат. и ком. Ф.А. Петровского. М.; Л. С. 7–18.

Речь на траурном митинге на Красной площади в Москве в день похорон академика А. В. Луначарского // Вестник АН СССР. № 1. Стб. 47–50.

Труды и достижения Академии наук // Вестник АН СССР. № 3. Стб. 1–8.

Академия наук в 1933 г. // Там же. Стб. 27–36.

Наши задачи и перспективы // Вестник АН СССР. № 11–12. Стб. 13–20.

Предисловие // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сборник статей. Л. С. 3–4.

Что мы переводим в Москву: [О переводе Академии наук СССР] // Правда. 1934. 27 июня.

Международный конгресс историков в Варшаве // Исторический сборник. Л. Т. 1. С. 5–24.

Скорбь и негодование: [По поводу смерти С. М. Кирова] // Известия. 3 декабря.

Ред.: Исторический сборник. 3. Л., 1934. - 342 с. [Совместно с Б.Д. Грековым и др.]

1935

Очерки по истории социализма. 4-е изд. М., Л. - 407 с. (Содержание: Социализм в древней Греции. С. 7–74; Исторический памфлет против коммунизма. С. 75–89; Кампанелла – коммунист. С. 90–97; Революционный коммунист XVIII века. С. 98–159; Морелли. С. 160–180; Уравнительные теории XVIII века. С. 181–212; Идейное наследие бабунизма. С. 213–230; Сен-Симон и сенсимонизм. С. 231–316; Социологические взгляды Фурье. С. 317–356; Джон Френсис Брей. С. 357–377; Социализм и эгалитаризм. С. 378–392; От Бабефа к Марксу. С. 393–407).

Фурье Шарль // БСЭ. Т. 59. Стб. 344–349.

Речь на торжественном годовом собрании Академии наук СССР 25 марта 1935 г. // Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году. М.; Л. С. 5–14.

Академия наук СССР к VII Съезду Советов СССР: Итоги и перспективы // Всесоюзному Съезду Советов – Академия наук СССР. М.; Л. С. 1–17.

Историческое значение «Утопии» // *Мор Т.* Золотая книга столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. М.; Л. С. 7–21.

Академия наук на новом этапе // Вестник АН СССР. № 4. Стб. 3–26.

Союз науки и труда: [Речь на VII Всесоюзном съезде Советов] // Известия. 3 февраля.

1936

Великие утописты: Стенограмма лекции, прочитанной 27 марта 1936 г. М. – 28 с. То же. 2-е изд. - 24. с.

Сессия Международного исторического комитета // Вестник АН СССР. № 6. С. 34–35.

Ред.: *Ретиф де ла Бретон*. Южное открытие, произведенное летающим человеком, или Французский Дедал / Вступ. статья и ком. А.Р. Иоаннисяна. М.; Л. - 274 с.

Ред.: Исторический сборник. 5. М.; Л. - 379 с. (Совместно с Б.Д. Грековым и др.)

1937

Консидеран Виктор // БСЭ. Т. 34. Стб. 48–49.

Французский утопист XVII в. // *Верас Дени*. История севарамбов. М.; Л. С. V–XL.

Ред.: *Верас Дени*. История севарамбов. М.; Л. - 253 с.

1938

Мор Томас // БСЭ. Т. 40. Стб. 165–168.

Коммунистическая теория Морелли // *Морелли*. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М. С. III–XXXII.

Ред.: *Морелли*. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М. - 234 с.

1939

Оуэн Роберт // БСЭ. Т. 43. Стб. 664–671.

Пеккер Константин // БСЭ. Т. 44. Стб. 471–472.

Политический радикализм накануне французской революции // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 13–36.

1940

Социальные и политические идеи во Франции перед революцией 1748–1789. М.; Л. - 191 с. (Содержание: Введение. С. 5–9; Идеализация буржуазного порядка. С. 10–31; Теория мелкобуржуазного равенства. С. 32–45; Критика экономического либерализма. С. 46–61; Коммунистические идеи и кооперативные проекты. С. 62–83; Политические традиции и «просвещенный абсолютизм». С. 84–96; Теория ограниченной монархии. С. 97–130; Демократическая теория. С. 131–157; Буржуазный радикализм накануне революции. С. 158–184).

Пийо Жан Жак // БСЭ. Т. 45. Стб. 348.

Ред.: Новая история / Под ред. Е.В. Тарле, А.В. Ефимова и Ф.А. Хейфец. М., 1939. Ч. 1. От Французской буржуазной революции до Франко-прусской войны и Парижской коммуны (1789–1870). - 571 с. // Историк-марксист. Кн. 7. С. 106–110.

Ред.: Всемирная история: Проспект. М.; Л. - 20 с.

1941

Всемирная история // Вестник АН СССР. № 4. С. 58–61.

Ред.: Французская буржуазная революция 1789–1794. М.; Л. - 852 с. (Совместно с Е.В. Тарле)

1942

О работе Отделения истории и философии Академии наук СССР в 1942 году // Исторический журнал. Кн. 9. С. 88–89.

Ред.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. - 288 с. (Совместно с Е. В. Тарле и А. М. Панкратовой).

1943

Речь [на второй антифашистском митинге советских ученых] // Второй антифашистский митинг советских ученых в Москве 11 июля 1943 года. М. С. 47–48.

1944

Отделение истории и философии [Изложение доклада об итогах работ бюро и институтов Отделения за 1943 г.] // Вестник АН СССР. № 4–5. С. 92–95.

Выдающийся советский ученый [В.Л. Комаров] // Известия. 14 октября.

Ред.: Известия Академии наук СССР. Сер. ист. и фил. Т. 1.

1945

Политические идеи Вольтера // Известия АН СССР. Сер. ист. и философии. Т. 2. № 1. С. 3–13.

Ленин и наука // Известия АН СССР. Сер. ист. и философии. Т. 2. № 2. С. 52–60.

Диалектический материализм и историческая наука // Известия АН СССР. Сер. ист. и философии. Т. 2. С. 121–128.

То же // Большевик. № 11–12. С. 18–24.

О перспективном плане в области исторической науки // Исторический журнал. Кн. 3. С. 60–75.

Вольтер – историк // Исторический журнал. Кн. 4. С. 64–70.

Борец и ученый [В.И. Ленин] // Българ.-съв. дружба. № 4. С. 15.

Праздник советской археологии: [I Всесоюзное археологическое совещание] // Известия. 27 февраля.

Слава Красной Армии // Вечерняя Москва. 4 мая.

Могущество нашей Родины: [по поводу победы над Германией] // Вечерняя Москва. 9 мая.

220 лет Академии наук СССР // Комсомольская правда. 9 июня.

Праздник советской науки: [220 лет Академии наук СССР] // Московский большевик. 14 июня.

Ред.: Исторические науки / Сост.: Альтман В.В., Будовниц И.У., Любименко И.И., Токарев С.А. М.; Л. - 43 с. [Очерки по истории Академии наук СССР. 1725–1945].

Ред.: *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л. - 93 с. (Совместно с С.И. Вавиловым)

Ред.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год: Отделение истории и философии АН СССР. М.; Л. - 62 с.

Ред.: Известия АН СССР. Сер. ист. и философии. Т. 2.

1946

Филиалы и базы // Известия. 24 марта.

Ред.: Известия Академии наук СССР. Сер. ист. и философии. Т. 3.

1947

Уинстенли Джерард // БСЭ. Т. 55. Стб. 710–713.

Диалектический материализм и историческая наука // Юбилейная сессия Академии наук СССР 15 июня–3 июля 1945 г. М.; Л. Т. 2. С. 560–570.

Социальное учение раннего сенсимонизма // Изложение учения Сен-Симона / Пер. с франц. М.Е. Ландау, под ред. и с комм. Э.А. Желубовской. М.; Л. С. 5–50.

- Коммунистическая теория Морелли // *Морелли*. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов / Пер. с франц. М.Е. Ландау, под ред. и с комм. Ф.Б. Шуваевой. М.; Л. С. 5–42 (Предшественники научного социализма).
- Историческое значение Вольтера // *Вольтер*. Избранные произведения. М. С. 3–37.
- Коммунистическая утопия Кампанеллы // *Кампанелла Ф.* Город солнца / Пер. с латинск. и комм. Ф.А. Петровского. М.; Л. С. 7–20.
- Историческое значение «Утопии» // *Мор Т.* Утопия / Пер. с лат. с комм. А.И. Малеина. М.; Л. С. 5–22.
- Уравнительные и социалистические тенденции во французских тайных обществах 1830–1834 годов // Вопросы истории. № 6. С. 26–49.
- Памяти Поля Ланжевена // Вестник АН СССР. № 1. С. 124.
- А.П. Карпинский как президент Академии наук СССР // Вестник АН СССР. № 4. С. 12–16.
- В Индии // Вестник АН СССР. № 5. С. 49–69.
- Поездка в Индию: Путевые заметки // Новое время. № 12. С. 19–25.
- По городам и дорогам Индии: Путевые заметки // Вокруг света. № 6. С. 28–35.
- Ред.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г.: Отделение истории в философии [АН СССР]. М., Л. - 166 с.
- Ред.: Известия Академии наук СССР. Сер. ист. и философии. Т. 4.
- 1948**
- Социальное учение Сен-Симона // *Сен-Симон*. Избранные сочинения / Пер. с фр., под ред. и с комм. Л.С. Цетлина. М.; Л. Т. 1. С. 5–85.
- Этьен Кабэ // *Кабэ Э.* Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман / Пер. с фр., под ред. Э.Л. Гуревича. М.; Л. Ч. 1. С. 5–67.
- Историческое значение Вольтера // *Вольтер*. Статьи и материалы / Под ред. В.П. Волгина. М.; Л. С. 7–55.
- Движение «равных» и их социальные идеи // *Буонарроти Ф.* Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа / Пер. с фр. Э.А. Желубовской, комм. под ред. А.З. Манфреда. М.; Л. Т. 1. С. 5–49.

Пеккёр // Ист. зап. Кн. 25. С. 169–239.

Пеккёр после 1848 г. // Вопросы истории. № 4. С. 81–90.

Этьен Кабэ // Известия АН СССР. Серия ист. и философии. Т. 5. № 3. С. 227–248.

К столетию «Манифеста Коммунистической партии» // Вестник АН СССР.
№ 3. С. 29–43.

То же // Вопросы истории. № 3. С. 3–15.

Венгерская революция 1848 года и наша современность // Известия. 30 марта.

Ред.: *Вольтер*. Статьи и материалы. М.; Л. - 500 с.

Ред.: Известия АН СССР. Сер. ист. и философии. Т. 5.

1949

Идеи социализма и коммунизма во французских тайных обществах 1835–
1847 годов // Вопросы истории. № 3. С. 64–81.

Парижский конгресс сторонников мира // Вестник АН СССР. № 6. С. 27–29.

[Выступление на Всемирном конгрессе мира в Париже] // Правда. 27 апреля.

На Конгрессе [сторонников мира] в Париже // Вечерняя Москва. 1 мая.

За социальный прогресс // Московский большевик. 2 октября.

Ред.: Известия АН СССР. Сер. ист. и философии. Т. 6.

1950

Роберт Оуэн // *Оуэн Р.* Избранные сочинения / Пер. с англ. и комм.
С.А. Фейгиной. М.; Л. Т. 1. С. 5–64.

Диггеры и Уинстенли // *Уинстенли Д.* Избранные памфлеты / Пер. с англ.
Е.Г. Денисовой, под ред. и с комм. А.С. Самойло. М.; Л. С. 5–42.

Социальное учение Мабли // *Мабли Г.* Избранные произведения / Пер. с фр. и
комм. Ф.Б. Шуваевой. М.; Л. С. 5–31.

Мир победит войну // Знамя. № 5. С. 3–9.

[Речь на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве] //
Правда. 25 ноября.

Ред.: Известия Академии наук СССР. Сер. ист. и философии. Т. 7.

1951

Бабеф Гракх // БСЭ. 2-е изд. Т. 4

Блан Луи // Там же. Т. 5. С. 287–288.

Бланки Луи Огюст // Там же. С. 288–290.

Система Фурье // *Фурье Ш. Избранные сочинения* / Пер. с фр. и комм. И.И. Зильберфарба. М.; Л. Т. 1. С. 5–70.

Политические и социальные идеи Бланки // Известия АН СССР. Сер. ист. и философии. Т. 8. № 6. С. 522–541.

[Речь на траурном заседании Президиума Академии наук СССР, посвященном памяти С.И. Вавилова] // Вестник АН СССР. № 2. С. 16.

[Выступление на Сессии, посвященной 125-летию со дня восстания декабристов] // Вестник АН СССР. № 3. С. 125–126.

Выступление на торжественном заседании в Большом театре 28 мая 1951 года [с приветствием от Академии наук СССР Государственному ордену Ленина академическому Большому театру СССР] // Вестник АН СССР. № 6. С. 30–31.

Ред.: Известия Академии наук СССР. Сер. ист. и философия. Т. 8.

1952

Вступительное слово [на Торжественном заседании в Доме ученых 6 февраля 1951 г., посвященном 90-летию со дня рождения Н.Д. Зелинского] // Академик Николай Дмитриевич Зелинский: Девяностолетие со дня рождения. М. С. 13–15.

Политические и социальные идеи Бланки // *Бланки Л.О. Избранные произведения* / Пер. с фр. и комм. Ф.Б. Шуваевой. М. С. 5–59.

«Манифест Коммунистической партии» // Революция 1848–1849 / Под ред. Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. М. С. 145–157.

Ред.: Известия Академии наук СССР. Сер. ист. и философия. Т. 9.

1953

Sir Thomas More // News (Moskova). № 4. Febr. P. 14–15.

Историческое значение «Утопии» // *Мор Т. Утопия* / Пер. с лат. и комм. А.И. Малеина и Ф.А. Петровского. 2-е изд. М. С. 5–28.

Представители советской исторической науки: [К выборам в Академию наук СССР] // Известия. 18 октября.

1954

Ред.: *Фурье Ш.* Избранные сочинения / Пер. с фр. и комм. И.И. Зильберфарба. М. Т. 3 и 4..

Мелье и его «Завещание» // *Мелье Ж.* Завещание / Пер. с фр. Ф.Д. Капелюша и Г.П. Полякова, под ред. Ф.А. Коган-Бернштейн. Пер. приложений и ком. Ф.Б. Шуваевой. М. Т. 1. С. 5–52.

1955

Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954–1955. Т. 1–6.

Политические и социальные идеи Дидро // Вопросы истории. № 3. С. 32–44.

Оуэн Роберт // БСЭ. 2-е изд. Т. 31. Стб. 449–450.

Гуманизм и социализм // Вестник МГУ. Сер. обществ. наук. № 7. Вып. 3. С. 93–94.

О политических и социальных идеях Дидро и «Энциклопедии» // Вестник АН СССР. № 6. С. 82–84.

1956

Французский утопист XVII в. // *Верас Д.* История севарамбов. М. С. 5–49.

Утопический коммунизм Дезами // *Дезами Т.* Кодекс общности. М. С. 5–65.

Коммунистическая теория Морелли // *Моррелли.* Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М; Л. С. 5–57.

Гуманизм и социализм // Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г.: Доклад советской делегации. М. С. 471–496.

1957

Принципы и задачи издания серии «Литературные памятники» // Известия АН СССР. Отд. лит. и языка. Т. 16. Вып. 2. С. 180–181.

[Выступление на общем собрании Отдела исторических наук, обсуждавшем вопрос о выпуске Исторической энциклопедии] // Вестник АН СССР. № 12. С. 93.

«Истинная система» Дешана // Вопросы истории. № 12. С. 99–108.

Пьер Леру – один из эпигонов сенсимонизма // Сборник статей памяти акад. Е.В. Тарле. М. С. 389–404.

Социальные и политические идеи Гольбаха // Новая и новейшая история. № 1. С. 29–55.

В.И. Ленин и французская революционная традиция: [Доклад на расширенном заседании группы по изучению истории Франции, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 15 ноября 1957 г. (Краткое изложение) // Вопросы истории. № 12. С. 210.

1958

Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М. - 416 с. (Содержание: Введение. С. 5–9; Главы I–VI: Основоположники буржуазной идеологии. С. 11–69; Экономисты. С. 70–101; Энциклопедисты. С. 102–204; Демократы и уравниатели. С. 205–272; Коммунистические теории и кооперативные проекты. С. 273–360; Канун революции. С. 361–397; Заключение. С. 398–403; От автора. С. 404).

Социальные идеи Годвина // *Годвин В.* О собственности. М. С. 5–51.

Жан Жак Пийо // Новая и новейшая история. № 4. С. 3–10.

Социальные и политические взгляды Марата // Из истории рабочего класса и революционного движения: Сборник статей памяти акад. А.М. Панкратовой. М. С. 559–573.

[Анализ ленинских идей и мыслей, связанных с историей Франции, преимущественно в их применении к революционным задачам российского пролетариата: Доклад на заседании группы по изучению истории Франции (Краткое содержание)] // Вестник АН СССР. № 4. С. 98.

[Вступительное слово на расширенном заседании группы по изучению истории Франции, посвященном 200-летию со дня рождения М. Робеспьера (Краткое содержание)] // Вестник АН СССР. № 7. С. 140–141.

1959

Ленин и революционные традиции французского народа [Сокращенная стенограмма доклада на заседании группы по изучению истории Франции

при Институте истории АН СССР, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 15 ноября 1957 г.] // Французский ежегодник. 1958. С. 7–18.

1960

Французский утопический коммунизм. М. - 376 с. (Содержание: Часть первая. Утопический коммунизм XVII и XVIII веков (I. Верас. II. Мелье. III. Морелли. IV. Эскирос, Констан. V. Бабувизм. VI. После революции). Часть вторая. Распространение идей коммунизма в 30–40-х годах XIX века (I. Рабочий класс на путях к коммунизму. II. Коммунистическая пресса). Часть третья. Теоретики утопического коммунизма перед 1848 годом (I. Кабэ. II. Лаотьер. III. Вильгардель. IV. Эскирос, Констан. V. Дезами. VI. Пийо. VII. Бланки). Заключение).

Французская коммунистическая пресса 40-годов XIX века // Новая и новейшая история. № 1. С. 3–24.

Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г. / Пер. с фр. Ред. коллегия: В.П. Волгин и др. М., 1959–1960. Т. 1–2.

От мечты – к живому коммунизму // Правда. 20 марта.

1961

Сен-Симон и сенсимонизм. М. - 158 с. (Содержание: Гл. 1–3. Социально-философские идеи Сен-Симона. Социальное учение раннего сенсимонизма. Последние годы сенсимонистской школы).

[Вступительная статья] // Изложение учения Сен-Симона. М.

Место бабувизма в истории социальных идей // Новая и новейшая история. № 2. С. 23–27.

Социальное учение Вейтлинга // Вопросы истории. № 8. С. 7–26.

От мечты о коммунизме к программе его осуществления // Новая и новейшая история. № 6. С. 9–16.

1962

Социальное учение Вейтлинга // *Вейтлинг В.* Гарантии гармонии и свободы. М. С. 5–60.

Наследие утопического социализма // История социалистических учений. М. С. 7–33.

Социализм А.И. Герцена: (К 150-летию со дня рождения) // Вопросы истории. № 5. С. 39–63.

1963

Социализм Герцена // Проблемы изучения Герцена. М. С. 43–81.

Пьер Леру – один из эпигонов сенсимонизма // Французский ежегодник. 1962. М. С. 150–179.

Движение «равных» и их социальные идеи // *Буонарроти Ф.* Заговор во имя равенства. М. Т. 1. С. 7–62.

1969

[Вступительная статья] // *Кампанелла Т.* Город Солнца. Ереван.

1974

Социализм Герцена // *Герцен А.И.* О социализме. М. С. 5–82.

1975

Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М. -295 с. (Содержание: В.П. Волгин (вступительный очерк Б.Ф. Поршнева). С. 3–8; Социализм в древней Греции. С. 9–63; Элементы социализма в раннем христианстве. С. 64–80; Коммунистические течения в средние века. С. 81–103; Коммунистические течения в эпоху Реформации. С. 104–123; Историческое значение «Утопии». С. 124–135; Коммунистическая утопия Т. Кампанеллы. С. 136–147; Социалистические идеи в Англии XVII века. С. 148–172; Социалистические идеи в Англии XVIII века. С. 173–195; Социальные идеи В. Годвина. С. 196–212; Великая французская революция и социализм. С. 213–234; Идейное наследие бабувизма. С. 235–248; Социализм и эгалитаризм. С. 249–260; Гуманизм и социализм. С. 261–278; Рец. на кн.: *Святловский В.В.* История социализма. 2-е изд. Л., 1924. С. 279–285).

1976

Очерки истории социалистических идей: Первая половина XIX века. М. – 408 с.
(Содержание: Роберт Оуэн. С. 3–31; Джон Френсис Брей. С. 32–48; Социалистические идеи в английской публицистике 1830-х – 1840-х годов. С. 49–76; Система Фурье. С. 77–112; Социологические взгляды Фурье. С. 113–144; Сен-Симон и сенсимонизм. С. 145–219; Пьер Леру – один из эпигонов сенсимонизма. С. 220–256; Пеккёр. С. 257–343; Социальное учение Вейтлинга. С. 344–370; Социализм Герцена. С. 371–408).

1977

Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. 2-е изд. М. - 375 с.
(Содержание см.: 1958 г.).

1978

Французский утопический коммунизм. 2-е изд. М. - 335 с. (Содержание см.: 1960 г.)

1979

Волгин В.П. Статьи и выступления. М.

1981

Очерки истории социалистических идей. М. - 454 с.

1982

Очерки истории социалистических идей: Первая половина XIX в. / Вступ. ст.
Б. Поршнева. М. - 453 с.

Приложение № 5. Список сокращений

АРАН	Архив Российской Академии наук
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков); официальное название партии в 1925–1952 гг.
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ВЦСПС	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
Главпрофобр	Главный комитет профессионально-технического образования Наркомпроса
ГУС	Государственный ученый совет
ИКП	Институт красной профессуры
Истпарт	Учреждение, занимающееся разработкой истории коммунистической партии.
КИЗ	Комиссия по истории знаний
МГУ	МГУ имени М.В. Ломоносова до Февральской революции 1917 г. именовался «Императорский Московский университет», между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. – «Московский университет». С октября 1917 г. по сентябрь 1930 г. – «I Московский государственный университет»
МИФЛИ	Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского
Моссовет	Московский городской совет
МОСХ	Московский союз художников
МСРД	Московский Совет рабочих депутатов
Наркомпрос	Народный комиссариат по Просвещению
НКГБ СССР	Народный комиссариат государственной безопасности
НКЮ	Народный комиссариат юстиции
ОГН	Отделение гуманитарных наук
ОНУ	Отдел научных учреждений

ОФМ	Отделение математических и естественных наук
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков); официальное название партии в 1918–1925 гг.
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая
РСДРП(и)	Российская социал-демократическая рабочая партия (интернационалистов)
САОН	Социалистическая академия общественных наук
Совнарком	Совет народных комиссаров
СУ	Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР
ФОН	Факультет общественных наук
ЦАГМ	Центральный архив города Москвы
Цекубу	Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦИАМ	Центральный исторический архив Москвы